

**На
боевом
посту**

БП

2'90

**НОЧИ
НА ЛУБЯНКЕ**

**И. Черныш.
НЕИСТОВАЯ
«ФОРТУНА»**

**ИЗ КАРАУЛА
НЕ ВЕРНУЛИСЬ...**

на боевом посту **БП**

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

ОРГАН ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД СССР

2'90

Издается с 1958 г.

Главный редактор
А. Г. ГОРЛОВ.

Редакционная
коллегия:

В. В. АСТАШИН,
В. В. БАРСУКОВ,
Б. Р. БОРУКАЕВ,
В. И. БУСЫГИН
(ответственный секре-
тарь),

Ю. В. ДУРНЕВ,
Н. М. ЗАХАРЧЕНКО,
А. П. КОТЛЯРОВ,
И. Т. КОЗЛОВ,
В. Ф. КУЗЬМЕНКО,
Г. А. МАЛЮШКИН,
Е. А. НЕЧАЕВ,
Л. А. ПАНКРАТОВ,
Л. Н. ПЕЧЕВОЙ,
Ю. Л. РАЖЕВ
(зам. главного редак-
тора),

А. С. СОКК,
П. А. СТУДЕНИКИН,
В. Н. УСКОВ
(зам. главного редак-
тора),
В. А. ШОШИН,
В. В. ЩУРОВ.

■ НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ
ОБЛОЖКИ: сержант С. Ни-
лов служит во внутренних
войсках, а рядовой С. Пьяни-
ков — в мотострелковой части
Советской Армии. Дружно
живут соседи по гарнизону.

■ НА СНИМКЕ СПРАВА:
в Центральном музее внут-
ренних войск с молодыми
воинами беседует участник
Великой Отечественной
войны И. Щербак.

Фото

А. АЛЕКСАНДРОВА.

ВЕТЕРАН И ЕГО СМЕНА

Кто был в те тревожные дни в Фергане, сможет отыскать на фотоснимках своих старых знакомых, с которыми пришлось плечом к плечу стоять в войсковой цепочке. Именно эти солдаты, сержанты и офицеры не опоздали тогда, не позволили из искры большей частью надуманных противоречий разгореться адскому пламени межнациональной вражды.

Действия войск были по-настоящему боевыми. И сейчас, глядя на то, как четко печатает по плацу

шаг парадный расчет, воочию убеждаешься в правоте армейской поговорки: красив в строю — силен в бою.

За мужество, смелость и инициативу многие военнослужащие, участвовавшие в ферганских событиях, поощрены. Впрочем, и отличных строевиков всегда ждет награда. По традиции лучшей шеренге вручается торт. На сладкое. Сегодня эту приятную миссию выполняет политработник майор Виктор Карлин.

Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

КРАСИВ В СТРОЮ...

ВСЕ МЫ — В СТРОЮ

Иван Никитович Кожедуб... Полвека он в армейском строю. В годы Великой Отечественной войны отважный летчик лично сбил в воздушных боях 62 самолета противника. В боях с врагом проявил лучшие качества воина: мужество, смелость, стойкость, талант, верность присяге, воинскому долгу. Ныне маршал авиации И. Н. Кожедуб — военный инспектор-советник группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

КОГДА вспоминаю боевую историю нашего полка, всегда вижу перед глазами младшего лейтенанта Ваню Габунию. Мы не раз совершали с ним боевые вылеты: я у него был ведомым. Это был смелый, надежный товарищ. Но вот однажды мой самолет поставили в ремонт. И Габуния по боевой тревоге вылетел в паре с командиром эскадрильи Гавришем — ведомым у него. Бомбардировщики врага уже близко. Гавриш устремляется к ним. Но на него пошли в атаку два «мессершмитта». Ваню Габуния бросил свой самолет наперерез им, преградил путь, а потом стремительно сблизился с одним из них и таранил его: боеприпасы у него уже кончились. Раздался взрыв. Оба самолета упали.

Мне и сейчас вспоминаются слова Ваню: «Если мне не удастся сбить пушечным огнем, то враг все равно живым не уйдет — пойду на таран». Так он и поступил...

Я больше всегда рассказываю о летчиках: это для меня ближе. Но подвиги — подвиги бессмертные — совершали в годы войны представители всех родов войск: пехотинцы, танкисты, артиллеристы, моряки, связисты. Я так же хорошо знаю, как мужественно и отважно сражались с ненавистным врагом воины внутренних войск, обороняя Брестскую крепость, родную Москву, Ленинград, Сталинград, Одессу, Тулу, Воронеж, Северный Кавказ. Тысячи

и тысячи солдат и офицеров внутренних войск бились с врагом умело, с думой о Родине, о партии.

Какие имена в годы войны были на наших устах?

Танкист старший лейтенант Д. Лавриненко. Под Орлом, Мценском и Москвой этот бывший учитель с Кубани уничтожил 52 гитлеровских танка, причем в своем последнем огневом поединке — 9.

Бронебойщик Илья Каплунов. Всего два дня участвовал в боях под Сталинградом этот моряк с Тихоокеанского флота, а прославился своей отвагой и стойкостью на века. В первой же схватке с врагом раскрылась в полную силу его богатырская душа — душа воина-коммуниста. 21 декабря 1942 года в районе хутора Нижне-Кумского он из противотанкового ружья и гранатами подбил 8 вражеских танков. Осколком снаряда был тяжело ранен. Стрелять и бросать гранаты уже не мог. Тогда он выбрался из окопа и, оставляя на снегу кровавый след, с гранатами в руках пополз навстречу девятому танку и подорвал его.

А как воевала под Сталинградом стрелковая рота, которой командовал коммунист старший лейтенант П. Н. Наумов! Враг бросил против нее 30 танков и до батальона «якэты». Лишь когда вражеская пуля сразила последнего бойца этой роты, фашисты смогли здесь продвинуться вперед. На поле боя осталось 300 трупов

**23 февраля — День Советской Армии
и Военно-Морского Флота**

И. Н. Кожедуб среди своих избирателей.

солдат и офицеров противника и 18 подбитых танков.

Всегда будут помнить подвиг артиллеристов капитана В. С. Петрова — заместителя командира 1850-го ИПТАП — при форсировании Днепра. На самодельных плотах Петров перебросил через Днепр все орудия полка и двое суток вел неравный бой с танками противника. Враг стремился опрокинуть артиллеристов в реку. Но они стояли насмерть. Их становилось все меньше и меньше. Вскоре в расчетах орудий осталось по одному-два человека. Петров, руководя боем, сам вел огонь из орудия, он был ранен в обе руки. Гитлеровцы вынуждены были отойти.

Во время Сталинградской битвы у всех на устах был подвиг младшего политрука 10-й дивизии войск НКВД Дмитрия Яковлева, который бросился под фашистский танк с двумя гранатами и взорвал себя вместе с вражеской машиной.

Вся послевоенная история Советских Вооруженных Сил — это, также история героического ратного труда. Империалистическая политика холодной войны, ядерного шантажа, крутые спирали навязанной нам гонки вооружений потребовали от советских людей титанических усилий, кардинальной организационной, технической и духовной перестройки всего уклада жизни и деятельности армии и флота.

В начале 70-х годов нам удалось установить с Соединенными Штатами Америки

военно-стратегический паритет, что явилось историческим достижением, важным фактором сдерживания агрессивных устремлений враждебных сил, сохранения мира. После вступления М. С. Горбачева в должность Генерального секретаря ЦК КПСС весной 1985 года и формирования нового руководства государства военное противостояние и сложившаяся обстановка были подвергнуты тщательному анализу. Осуществляя перестройку всего общества, КПСС уже в первой половине 1986 года пришла к таким выводам, которые коренным образом изменили внешнюю политику нашей страны. В связи с этим была переработана и в 1987 году введена в действие новая военная доктрина Организации Варшавского Договора. В соответствии с ней СССР и его союзники объявили, что ни при каких обстоятельствах ни на кого не нападут первыми, никогда первыми не применяют ядерного оружия, ни одно государство и ни один народ не считают своим врагом, ни к кому не имеют территориальных претензий. В соответствии с этой доктриной Советский Союз в одностороннем порядке в течение 1989—1990 гг. на 500 тысяч человек сокращает Вооруженные Силы, а структуру армии и флота перестраивает на оборонительную. В этих условиях войны Вооруженных Сил делают все по гарантированному обеспечению высокой бдительности, четкой организации боевого дежурства, поддержанию в постоянной готовности к боевому применению

С коллегии МВД СССР

На состоявшемся 28 декабря 1989 г. под председательством Министра внутренних дел генерал-лейтенанта В. В. Бакатина заседании коллегии МВД СССР было обсуждено четыре вопроса.

«О ходе выполнения постановлений ЦК КПСС по борьбе со спекуляцией и нарушениями правил торговли в условиях товарного дефицита в стране и организующей роли ГУБХСС МВД СССР в решении этих задач» — с сообщением по данному вопросу выступил заместитель начальника главка А. С. Ключников. Члены коллегии, а также ряд ответственных работников органов внутренних дел с мест с горячей заинтересованностью обсудили работу милиции на этом участке. Было предложено провести повсеместную аттестацию в органах БХСС, самым решительным образом навести порядок в аппарате главка и подчиненных ему подразделений, изжить позорные случаи сращивания отдельных работников с преступными элементами.

Начальник ГИЦ МВД СССР генерал-майор внутренней службы А. И. Смирнов доложил коллегии о состоянии информационного обеспечения органов внутренних дел и мерах по его совершенствованию. Коллегия обратила внимание на необходимость постепенного и поэтапного внедрения компьютеризации в деятельность органов внутренних дел. Признано целесообразным повысить качество обучения этому в Академии МВД СССР и других учебных заведениях системы министерства.

Коллегия также рассмотрела итоги инспекторской проверки деятельности Главного управления по исправительным делам МВД СССР. Сообщения по данному вопросу сделали начальник ГУИД МВД СССР генерал-лейтенант внутренней службы И. Н. Катаргин и заместитель начальника Главной инспекции Оргинспекторского управления МВД СССР полковник внутренней службы И. Е. Емельянов.

Заместитель начальника внутренних войск МВД СССР генерал-лейтенант Л. Н. Печевой доложил коллегии о состоянии боевой готовности оперативных и специальных моторизованных частей внутренних войск МВД СССР и мерах повышения эффективности их использования при осложнениях обстановки в различных регионах страны.

По обсуждаемым вопросам коллегией МВД СССР приняты соответствующие решения.

оружия и техники. Они хорошо понимают, что, несмотря на потепление в мире, империалистические источники агрессии не исчезли и гарантии необратимости начатых позитивных процессов не сложились. Военная опасность все еще является реальностью нашего времени.

Однако в последнее время немало делается для того, чтобы нанести удар по авторитету наших Вооруженных Сил. Например, все более откровенно звучат призывы развести нашу армию по национальным квартирам, выдвигаются ультимативные требования о создании национальных воинских формирований и воинской службе лиц коренной национальности исключительно на территориях своих республик. Стали расхожими сопровождаемые циничными оскорблениями требования вывода соединений и частей на территорию Российской Федерации. Советским воинам навешивается ярлык оккупантов. Стало модой стремление ущемить их личное достоинство, нанести моральные и физические оскорбления. Получили распространение факты дискриминации при предоставлении семьям военнослужащих жилья, прописки, устройства на работу. Предпринимаются попытки ограничить, а то и вовсе отменить право военнослужащих избирать или быть избранными в органы власти.

Все это сопровождается попытками, в том числе и с помощью ряда местных, а порой некоторых центральных органов массовой информации, сформировать в общественном сознании негативное отношение к армии, к воинской службе, профессии военного человека. Речь, разумеется, идет не о критике недостатков и негативных явлений в армии, которые есть и которые нужно выкорчевывать. Такая критика правомерна, и мы за нее. Речь о другом, об откровенно предвзятом освещении истории, жизни и деятельности Вооруженных Сил, извращениях их места, роли в обществе, в перестройке.

Все это оскорбляет тех, кто посвятил свою жизнь воинской службе, кто с честью выполняет нелегкий ратный долг.

Служба в Вооруженных Силах была и остается школой жизни, мужества, патриотизма. Воины, верные присяге, честно выполняют священный долг по защите Родины. Они достойно встречают 72-ю годовщину создания Красной Армии. Вместе с ними отмечают этот праздник воины внутренних войск МВД. Они добросовестно, нередко с риском для жизни выполняют свои нелегкие обязанности по обеспечению правопорядка в стране.

Вся история Советских Вооруженных Сил — это история преданного, самоотверженного служения нашей социалистической Родине. Легендарной славой овеяны их боевые знамена. Нет сомнения в том, что и на переломном этапе истории Советские Вооруженные Силы будут достойными своего великого народа, плотью от плоти которого они являются.

МЕЖА

В МИНУВШЕМ ДЕКАБРЕ ОНА РАЗДЕЛИЛА КОММУНИСТОВ ЛИТВЫ

„ПРОГНОЗЫ о том, что двухсоттысячная партийная организация Литвы накануне своего XX съезда на пороге раскола, стали реальностью. Партийный форум литовских коммунистов завершился сегодня в Вильнюсе образованием двух альтернативных центральных комитетов партии».

Эта информация, помещенная в «Правде» 24 декабря 1989 г., думается, внесла беспокоевство в души не только коммунистов страны, но и многих советских людей. Ведь не прошло и месяца, как в своем обращении «К коммунистам Литвы» М. С. Горбачев предупредил, что любое движение в сторону отделения от КПСС нанесет тяжелейший удар по перестройке, причем в самый трудный для нее переломный период. Что силы, консолидирующие общество, неизбежно ослабнут, и это будет иметь лишь крайне негативные последствия для общих социалистических завоеваний. Что гарантом обновления страны сейчас может быть только единая партия интернационалистов, представляющая все народы СССР, защищающая их общие интересы на базе своей платформы по национальной политике. Что идти порознь значит идти в никуда. Что...

Тем не менее уже к исходу второго дня работы съезда 855 делегатов из 1033 проголосовали за самостоятельную Коммунистическую партию Литвы, имеющую свои Программу и Статут (Устав), призвав при этом коммунистов республики «объединиться во имя общей цели—создания независимого Литовского государства и демократического общества».

— Решение могло состояться и раньше, — рассказывал мне делегат съезда Д. М. Варшавский, ветеран наших войск, продолжающий и по сей день активно трудиться на вильнюсской фабрике «Спарта». — Ведь иные были склонны сразу начать с принятия Декларации «О самостоятельности Коммунистической партии Литвы» и затем, уже под этим флагом, проводить съезд. Но им не позволили ломать заранее утвержденную повестку дня. Зато и мое предложение — ограничиться заслушиванием политического отчета ЦК КПЛ и прервать работу до январского Пленума ЦК

КПСС, на котором будет обнародована платформа КПСС к XXVIII съезду, — понимания и поддержки не получило. Председательствующий даже не посчитал нужным вынести его на голосование. Впрочем, надо ли удивляться. Не для того собрались эти люди, чтобы думать о будущем всей страны. Они заряжены национальной идеей. Экономический суверенитет Литвой обретен, дело за политическим. Надо было видеть, как восемьсот с лишним человек в едином порыве, вскочив со своих мест, исполнили «Национальную песню», узнав, что лишь 160 делегатов (при 12 воздержавшихся) противостоят их воле узаконить самостоятельность Компартии Литвы.

ПОЧЕМУ СРЕДИ делегатов было всего 18 рабочих и 5 крестьян, если они составляют 48 процентов членов КПЛ? Этот вопрос прозвучал на съезде. В ответ говорилось, мол, таково решение парторганизаций. Но существует и иное мнение: в республике есть социальные силы, желающие отстранить рабочий класс от его главного — объединять вокруг себя всех трудящихся, увести его с политической арены, размыть идейные ориентиры КПЛ.

На какой основе предполагалось объединить коммунистов республики в самостоятельную партию, действующую в соответствии с Конституцией и законами Литовской ССР? Что не устроило в ней людей, оставшихся на позициях КПСС и вынужденных провести параллельно XX съезду КПЛ VI конференцию КПЛ?

Из Статута выхолощено самое главное — уставная обязанность коммуниста выполнять партийные решения. Взамен этому разрешено, изложив свою позицию в первичной парторганизации, остаться в стороне от дел, не препятствуя работе других. Провозглашена терпимость к различиям в убеждениях и вероисповедании коммунистов.

Что касается Программы, то, хоть и разрабатывался не один ее вариант, все они немногим отличались друг от друга. Вот что говорят по этому поводу специалисты в области истории, теории и практики партийного строительства.

■ **К. СУРБЛИС**, доктор исторических наук, профессор: «Самый серьезный недостаток проектов обоих документов в том,

что в них ничего не сказано о социальной базе Коммунистической партии. На что опираются коммунисты? Чьи интересы они выражают?»

■ **М. БУРОКЯВИЧЮС**, доктор исторических наук, профессор: «Группа по подготовке проекта «Основы Программы Компартии Литвы» откровенно не стоит на платформе КПСС, на платформе марксизма-ленинизма. Их проект Программы составлен так, как будто Литва уже не входит в состав СССР, а Компартия Литвы не является составной частью КПСС. В нем нигилистически отрицаются все социальные достижения литовского народа в годы Советской власти».

■ **Ю. ЕРМОЛАВИЧЮС**, доктор исторических наук, профессор: «Национальная государственность литовского народа была восстановлена в 1918 году вначале в форме Советской власти, а после ее подавления — в форме буржуазной диктатуры, которая в 1940 году сменилась возрождением советской государственности. Встает вопрос: какую государственность собираются возрождать?»

В документе, подготовленном комиссией ЦК КПЛ, много двусмысленностей, второй документ более открыто отражает взгляды его авторов. Это программа партии «Саюдиса», новой партии, которая будет существовать, как подчеркивается, вне КПСС».

«Программа партии «Саюдиса»... Как созвучно замечанию профессора выступление трактористки колхоза «Победа» С. Сержэнтювич с трибуны XX съезда КПЛ. «В течение года мы, коммунисты, живем под моральным прессом разных сил. Не получаем объективной информации, нас все время обрабатывают. В течение года слушаем только «Саюдиса», а обсуждения проекта Программы, Статута, особенно альтернативных вариантов, не было, — говорила она. — Как же получается, что на съезде опять выступают лидеры «Саюдиса»? Разве мы собрались для того, чтобы создать новую партию для «Саюдиса», для его политических амбиций?»

С ЧЛЕНОМ БЮРО временного ЦК Компартии Литвы, выступающего за единство КПСС, директором Вильнюсского завода радиоизмерительных приборов имени 60-летия Октября Октябрем Иосифовичем Бурденко мы беседуем в его рабочем кабинете.

— В нашей парторганизации свыше 800 коммунистов. Подавляющее большинство разделяет мою позицию. Мы ведь не занимаемся пустой болтовней о падении доверия к партии, а работаем. Предприятие стабильно перевыполняет план, высокоэкономично. Даем стране уникальную медицинскую аппаратуру, 42 наименования товаров народного потребления. У нас неплохие заработки. Ежегодно 120—130 заводчан справляют новоселья. Так что жилищную проблему мы решим не к 2000 году, а на пятилетие раньше, если, конечно, не помешают.

Говорю так, потому что не только военнослужащим, но и вообще всему русскоязычному населению становится все труднее жить в Литве. Полтора года нарастает националистическая пропаганда, на все лады муссируются события 1939—1940 годов, особенно пакт Молотова—Риббентропа. Мне, участнику Великой Отечественной войны, тяжело слышать несправедливости в адрес советского солдата, такую гнусность о нем, как «оккупант». А кто же тысячами жизней заплатил за независимость Прибалтики? Кто вернул Литве Клайпеду и Клайпедский край, который без всякой интервенции был передан сметоновским режимом в вечное пользование гитлеровскому рейху? Но об этом, как и о многом другом, невыгодном националистам, предстатели «Саюдиса» предпочитают помалкивать.

38 лет я состою в партии, был на всех партсъездах республики, начиная с 1960 года. Во время работы нынешнего давал интервью финскому телевидению. Указал и вот на какой парадокс. В свое время из рук Ленина и Финляндия, и Литва получили государственную независимость. Волею истории в Финляндии — буржуазный строй, в Литве — социалистический. Но на съезде финских коммунистов присутствует и красное знамя, и барельеф Ленина, а в Советской Литве ни бюста, ни портрета вождя пролетарской революции мы так и не увидели. И это несмотря на настоятельные требования многих делегатов. Здесь, на съезде, иные договорились до того, что в конце XX века человечество окончательно осудило коммунизм как идею и ленинизм как насильственный метод ее реализации.

Сам съезд проходил в антидемократическом духе. Еще до его начала мандатная комиссия подвергла фактически дискриминации 40 коммунистов, делегированных воинскими частями, в том числе троих и из ваших войск, пытаясь лишить их права решающего голоса. Но не только этим знаменит первый съездовский день. Из двадцати с лишним выступивших (а в президиум поступило более 80 записок, в том числе 26 от стоящих на платформе КПСС) лишь двоим нашим товарищам дали слово. Оба — предстатели некоренной национальности. Может, и не яркая деталь, но весьма характерная, подводящая к мысли, что на позициях обновляющейся КПСС стоят только русскоязычные делегаты.

Во второй день съезда очень сильно выступили наши товарищи — Ю. Куолялис, Э. Титишкис, другие. Но тут как раз и произошёл самый антидемократический момент. Целый ряд делегатов требовал тайного голосования, позволяющего выявить истинное настроение коммунистов. Но все было сделано иначе. Каждому выдали карточку с его фамилией. В ней предстояло проставить номер своего делегатского удостоверения и расписаться в том, за отделение он от КПСС или нет.

Мы предупреждали, что такое решение станет средством морального давления, запугивания части делегатов. Но первый секретарь заверил нас: результаты голосования обнародованы не будут. Однако не прошло и двух дней, как в газете «Саюдиса» «Республика» опубликовали фамилии не только тех, кто был против выхода из КПСС, но даже воздержавшихся! Теперь об этих людях говорят не иначе, как о «пятой колонне», «изменниках Литвы». И не мудрено, если второй секретарь ЦК КПЛ В. Березов заявляет на пресс-конференции, что не завидует нам, а первый секретарь ЦК комсомола Литвы А. Мацайтис, вошедший, кстати, в состав нового бюро ЦК Компартии, прямо на съезде высказал угрозу: как бы вам не оказаться вне рамок Конституции Литвы.

25 ДЕКАБРЯ Литва впервые официально справляла Рождество. В этот день в Москве открылся внеочередной Пленум ЦК КПСС, на который были вынесены вопросы, связанные с решениями XX съезда литовской Компартии. Напряженность ожидания вестей из Москвы выплеснулась в многотысячный митинг на Кафедральной площади в самом центре Вильнюса в поддержку линий самостоятельной КПЛ и ее лидера А. Бразаускаса.

Тогда-то я и услышал выражение «политический Карабах». Дескать, вряд ли удастся Москве развязать узел, затянутый в Вильнюсе. Согласиться с решениями Компартии республики «центр» не захочет, но и перечеркнуть их ему будет затруднительно: съезд проведен так, как того требуют инструкции; его итог — воля большинства коммунистов, а не произвол отдельной личности.

Но не этот политический «пасьянс», думается, должен занимать сегодня умы. Что ждет завтра Компартию Литвы? Если сторонники ее самостоятельности исполнены решимости «не отступать», то ведь и стоящие за единство с КПСС настроены не менее принципиально. «Каждый коммунист Литвы вступал в КПСС индивидуально. Никакой партийный орган, в том числе и съезд, не имеет права лишить коммуниста возможности свободного определения, навязывая механический способ решения вопроса членства в партии», — записано в обращении к коммунистам республики, принятом VI конференцией Компартии Литвы.

Возможно ли вообще перейти возникшую между?

А впереди — выборы в Верховный Совет республики и местные Советы. Впереди — политическая борьба в условиях реальной многопартийности...

В 50-М НОМЕРЕ «Огонька» был опубликован пространный по объему и весьма туманный по содержанию очерк, в заголовке которого вынесена фамилия человека, известного ныне не только в Литве: Ажуолас. Это, как утверждает журналистка Н. Чугунова, более точное, более литов-

ское написание фамилии Ромуальдаса Озоласа — главного редактора газеты «Атгимимас», народного депутата СССР, депутата Верховного Совета Литовской ССР, члена совета сейма «Саюдиса», а после XX съезда КПЛ и члена бюро ЦК Компартии Литвы, вышедшей из КПСС.

— В чем вы видите свое предназначение в «Саюдисе»? — задает журналистка вопрос своему герою.

— Я считаю своим предназначением выведение происходящего на метафизический уровень, проверку наших представлений достоверностью вечности.

— Что беспокоит вас сегодня в «Саюдисе»? Вы могли уже заметить некоторые ошибки в конструкции движения... — продолжает она.

— Да, надо существенно переработать соотношение. Сейчас с советом сейма, а последнего — с комиссиями сейма. Надо найти формы позитивизации оппозиционного противостояния.

Впрочем, все же сквозь словесную невнятицу пробиваются к союзному читателю и более осмысленные заявления народного депутата-коммуниста:

— В феврале на выборах в Верховный Совет «Саюдис» получит большинство. Это будет плюралистическая структура, в подавляющем большинстве прудерживающаяся взглядов «Саюдиса». Новое правительство в сотрудничестве с Верховным Советом должно будет немедленно заняться единственным вопросом — изменения нынешнего статуса Литвы путем поиска новых форм сотрудничества с Россией.

Ну а республиканского читателя незадолго до Нового года товарищ Озолас посягнул и в более предметные планы:

— В будущем году нам необходимо решить проблему отношений с оккупационной армией, создать собственные воинские формирования и полицию, способную противостоять эскалации анархического насилия. В будущем году необходимо принять важнейшие законы, регламентирующие нашу жизнь, и разработать проект независимой Литвы... Надо бы добиться серьезной финансовой поддержки из-за рубежа.

...С НЕСПОКОЙНОЙ душой уезжал я из Вильнюса. Легкий морозец сковывал землю. Ни снежинки, разноцветными огоньками мигали елочки, украсившие здания бывшего проспекта Ленина, а ныне носящего имя князя Гидемина. Люди покупали праздничные сувениры. Наступал 1990-й, по восточному календарю — год белой лошади.

Один такой сувенирный конек стоял на столике в купе, и весь обратный путь мне вспоминались строки старого поэта, прочитанные во время предыдущей поездки в Прибалтику: «Мы все впряжены в одну колесницу, и никому на ходу безболезненно для себя и других из этой упряжки не выпрячься».

Майор Е. АРТЮХОВ,
наш спецкор.

ЧТО СЕРДЦЕ ТРЕВОЖИТ

ГОВОРЯ о выборах в местные Советы у нас в Эстонии, чаще других слов мне придется произносить слово «впервые». Впрочем, судите сами. Впервые сформированы территориальные избирательные комиссии, которые не теряют своих полномочий пять лет: ровно столько, сколько будут существовать вновь избранные органы власти. Принятые этими комиссиями решения вправе отменить только Президиум Верховного Совета республики, и никакой иной орган, кроме самих избирателей, не правомочен контролировать их работу. При подсчете голосов могут присутствовать все желающие без каких-либо предварительных согласований. Это тоже новшество.

Кандидатов в депутаты местных Советов выдвигают собрания трудовых коллективов, общественных организаций и движений. Хотя с таким порядком мы уже знакомы по весенним выборам народных депутатов СССР, но есть и здесь нововведение. В городах республиканского подчинения, таких, как Таллинн, Нарва, Тарту и другие, своих кандидатов могут выдвинуть собрания, на которых присутствует не менее ста человек. Новые для нас вещи — это выдвижение кандидатов в депутаты по месту жительства и в порядке гражданской инициативы.

По месту жительства, например, можно выдвинуть кандидата только в Советы городов районного подчинения, сельские и поселковые. Согласно закону для этого на собрании должно присутствовать минимум пятьдесят человек. Ну а что касается гражданской инициативы, то, чтобы ее осуществить, надо взять в территориальной избирательной комиссии специальный бланк, заполнить его, указать необходимые данные на своего кандидата и собрать на территории данного Совета не менее 25 или 50 подписей избирателей (в зависимости от статуса органа власти, куда предстоят выборы: например, в сельсовет — 25, в горсовет — 50).

Если об этих нововведениях я рассказываю без душевного волнения, то есть вещи, с которыми мое сознание не мирилось, примириться не может и после выборов в поселковый Совет, куда сам баллотировался.

«Ценз оседлости»... Осужденный в Заявлении ЦК КПСС о положении в республиках Советской Прибалтики, на заседании Президиума Верховного Совета СССР, где шел обстоятельный разговор об «эстонском варианте демократии», тем не менее он нашел свое место в республиканском Законе. Право избирать у нас именуют толь-

ко граждане Эстонской ССР, достигшие 18 лет и прожившие на территории своего Совета не менее двух последних лет или в Эстонии в общей сложности пятилетие. Ну, а чтобы стать народным депутатом, надо жить на территории данного Совета последние пять лет или в Эстонии десять. Что же это за демократия на пятом-то году перестройки?!

Председатель Президиума Верховного Совета Эстонской ССР А. Рюйтель пытался объяснять, на чем основана дискриминация по отношению к тысячам граждан страны, не имеющим ныне в республике права голоса. Получалось так, что недавно приехавшие в Эстонию товарищи могут стать помехой республиканскому хоэрасчету, не вжившись в обстановку, они не сумеют компетентно решать наболевшие вопросы.

Странная логика. У нас по поводу всего этого шли горячие дискуссии в коллективах, в печати. Я на стороне тех, кто считает, что человек ничего не будет делать себе во вред. Зачем ставить палки в колеса республиканскому экономическому суверенитету, который призван повысить ваше благосостояние? И потом. Разве, переезжая в другие края, мы теряем свою квалификацию? Или наша активность зависит от сроков проживания?

Принципиальные ответы на эти вопросы прояснили бы многое и для нас, военнослужащих, для семей офицеров и прапорщиков. «Военнослужащие и члены их семей, проживающие на территории воинских частей, могут избирать одного(!) народного депутата в состав Совета народных депутатов того района или города республиканского подчинения Эстонской ССР, на территории которого они проживают...» — гласит статья 8 нового Закона. Но, простите, что такое один депутат от военных на весь горсовет столицы республики? Кто услышит его голос? И как же так: военнослужащий, только что прибывший в часть, перебивающийся в общежитии, на ее территории, получил право голосовать, а тот, кто живет здесь не первый год, въехал наконец-то в новую квартиру, оказался лишенным, пусть на время, избирательного права? Ведь к нему, его семье, голосующим по месту жительства, стал применим двухгодичный ценз оседлости.

«ЦЕНЗ оседлости», «поражение в правах»... Не знаю, как чья, но моя семья на себе испытала зловещий смысл этих понятий. Сталинский каток катился ведь не только по «верхам». Родители моей мате-

ри были простыми людьми: отец дворником, мать — поваром. Однако это не помешало им в один прекрасный день вместе с тремя детьми оказаться в ссылке в Омской области. Вот так, благодаря заботам «отца всех народов» я родился не в Москве, а в Сибири. Но ни в детские годы, ни теперь не слышал от матери осуждения Советской власти. «Сталинизм» и «Советская власть» — понятия разные, и мне горько, что не только в Эстонии, но и вообще в Прибалтике путают их на каждом шагу.

В семидесятом начал я военную службу на эстонской земле. Сначала солдатом, потом сержантом. Прапорщиком восемь лет возглавлял караулы. Окончил военное училище, за десять лет вырос до майора. Женился, воспитываем с супругой четверых детей. Старшей — Оксане — семнадцать, младшей — Иринке — второй годик. У нас неплохая четырехкомнатная квартира. Получал ее девять лет назад на шестерых (мама живет с нами).

Не так плохо обстоит в нашей части с жильем: ИТК сдает в нынешнем году дом на пятьдесят восемь квартир.

Восемь из них предназначены для офицеров и прапорщиков части. Но, вы не представляете, какой пункт моей предвыборной платформы пользовался наибольшим одобрением избирателей. А был он таким: «Добиться обязательной прописки сотрудников учреждений, военнослужащих части, имеющих жилплощадь в нашем поселке». Парадоксально, но людям, вселившимся на законных основаниях в квартиры, поссовет, стоящие над ним органы власти всеми правдами и неправдами отказывают в оформлении документа на проживание. Например, семья прапорщика С. Пустовойтенко въехала в двухкомнатную квартиру в 1987 году, но до сих пор не прописана в ней. И хорошо, что жена Сергея служит у нас же часовым КПП, а то ведь была бы без работы, медобслуживания. Да и с продуктами у нас не густо. В продмаге соседнего поселка не купишь толком ничего, если ты не местный житель.

За пять мест в поселковом Совете мы боролись восьмером: нынешний председатель поссовета Г. Салус, работница промкооперации Л. Воскресенская, сотрудники ИТК Г. Вольмре, Н. Варганова, Н. Федоров, Р. Андреева и я.

Откровенно, когда домашние спрашивали, не очень ли огорчусь, если прокатят, отвечал: «А что, собственно, для меня изменится?» Я и так никогда не стоял в стороне от бед и нужд поселка. Немало сил отдал его озеленению, благоустройству. В своей предвыборной платформе намечал бороться за строительство нового здания средней школы, ускоренный ввод стадиона, за создание независимых от ведомств экологических комиссий Советов народных депутатов. Разве меньше будет за все это болеть мое родительское сердце, если не получу депутатского мандата? Конечно же, нет. Просто с мандатом, надеюсь, смогу сделать больше.

Майор Г. КЛИМОВ,
народный депутат.

В ВОЕННОМ СОВЕТЕ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Помощник начальника караула старший сержант Ф. Полищук, обманным путем завладев оружием, хладнокровно расстрелял шестерых военнослужащих. Вступил в перестрелку с резервной группой, выдвигавшейся к месту происшествия, преступник нанес ранение еще одному солдату, а затем покончил жизнь самоубийством.

Об уроках и выводах этого тяжелого происшествия и шел нелицеприятный разговор на состоявшемся 13 декабря 1989 г. Военном совете внутренних войск МВД СССР. На нем были заслушаны начальник внутренних войск по Украинской ССР и Молдавской ССР генерал-лейтенант Н. Т. Алекса, начальник политотдела войск генерал-майор В. Н. Санин, заместитель командира части подполковник В. А. Рябинин и начальник политотдела подполковник В. М. Котов.

Как показало расследование, Полищук еще до призыва сформировался как патологическая личность, трижды проходил обследование в психдиспансере. Вместе с тем главными причинами случившегося выступивший на Военном совете с информацией начальник штаба внутренних войск генерал-лейтенант В. С. Дубиняк назвал оторванность офицеров от личного состава срочной службы, незнание ими обстановки, неумение организовать воспитательную работу в воинских коллективах.

Выступившие затем член Военного совета — начальник Политуправления внутренних войск генерал-майор А. И. Гриенко заместитель заведующего сектором государственно-правового отдела ЦК КПСС В. А. Гуляев и другие товарищи с обеспокоенностью говорили о слабой организующей роли управленческих аппаратов на всех уровнях, о неумении отдельных командиров и начальников глубоко анализировать происходящие в войсках процессы.

На Военном совете был заострен вопрос о низком качестве призывного контингента, о том, что ежегодно около 5 тыс. военнослужащих находится на излечении по классу нервно-психических заболеваний, 33% из них увольняется в запас, а более половины не допускается к службе с оружием. Имеются недостатки в работе по равномерному комплектованию частей призывниками по национальному признаку.

Высказывалась тревога и в связи со слабым правовым обеспечением жизни и деятельности войск, отсутствием какой бы то ни было социально-психологической службы.

На основании предложенный, прозвучавших в этот день, Военный совет принял соответствующее решение.

ВНУТРЕННИЕ ВОЙСКА — ГАРАНТ ДЕМОКРАТИИ

МЫ — СОЛДАТЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

Давно ждали официальной оценки действий наших войск в горячих точках страны, Экстремисты в Узбекистане, Закавказье, Молдавии настойчиво навязывают населению образ солдата с краповыми погонами на плечах как оккупанта, убийцы, бездумного исполнителя жестоких приказов, распространяют о нем самые невероятные домыслы.

Оценка М. С. Горбачевым деятельности внутренних войск с трибуны Всесоюзного студенческого форума опровергает их. Председатель Верховного Сове-

та СССР назвал миссию внутренних войск спасительной. Они призваны обезопасить процесс перестройки, в экстремальных ситуациях гарантировать самое главное право советского человека — право на жизнь!

Мы, воины внутренних войск — солдаты перестройки и сделаем все, чтобы она победила.

Капитан С. ПАВЛЮЧЕНКО.
г. Степанакерт.

ПУСТЬ ЗНАЮТ ЛЮДИ!

Наши войска — войска быстрого реагирования. Они появляются там, где одурманенные националистическим угаром, подстрекаемые бандитствующими элементами люди вступают в изнурительные распри, переходящие в братоубийственную войну. На студенческом форуме М. С. Горбачев говорил, что солдаты внутренних войск «больше получают ударов». Так оно и есть, сдер-

жать гнев, остановить кровопролитие, предотвратить беду — их первое предназначение.

В сложных ситуациях наши воины действуют ответственно, в рамках закона, оберегая безопасность сограждан. Пусть знают об этом люди!

Старший лейтенант И. МАЛАХОВ.
г. Баку.

I. СПРАВЕДЛИВО ЛИ ЭТО?

Служу я с восемьдесят первого. Женат, двое детей — семи и четырех лет. Живем мы в сельской местности. Дом у нас свой (хоть и не ахти какой), прописка, соответственно, имеется. Да вот беда! Вызвал меня в начале сентября председатель сельсовета и заявил, что детсад, в который мой младший сын до сих пор ходил, — колхозный (а другого у нас и нет!) и поскольку ни я, ни жена в колхозе не работаем, то из садика сынишку отчислят. Как же так? Ведь три с половиной года он туда ходил. И жена там три года поваром работала, пока другая работница в отпуске по уходу за ребенком находилась. Потом жену уволили и сына тоже вон...

Но что же делать, если для жены работы по специальности в колхозе нет, а я сам военнослужащий? Неужели о нас у местных властей нет никакой заботы? А если я у каждого,

кого приходится защищать и охранять от нарушителей правопорядка, буду спрашивать, на чьей территории он проживает? Государство-

2. ...А ТАБАЧОК ВРОЗЬ?

Вопрос этот волнует военнослужащих нашего региона. Понимаю, с ходу его не решить, а вот поставить в нашей печати можно уже сейчас. Дело вот какое.

В результате шахтерской забастовки в Кузбассе партийной — правительственной комиссией для оздоровления социально-политической обстановки в Кемеровской области, восстановления принципов социальной справедливости был предложен ряд практических мер. В частности, Советом Министров СССР принято решение о повышении коэффициента районной (региональной) надбавки трудящимся Кемеровской области. И вот начали начис-

лять деньги по новым тарифам милиции и всем работникам ИТУ, с которыми мы, в общем-то, состоим в одном министерстве и решаем общие задачи. Однако про нас, военнослужащих, забыли. Почему? Ведь живем-то мы с трудящимися области в одних и тех же условиях. А уж о сложности нашей службы, особенно — подчеркиваю! — контролеров, говорить не приходится.

Мы, офицеры, не знаем, что отвечать подчиненным по этому поводу. Может, редакция журнала нам поможет или руководство войск?

Прaporщик Е. ТОКАРЕВ.
Оршанско-Хинганское
Краснознаменное
Центральное УВВ.

С уважением
майор С. КОЗЛОВ.

ОТ РЕДАКЦИИ. На первое письмо мы уже получили ответ: подполковник А. Черкасов сообщил, что офицер политотдела совместно с представителем отдела народного образования района, где проживает прапорщик Е. Токарев, помог уладить возникший конфликт. Сынишка военнослужащего ходит в детский садик, претензий у его папы нет.

А вот по поводу другого письма пока никаких обнадеживающих вестей: там, видимо, табачок все-таки врозь...

АКТУАЛЬНЫЙ ВОПРОС

НУЖЕН ЛИ ДЕПУТАТ — ВОЕННОСЛУЖАЩИЙ?

Последнее время этот вопрос в печати поднимался не раз. Некоторые считают, что от таких депутатов никакой отдачи и нет смысла их избирать. Позвольте, а кто же тогда будет защищать интересы военнослужащих и членов их семей?

Как депутат городского Совета, я имею доступ к документам исполкома. Занимаясь жилищной проблемой, подсчитал разницу между положенной и фактически выделенной жилплощадью для нашей части. 272,3 кв. метра за восемь лет — такова задолженность города. Цифра получилась внушительная. Реакция исполкома на эти подсчеты была отрицательной. Пришлось путем депутатских запросов добиваться официального ответа о том, как будет устраниваться этот перекокс. В итоге есть определенные сдвиги: выделены две двухкомнатные квартиры, решается вопрос о выделении части жилья в сдающемся доме.

В результате депутатской работы снят вопрос о путевках в детские дошкольные учреждения. На подразделение стали выделяться подписные издания, решен вопрос о льготных билетах для военнослужащих на автобусы и железнодорожный транспорт.

Как видите, возможности у депутата в военной форме немалые. Вот почему сомнений в их полезности у меня не возникает. Другой вопрос: кого выбирать в органы народной власти? Здесь, по-моему, надо учитывать не столько звание и должностное положение военнослужащего, сколько его деловые, политические качества.

Старший лейтенант Д. ДЫМОВ,
народный депутат.

Оршанско-Хинганское Краснознаменное
Центральное УВВ.

ПОБОЛЬШЕ БЫ ТАКИХ ПУБЛИКАЦИЙ

С большим нетерпением всякий раз ждал продолжения публицистических заметок писателя Карема Раша «Поклонимся памяти нашей», напечатанных в прошлом году в нескольких номерах журнала, начиная с седьмой книжки. Скажу откровенно, такого яркого материала о престиже военной службы, престиже «человека с ружьем» давно не доводилось читать. Подкупает уже само стремление автора — философски осмыслить непростые вопросы о нравственных основах нашей службы, о ценностях истинных и мнимых, поразмышлять о достоинствах наших солдат и офицеров. И делает это писатель, как мне представляется, блестяще. Побольше бы журналу таких публикаций. Они как воздух нужны для военно-патриотического воспитания советских людей, в том числе и тех, кто с оружием в руках, подчас в тяжелейших

условиях, выполняет свой сыновний, воинский долг. И нужны именно сейчас, когда на армию, на войска с разных сторон мутным потоком льются грязь и оскорбления.

Огромное спасибо Карему Рашу и журналу за то, что они вооружили меня, офицера, умным, убедительным материалом для работы с личным составом, для привития подчиненным уважения и любви к ратному труду, к истории государства.

Подполковник С. ГУРЦ,
командир батальона.

АВТОРИТЕТА НЕ ПРИБАВИТ!

Получен очередной номер журнала. И вновь какое-то двойственное чувство испытываю! С одной стороны, «На боевом посту» все больше завоевывает симпатии читателей, подписчиков. В этом заслуга, думаю, не только произведений З. Пикуля и Ю. Семенова, но и аналитических статей (Продолжение см. на с. 12)

ПИСЬМО С КОММЕНТАРИЕМ

ПОБЛИЖЕ К ДОМУ

Скоро год, как служим мы во внутренних войсках вдали от родных мест. Свой воинский долг стараемся исполнять на совесть, замечаний к нам со стороны командиров нет. И все бы хорошо, но... Не дают покоя мысли о доме. Дело в том, что мы — парни женатые. Весной у нас родились сыновья. Сейчас нашим женам, как никогда, нужна мужская поддержка.

Недавно прошли слухи, что военнослужащих срочной службы, у которых есть дети, будут переводить ближе к дому. У нас в части даже списки женатых составили и вышестоящему командованию передали. Однако с тех пор прошло много времени, а результата никакого.

Уважаемая редакция! Помогите разобраться в очень важном для нас вопросе. **Рядовые Г. ЮРКУС, С. ШНИПАС.**

ОТ РЕДАКЦИИ. Писем, в которых военнослужащие срочной службы, женатые и имеющие ребенка, интересуются возможностью перевода к новому месту службы, поближе к семье, в редакционной почте немало. Не всегда попытки обратиться за разъяснениями по этому вопросу на местах заканчиваются успехом. Происходит это по разным причинам. Зачастую от незнания командирами и начальниками руководящих документов, а порой — от откровенного равнодушия к судьбам военнослужащих и их семей.

Учитывая важность затронутого рядовыми Г. Юркусом и С. Шнипасом вопроса, мы обратились за консультацией к офицеру ГУВВ МВД СССР полковнику М. КОВАЛЕВУ. Вот что он сообщил.

Да, действительно имеется распоряжение начальника внутренних войск, согласно которому военнослужащим срочной службы, женатым и имеющим ребенка, разрешается проходить действительную военную службу вблизи места жительства семьи. Однако какой-то обязательности в решении этого вопроса не существует. Каждый случай обращения военнослужащего по поводу перевода рассматривается конкретно. При этом учитывается наличие воинских частей по месту жительства семьи военнослужащего, соответствуют ли его морально-деловые качества требованиям прохождения службы в этих частях, имеются ли дома родственники, способные оказать помощь в уходе за ребенком,

и другие убедительные причины.

Следует отметить одно важное обстоятельство. Возможность перевода распространяется только на военнослужащих призыва весны восьмидесяти девятого года и позже.

Основанием для перевода служат свидетельства о браке и рождении ребенка. Другие документы определяющего значения не имеют.

При принятии окончательного решения офицерам, занимающимся вопросами перевода военнослужащих, нужно проявлять максимум терпения, участия и человеческого внимания к людям. Нельзя забывать при этом и об интересах службы.

и корреспонденций о жизни наших войск, красочных иллюстраций...

Но не одно желание похвалить вас заставило меня взяться за перо.

Читая седьмую и восьмую книжки журнала, обратил внимание на публикацию Карема Раша. Как могли ее напечатать?! Откровенно моралистский тон статей под общей рубрикой «Культура и мы» содержит в себе, на мой взгляд, мало привлекательного. Слово обрезанные фразы, не оставляющие даже малейшей возможности для иного мнения, подтверждающие не сомнению, а осуждению все, что происходит сейчас в молодежной среде (заметки о музыкальной культуре, культуре вообще). С болью в душе читаешь строки об афганских песнях, поставленных автором в один ряд с полублатным творчеством, о последователях Высоцкого, к которому у писателя, видимо, однозначно негативное отношение.

Рассуждения, касающиеся истории России, конечно же, многим, и мне в том числе, импонируют, но зачем же нужен этот поистине воинствующий призыв к памяти? Анализируя информацию об обществе

«Память», публикации в журналах «Молодая гвардия», «Наш современник», невольно находишь тесную связь со многими высказываниями К. Раша в нашем журнале...

Есть и еще что сказать по поводу этих публикаций, но и так злоупотребляю вниманием редакции. Поэтому хочу в заключение выразить мнение свое и сослуживцев: такие высказывания писателя ни ему самому, ни журналу авторитета не прибавляют. Они оторваны от действительности, от процессов демократизации в нашем обществе, процессов переосмысления прошлой и настоящей истории нашей страны, роли и места культуры в жизни человека. Безапелляционный тон изложения, выдержанный в «лучших» традициях прокурорских речей времен репрессий 30-х годов или более поздних ждановских и хрущевских обвинений в адрес деятелей культуры, заставляет усомниться в полезности данного материала.

Майор В. КОНОШЕНКО,
секретарь парткома части.
*УВВ по Дальнему Востоку и
Восточной Сибири.*

**ПОЛУЧЕН
ОТВЕТ**

«МЫЛО НЫНЧЕ — ДЕФИЦИТ...» (1989, № 12)

На повторный запрос редакции относительно мытарств с мылом прапорщиков-ремонтников из Приволжского управления внутренних войск МВД СССР оттуда пришел ответ. В нем сообщается, что комиссией части, где служат прапорщики В. Внук и Н. Раздобудько, определен список военнослужащих, постоянно выполняющих загрязненные работы, по нему на санитарно-гигиенические надобности будет выдаваться мыло хозяйственное из расчета по 200 граммов на человека в месяц. Выполнение требований соответствующего приказа взято на контроль.

**ХОТЯ ПИСЬМО И
НЕ ОПУБЛИКОВАНО**

ВОТ ЭТО КЛАСС!

Десять месяцев мыкался прапорщик А. Магомедов по разным инстанциям, пытаюсь выяснить: почему ему не платят за классность? Наконец, отчаявшись, написал нам: помогите!

И вот пришел ответ за подписью генерал-майора Е. Дубина: прапорщику А. Магомедову денежное вознаграждение за классную квалификацию выплачено в полном объеме, виновным должностным лицам строго указано на небрежное исполнение своих обязанностей (оказывается, они... забыли внести его фамилию в соответствующий список).

Жаль вот только, что в ответе не были названы поименно эти самые виновные. А также те «классные» волонтеры, которые так долго не могли докопаться до истины.

**Наш адрес: 111250, г. Москва, Е-250,
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «НА БОЕВОМ ПОСТУ»**

ВТОРОЙ СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР В ОЦЕНКЕ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

ПОСТАВИТЬ НАДЕЖНЫЙ ЗАСЛОН

ПОСТАНОВЛЕНИЕ второго Съезда народных депутатов СССР «Об усилении борьбы с организованной преступностью» не велико по размерам, но меры, намеченные в нем, отражают ту решительность, с которой росту преступности в стране должен быть поставлен надежный заслон. Только объединение усилий Советов народных депутатов, временных комитетов по борьбе с преступностью, правоохранительных органов, общественных организаций, трудовых коллективов позволит решить эту важнейшую государственную задачу.

В докладе Министра внутренних дел В. В. Бакатина на Съезде говорилось, что необходимы законы о правах и обязанностях милиции, внутренних войск, об усилении правовой защищенности работников правоохранительной системы. К сожалению, в постановлении Съезда по усилению борьбы с организованной преступностью Верховному Совету СССР предлагается рассмотреть на своей третьей сессии только проект закона о советской милиции. Понятно, что любой законопроект должен быть хорошо выверен и обоснован, но то, что принятие закона о внутренних войсках затягивается, не может нас не беспокоить. Ведь наши военнослужащие находятся в самых горячих точках страны для поддержания правопорядка в острых ситуациях, поэтому законодательная регламентация их деятельности, правовая защищенность солдат, прапорщиков и офицеров крайне необходимы.

Капитан Б. ЛОМОВ.

САМЫЙ БОЛЬНОЙ ВОПРОС

ВНИМАТЕЛЬНО следил за работой второго Съезда народных депутатов СССР. Как и многих сослуживцев, в первую очередь интересовало, какие решения будут приняты по докладу правительства о мерах по оздоровлению экономики. Вопрос ведь сегодня самый больной. Каждый на себе, своей семье ощущает и скрытый рост цен, и дефицит всего и вся.

Представленная на Съезде правительственная программа оценивалась депутатами неоднозначно, вдумчивый анализ часто подменялся эмоциями.

Конечно, всем хочется, чтобы жизнь наша как можно быстрее стала лучше. Поэтому программу правительства серьезно критиковали за сроки — она ведь рассчи-

тана на шесть лет. В то же время конкретной альтернативной позиции, продуманной и всесторонне взвешенной, предложено не было. Итак, выбор сделан, правительство получило поддержку депутатов. Теперь, думается, очередь за напряженной, повседневной работой каждого члена общества. А всякие разговоры о том, что намеченные меры ничего не дадут, только мешают делу.

Прапорщик А. ЗАБОЛОТНОВ.

КОРОТКО

С НЕТЕРПЕНИЕМ ждал обнародования результатов работы комиссии по проверке материалов, связанных с деятельностью следственной группы Прокуратуры СССР, возглавляемой Т. Х. Гдляном. Но сообщение сопредседателя комиссии чувства удовлетворения у меня, увы, не вызвало. Почему? Ответа на волнующий общественность вопрос: виновен или не виновен Гдлян — с трибуны Съезда так и не прозвучало. Получился разговор обо всем и ни о чем.

Работа комиссии продолжается. Хочется верить, ее члены не поступятся депутатской честью и справедливостью, доберутся наконец до истины, какой бы горькой она ни была.

Капитан И. ИВАНОВ.

ЛЮДИ, принимавшие глубоко ошибочное решение о вводе советских войск в Афганистан, названы поименно. Кривотолков, надеюсь, больше не будет, потому что Съезд подчеркнул: вина политических руководителей страны не может бросить тень на солдат и офицеров, которые честно выполнили воинский и интернациональный долг.

Подполковник Н. ПОЙЧЕНКО.

СКОЛЬКО несправедливых обвинений было брошено в лицо солдатам внутренних войск, прежде чем депутат А. Собчак признал: события в Тбилиси — не основание для противопоставления армии и народа. Конечно, лучше поздно, чем никогда. Но теперь понятно — отдельные народные депутаты использовали трагедию для повышения личной популярности.

Прапорщик А. ВАСИЛЬЕВ.

В „КАДРАХ“ РЕШАЮТ... ДНЕ ВСЕ

Квалифицированные кадры, будь то в партии, Советах, экономике или в Вооруженных Силах, на всех этапах развития нашего общества играли решающую роль. Сегодня вопрос о них стал еще острее. М. С. Горбачев в одном из своих выступлений прямо подчеркнул, что перестройка упирается в кадры.

Редакция попросила заместителя начальника ВВ МВД СССР по кадрам генерал-майора Юрия Александровича АЛЕКСЕЕВА поделиться своими мыслями о том, как идет перестройка работы с кадрами во внутренних войсках.

— Юрий Александрович, каким вы представляете себе офицера внутренних войск периода перестройки?

— Если хотите, могу в двух словах выразить: патриотом и бойцом. Именно так. Оглянитесь вокруг! Волей судеб войска оказались на острие социальных процессов в стране, им выпала спасительная и, убежден, созидательная миссия. Причем спасают они не только женщин, детей, стариков, больше всего страдающих от межнациональной розни. Войска становятся на защиту самих основ нашего строя, на защиту Советской власти и, как справедливо отметил Михаил Сергеевич Горбачев, «больше получают ударов». Тут нужны настоящие бойцы, с верой в торжество идеалов социализма, преданные партии и правительству, такие, знаете ли, с большевистским огнем в груди, самоотверженные и мужественные профессионалы. Они у нас есть! Свидетельство тому — почти две тысячи награжденных орденами и медалями Советского Союза только за

1989 год. Это и радует, потому что историю все же делают массы, и вселяет уверенность в том, что патриотов и бойцов — с этого наш разговор начался — становится все больше и больше.

Говорю, а у самого перед глазами полковник Трофимов. Мы с ним встречались в Закавказье. В Средней Азии он также проявил себя с самой лучшей стороны. Вижу, дает о себе знать усталость от постоянного напряжения и сна урывками, но не ропщет офицер. Александр Николаевич и боец, и патриот, и личность, и человек долга. А главное — отрешился он от извечного упования на «доброе дядю», мол, придет и все сделает, как надо: и недостатки исправит, и меры энергичные примет, и от трудностей избавит. Под стать ему подполковник А. Шамкеев, майор Н. Ли, капитаны В. Коваленко, В. Чуйков и другие. Такие люди рапорты с просьбой уволить из войск, «потому что тяжело», не пишут. Именно такие за державу горой стоят. Спасибо им!

— ТВОЯ ПОЗИЦИЯ В ПЕРЕСТРОЙКЕ —

— Какие меры, по-вашему, способны активизировать перестройку в работе с кадрами, сделать ее результативнее?

— Универсальных рецептов, как вы понимаете, здесь нет и быть не может. Не наша вина, а наша беда в том, что мы привыкли к подобной методике: директивной свыше обозначается очередная глобальная цель, и к ней, как само собою разумеющееся, прилагается перечень наиболее приемлемых средств для ее достижения. Ныне ситуация коренным образом изменилась и продолжает меняться. То, что казалось эффективным вчера, сегодня может стать пустой тратой времени и сил. И поэтому основной упор делается на творчество кадров, неадекватность мышления, базирующегося на глубоком знании обстановки и умения сделать из нее правильные выводы.

Но это совсем не значит, что роль руководящего, организующего звена умалется необходимостью роста инициативы. Напротив, сегодня, как никогда, от нас требуются оперативное и гибкое реагирование на складывающееся положение дел, прогнозирование обстановки, раскованность мысли и нестандартность предложений, позволяющих выработать рекомендации, придерживаясь которых можно быстро и эффективно достичь намеченных результатов. В чем их суть?

Одни направлены на повышение идейного уровня людей, другие — на совершенствование профессионального мастерства, третьи — на создание здорового морально-психологического климата в коллективе и удовлетворение социально-бытовых и культурных запросов, четвертые связаны со структурными изменениями. Конкретнее? Пожалуйста. Например, в прошлом году значительно расширены права начальников управлений войск регионов. Им предоставлено больше самостоятельности, в том числе в решении кадровых вопросов.

Но любые новации хороши, если они не повисают в воздухе, а наполняются конкретным содержанием и опираются на соответствующие механизмы. Их-то мы и имеем в лице офицерских собраний, постоянно действующих аттестационных комиссий, товарищеских судов чести, различных советов, избираемых военнослужащими.

Деятельность этих общественных организаций — предмет особого, обстоятельного разговора. Но я бы прежде всего подчеркнул ту роль, которая отводится партийным, комсомольским организациям, парткомам и партбюро в выработке на основе принципиального обсуждения и широкой гласности соответствующих характеристик военнослужащим для последующего принятия командиром решения по кадровым вопросам. Важно вообще утвердить стройную систему назначения на должности, присвоения званий, представления к награждению, зачисления в резерв на выдвижение, кандидатами в военные академии с учетом мнения коллективов.

В войсках по Дальнему Востоку и Восточной Сибири, например, списки офицеров, зачисленных в резерв, объявляют на собраниях. Фотографии претендентов вывешивают в классах марксистско-ленинской подготовки, в ленинских комнатах.

Широкий размах приобрело выдвижение альтернативных кандидатур на вакантную должность. И это правильно, только так мы сумеем изжить формализм и протекционизм.

— Юрий Александрович, в беседах офицеры довольно остро ставят вопрос о своей правовой и социальной незащищенности. Что же практически делается для обеспечения гарантий их прав и обязанностей?

— Начнем с того, что ведется активная работа над проектом Закона СССР о внутренних войсках, другими законодательными актами, определяющими права и обязанности военнослужащих. Все читали, а многие принимали активное участие в обсуждении проектов новых общевоинских уставов. Они проникнуты духом демократизации, ориентируют командиров на учет общественного мнения.

Переработан и обсуждается в войсках проект нового «Положения о прохождении действительной военной службы офицерским составом Вооруженных Сил СССР», который, естественно, относится и к нам. Этот документ прямо предусматривает реальные меры по усилению социальной защищенности офицеров, чередование их службы в различных территориальных и климатических зонах. Последнее — действительно больной вопрос для многих. Их понять можно: годами, без замены служат в отдаленных местностях, лишены элементарных культурно-бытовых условий, в то время как другие не покидают городов, благоустроенных квартир. Случается, что

оплата их ратного труда мало чем разнится, а это уже явная несправедливость.

Не так давно приходит письмо от капитана, который спрашивает: как так получается — у меня рота отличная, у соседа — отстающая, а получаем одинаково, и что я, что он в декабре расписались за равную сумму, положенную за поддержание высокой боевой готовности?

Справедливый вопрос: уравниловка не стимулирует напряженный ратный труд, не побуждает совершенствовать профессиональное мастерство. Вот почему мы активно ищем возможности для материального вознаграждения за добросовестное отношение к служебным обязанностям. Уже существуют льготы для тех, кто выполняет задачи в районах Закавказья и в других горячих точках. Это только начало. В повестке дня также усиление правовой защищенности военнослужащих и членов их семей, включая гарантии прав на прописку, трудоустройство. Горько даже говорить об этом, но такова подчас действительность: офицеровских жен не везде принимают на работу даже в Российской Федерации, что уж тут сетовать на невнимание к их нуждам в ряде союзных республик. Потому-то нельзя считать этот важный вопрос только личным делом каждого офицера — дескать, твоя семья — ты и крутись. Не только требовать, но и помогать всемерно. При этом в эпицентре забот должны находиться молодые офицеры, их семьи. Ведь нередко от первых шагов зависит вся дальнейшая служба.

— Вы уже отмечали, что в войсках служит много молодых офицеров. Как это учитывается в кадровой работе?

— Разработан комплекс мер, нацеленных на улучшение работы с офицерской молодежью. И хотя говорят, что все учесть невозможно, стараемся по возможности ничего не упустить. Если лейтенант приехал с женой, то разговор ведется на равных с обоими супругами, чтобы сразу дать им полное представление о том, что собою представляет место будущей службы офицера, есть ли там дошкольные учреждения, учебное заведение, в котором жена могла бы продолжить обучение. Если всего этого нет — «проигрываются» другие варианты. Не бросаем на произвол судьбы и холостяков. Думаем о том, чтобы было жилье, а в нем уют, решены вопросы питания, стирки белья — жизнь есть жизнь, и нередко бытовая мелочь может надолго испортить настроение человеку, а следовательно, отразиться на службе.

Командиры, политработники, советы офицерских собраний, партийные организации определяют меры по усилению индивидуальной воспитательной работы с молодыми офицерами. Штабы намечают, что сделать для их профессионального роста, улучшения методической подготовки, выработки высоких морально-деловых качеств, инициативы и самостоятельности. Одновременно упорядочивается служебная нагрузка.

Структурные изменения, осуществленные в русле перестройки, направлены на более оперативное решение вопросов, обеспечение условий и предпосылок для разумной инициативы.

Предмет постоянной заботы — идейная закалка офицеров, формирование гордости за свою профессию, правильное понимание высокого предназначения воинского труда, органической потребности общения с людьми, умения располагать к себе, готовность делить с ними успехи и неудачи.

Ежегодно в управлениях войск регионов с выпускниками военных училищ проводятся 7—10-дневные учебно-методические сборы, в соединениях — слеты, а в частях — день молодого офицера.

Перечень мероприятий, обязательных для проведения повсеместно, конечно, неполон. Но если бы добросовестно выполнялось хотя бы названное, мы не имели бы такой печальной статистики, когда свыше ста молодых офицеров ежегодно не выдерживают испытания должностью, некоторые увольняются из войск.

Безусловно, хорошо, что средний возраст офицеров в войсках — 32 года, в том числе командиров взводов — 24. Плохо другое — что офицеров именно ротного звена некоторые ретивые начальники наказывают по делу и без дела, зыскания налагают подчас под горячую руку, иногда и «рублем бьют». Только в войсках по Западной Сибири более 40 молодым офицерам необоснованно задержано присвоение очередного воинского звания. В УВВ по Уралу за прошлый год наказано 40 процентов офицеров, половина из которых — командиры взводов. В воинском коллективе, возглавляемом подполковником Н. Злыденным, например, в 1988 году восемь ко-

мандиров рот лишены единовременного денежного вознаграждения. Зато офицеры управления соединения получили его все и полностью. Где же справедливость?

— Данные говорят, что немало недостатков допущено и в работе с командирами батальонов, полков...

— К сожалению, это так. Годами складывалась порочная практика, когда офицеры батальонного звена видели основную задачу в том, чтоб постараться своевременно передать распоряжение командиров или штабов частей в роты. Совершенно забывали при этом, что их первейший долг — организация боевой службы, обучения и воспитания личного состава. Кое-кто и сейчас еще пытается так работать, по старинке. Ничего удивительного: в среднем каждый третий комбат бесперспективен, 11 из них в возрасте более 50 лет, многие в должности по 5—7 лет, окончили училища экстерном. Плюс ко всему были случаи, когда командовать батальоном назначали связиста, специалиста службы собак, политработника.

Другой аспект — некоторые командиры частей, не ощущая здоровой конкуренции, почил на лаврах, больше стали заботиться о личном благополучии, чем о росте профессионального мастерства, идейного уровня, совершенствования стиля работы. Мы предложили региональным управлениям всесторонне и принципиально проанализировать на местах расстановку офицерских кадров, выверить ее по конкретным результатам труда каждого, внести соответствующие коррективы. Свое слово должны сказать и общественные организации. К сожалению, отдельные командиры в обстановке бесконтрольности теряют чувство меры, забывают, что подчиненные служат не ему, а Отечеству. Подполковник Р. Ибрагимов только в сентябре прошлого года вступил в командование частью и сразу же создал себе репутацию грубияна. Служба, люди — все побоку. Он вплотную занялся устройством своей супруги на работу в библиотеку части, заявил претензии на приобретение автомобиля, чем создал нездоровую обстановку в коллективе. Трудно измерить моральный урон, который нанес он и себе, и коллективу. А на словах он, похоже, за перестройку и гласность.

— Читатели журнала пишут, что престиж офицерской службы несколько упал. Разумеется, не последнюю роль в решении этой тугоплавкой проблемы должны сыграть военные училища. Как они перестраиваются в своей работе?

— Конкурс в военные училища МВД СССР действительно снизился. Естественно, это приводит не к отбору курсантов, а к их набору — лишь бы выполнить «валовое» задание. А когда начинаются занятия, тот же «вал» довлеет над индивидуальным подходом.

С учетом постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Основные направления перестройки высшего и среднего специального образования в стране», новых педагогических идей училища ныне совершенствуют формы и методы обучения будущих офицеров. Курс взят на диалог руководителя с курсантами. Отсюда более предметное обучение их методам руководства подчиненными.

Другая сторона медали: педагогическая культура командира. У нас немало примеров, когда офицеры показывают неумение сочетать единоначалие с расширением демократизма, принуждение с убеждением, высокую требовательность с духовной близостью к подчиненным. Выход видится в настойчивом формировании у курсантов четких представлений о чести, достоинстве, благородстве и человеческой порядочности, которые служат нравственным компасом офицера в его службе и жизни. Для этого в училищах имеется определенный научный потенциал, но его явно недостаточно, чтобы поднять на более высокую ступень подготовку будущих лейтенантов.

Нельзя не сказать и о такой проблеме, как ответственность вузов за своих выпускников. Есть четкое указание начальника войск страны контролировать в течение двух лет прохождения ими службы. Надо его выполнять, строго спрашивать за брак в работе с руководителями училищ, кафедр, преподавателей, командиров и политработников курсантских подразделений.

В связи с увеличением численности войск в прошлом году к нам пришло значительное число офицеров из Советской Армии. В своем большинстве это молодые, хорошо подготовленные кадры. Им надо помочь в становлении, привить гордость за службу в войсках порядка.

Говоря о престиже офицерской службы, хочу особо подчеркнуть важность участия командиров и политработников в деятельности местных Советов. Офицер — народный депутат — это свидетельство авторитета войск, степени уважения к ним. И сейчас в процессе проходящих выборов в местные органы власти уже немало офицеров выдвинуто кандидатами в депутаты. Офицерская общественность призвана лучшим из лучших оказать всяческое содействие в борьбе за депутатские мандаты.

— Юрий Александрович, много разговоров, притом не однозначных, вызвали офицерские собрания. Как внедряется эта новая форма работы общественности в войсках?

— Я бы не сказал, что это новая форма работы. В русской армии она существовала с незапамятных времен, а сейчас просто возрождается на принципиально новой основе. Процесс идет медленней, чем хотелось бы, даже робко. Почему — поясню на примере. Лейтенант А. Бадер подал рапорт с просьбой уволить его в запас.

Обсуждение вопроса вынесли на совет офицерского собрания. Были дебаты, а вот «решение» просто удивительное: напишите, товарищ Бадер, письмо начальнику войск, как он посмотрит на это дело. А коммунисты роты сказали, что вынесут решение после получения ответа начальника войск. Налицо стереотипы мышления, стремление не брать груз ответственности на себя, не портить отношения с сослуживцем. А ведь решается судьба офицера, человеческая судьба. Согласитесь, столь беспринципно и бездушно к этому подходить нельзя.

Офицерские собрания должны воспитывать, убеждать, переубеждать, открывать молодым людям глаза на окружающую действительность, учить сдерживать эмоции, охлаждать горячие головы. А то ведь и так бывает: предоставил командир подчиненному лейтенанту отпуск не по графику, тот стал в позу. Командир об стол кулаком: я начальник (тоже хорош!). Подчиненный тут же подал рапорт на увольнение и объявил голодовку. Или: прибыл офицер в горячую точку, оказался не готовым к трудностям, а еще больше к опасностям, связанным со службой. Рапорт на стол: прошу уволить.

Важно, чтобы в обязательном порядке подобные случаи рассматривались офицерскими собраниями. Очень внимательно и принципиально. Пусть коллектив решает, заметьте, коллектив, а не только командир — в этом вся суть, в этом и проявляется демократизация жизни войск.

Сколько крылатых фраз о решающей роли кадров облетело страну только в последнее десятилетие. У многих они на памяти. А выражение «кадры решают все» даже приобрело иронический оттенок. Но время ныне такое, что не могут судьбами людскими вершить только специальные кадровые органы — общественность не должна стоять в стороне, а занимать активную жизненную позицию. На мой взгляд, популярный некогда лозунг сегодня действительно безнадежно устарел. Не в «кадрах» решается все!

У некоторых офицеров вызвало отрицательную реакцию то, что командиры частей являются председателями офицерских собраний. Опять, мол, подмяли демократию единоначалием: мы порешали, а командир делает, как хочет. Во-первых, это не так, а во-вторых, не стоит противопоставлять командира офицерскому собранию, когда речь идет о разрешении конфликтных ситуаций: ответственность по-прежнему остается личной. К тому же Положение временное, проходит «обкатку». Поэтому целесообразно командирам соединений, политработникам, кадровым аппаратам организовать изучение практики работы офицерских собраний, провести однодневные семинары с председателями советов, обменяться опытом.

То же самое неплохо сделать в отношении постоянно действующих аттестационных комиссий.

В общем, офицерские собрания и постоянно действующие аттестационные комиссии — мощные инструменты перестройки кадровой работы. Нам очень важно создать современную, адекватную нашим нуждам систему подготовки и переподготовки офицеров, которые являют собой золотой фонд войск. Офицеры же выступают сегодня главной организующей силой в развернувшемся движении за достойную встречу XXVIII съезда КПСС — важного события в жизни партии и народа.

**Капитан О. ГОРШКОВ,
помощник начальника политотдела
по комсомольской работе,
делегат I съезда ЛКСМ РСФСР**

ЕСЛИ ПРЕТЕНДУЕМ НА РОЛЬ ВОЖАКОВ

**В КОМСОМЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК ПРОШЛИ ВЫБОРЫ
ДЕЛЕГАТОВ НА I СЪЕЗД ЛКСМ РОССИИ,
КОТОРЫЙ СОСТОИТСЯ 15 ФЕВРАЛЯ
1990 ГОДА. В ОСТРОЙ БОРЬБЕ ПОБЕДУ
ОДЕРЖАЛИ ЛУЧШИЕ ИЗ ЛУЧШИХ.
СЕГОДНЯ МЫ ПРЕДОСТАВЛЯЕМ СЛОВО
ОДНОМУ ИЗ НИХ.**

Нужен ли России комсомол? Этот вопрос витал в воздухе, вставал в печати, задают его и сейчас. Я убежден: России свой комсомол необходим, потому что наши проблемы за нас никто не решит. Я за боевой Российский комсомол. Что это значит? Прежде всего его ярко выраженный политический характер. Цель — на единой с партией платформе добиваться социальной справедливости для всех. В нашем союзе не должно быть людей случайных, равнодушных, с двойной моралью. Нам нужны убежденные бойцы, способные по-настоящему работать, а не болтать. Я за то, чтобы Российский комсомол был примером верности заветам Ленина, идеалам патриотизма, интернационализма, защитником интересов всех групп и слоев молодежи.

Не надо лить слезы по тем, кто оставил или оставляет комсомол. Не забудем ленинское: «лучше меньше, да лучше». Но не надо поспешно отмахиваться от тех, кто почему-то засомневался.

Недавно на комсомольском собрании рядовой Паллая рассказал, как до службы, начитавшись тенденциозных статей о комсомоле в молодежных изданиях, он пришел к секретарю комитета ВЛКСМ завода и положил на стол свой комсомольский билет. Секретарь хорошо его знал, а потому не торопился забрать документ: «Не поддавайся сиюминутному чувству, хорошенько подумай, а потом решим».

— Вы не представляете, как я благодарен ему теперь, — сказал солдат. — Без комсомола я чувствовал бы себя просто одиноким.

Поверьте, это не пустые слова. Рядовой Паллая — член бюро ВЛКСМ подразделе-

ния, постоянно среди товарищей, в гуще интересных комсомольских дел.

Мы прежде много говорили о личном примере комсомольского лидера, комсомольца вообще. Так много, что буквально заездили это понятие, но ведь суть его от этого не изменилась!

На улицах Степанакерта, Ферганы, Нового Узеня солдаты видели, чего стоят их комсомольские вожаки. Там не спрячешься за спины товарищей. Были такие, кто не выдержал проверки на прочность, но их единицы.

Меня, как и всех моих товарищей, очень беспокоят «дедовщина», уклонение от службы, проникновение в казарму такого опасного зла, как групповщина по национальному признаку. Нам, комсомольским работникам, если мы претендуем на роль вожаков, воспитателей молодежи, необходимо объединять свои усилия, помогать друг другу в борьбе с негативными явлениями.

I съезд ЛКСМ РСФСР — событие в своем роде историческое. Главное — чтобы таким оно было не только по форме, но и по содержанию. Впереди у комсомола масса трудной, черновой работы. Пустые разговоры, лозунги и призывы надо оставить во вчерашнем дне. Иначе на успех надеяться нечего.

КАКИМ БЫТЬ КОМСОМОЛУ?

слушается персональное дело

ЗАМЕТКИ С ЗАСЕДАНИЯ ПАРТИЙНОЙ КОМИССИИ ПРИ ПОЛИТУПРАВЛЕНИИ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

ПАРТИЙНАЯ комиссия... Уже само это словосочетание, вероятно, у многих читателей ассоциируется с чем-то строго казенным, официальным. Да и на фоне раскрепостившейся прессы, казалось бы, рассказ о работе парткомиссии едва ли станет выигрышным — дескать, протоколы и есть протоколы, куда их запрятать... Согласимся: протоколы пока существуют, и все же надеюсь убедить скептиков в их обязательности — ведь за ними нередко стоят судьбы людей. Впрочем — ближе к делу, то есть к одному из заседаний этого партийного органа.

Представлю членов парткомиссии, принявших участие в том заседании: полковник Д. Шаматалюк — ответственный секретарь парткомиссии, генерал-лейтенант Б. Смыслов — первый заместитель начальника внутренних войск, генерал-майор В. Литвинов — начальник Центрального УВВ, генерал-майор Л. Муравьев — начальник политоргана одного из управлений войск, полковник А. Головин — начальник политотдела соединения, полковник В. Сарапульцев — начальник отдела управления кадров войск. Остальные три члена комиссии — в отпусках, командировках.

Теперь — о самих персональных делах, рассмотрении апелляций.

1. ПОМОГИ ОСТУПИВШЕМУСЯ

ПРЕДЫСТОРИЯ АПЕЛЛЯЦИИ. В приподнятом настроении направлялся в городское увольнение командир отделения выпускного курса Орджоникидзевского ВВКУ имени С. М. Кирова Борис Никитин. День выдался солнечный, жаркий, словно даже погода разделяла чувства сержанта — он торопился на вокзал встречать жену. Но яркие июньские краски вмиг поблекли, когда в междугородном автобусе жены не оказалось. Никитин пошел на переговорный пункт, чтобы узнать причину задержки супруги. Там встретил курсанта своего взвода, поделился неожиданной неудачей,

и они... с расстройства распили несколько бутылок пива.

Потом разговорились с тремя местными парнями, выпили с ними бутылку водки. Оживленный разговор перешел в спор, словесные оскорбления. И тут один из спорщиков ударил Никитина чем-то тяжелым по голове. Тот потерял сознание, в госпитале поставили диагноз: закрытая черепно-мозговая травма, сотрясение головного мозга, перелом костей спинки носа со смещением, ушиб глазных яблок...

Так драматически обернулись для Никитина события того летнего дня. После излечения предстояло не менее трудное испытание — отчитаться перед коммунистами за свой проступок. Пытаясь смягчить вину, он всячески отрицал употребление спиртного. Это и предопределило решение партийцев — они проголосовали за его исключение из рядов КПСС. Парткомиссия при политотделе училища поддержала это мнение, и всего за день до выпуска Никитин расстался с партийным билетом.

ВЫЯВЛЕНИЕ МНЕНИЙ. Самые различные вопросы задавали лейтенанту Борису Никитину члены парткомиссии при Политуправлении. Из его ответов явствовало, что в училище имел 17 поощрений, среди оценок преобладали пятерки, его отделение также часто отмечалось среди передовых. Кстати, это подтверждали и характеристики, приложенные к персональному делу. Наконец последовал вопрос, который, кажется, витал в воздухе: случайно ли оступися курсант, или успехи вскружили ему голову, и он решил, что уставы пишутся не для всех? Ответ прозвучал искренне — даже голос Никитина задрожал: да, занесло его перед самым выпуском из училища, начал терять самоконтроль, и этот случай стал для него жестоким уроком. «Чувствую себя изгоем в офицерском коллективе, — признался Борис. — Другие командиры взводов — коммунисты, и мне как-то неловко вступать в их разговоры, когда речь заходит о перестройке в войсках и стране. Боюсь, кто-нибудь упрекнет — ты, дескать, сначала в самом себе разберись...»

Члены парткомиссии поверили, что Борис Никитин глубоко осознал свою вину, сможет найти свое место в партийных рядах — его восстановили в КПСС, одновременно объявив ему строгий выговор с занесением в учетную карточку.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ. Партийное товарищество — великая сила. Оно скрепляет помыслы коммунистов, помогает слабым обрести уверенность в себе, подпитывает каждого верой в справедливость общего дела. И оно просто не оценимо для случайно оступившегося молодого партийца — такого, как лейтенант Никитин.

2. НА ЗАСЕДАНИЕ НЕ ЯВИЛСЯ

Мне, выпускнику нашего Высшего политического училища, называвшегося тогда Ленинградской военно-политической школой, становится как-то не по себе, когда жизнь сталкивает с неприглядными деяниями его питомцев. Так было и сейчас, когда парткомиссия рассматривала апелляцию Виктора Полоскова.

ПРЕДЫСТОРИЯ АПЕЛЛЯЦИИ. В июне прошлого года старший лейтенант Полосков был уволен из войск за проступки, дискредитирующие звание советского офицера. А накануне он был исключен из рядов КПСС за дискредитацию звания коммуниста, выразившуюся в грубом обращении с личным составом роты, халатном выполнении функциональных и партийных обязанностей.

Бывший заместитель командира роты Полосков в августе прошлого года обратился с апелляцией в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС, в которой написал: «...Исключение из партии считаю необоснованным, а мои «проступки» сфальсифицированными... Прошу вас, восстановите справедливость! От ведомственного произвола до 1937 года всего полшага...» КПК, в соответствии с принципами партийного строительства, направил апелляцию в Политуправление войск.

Вчитываясь в материалы, поступившие в парткомиссию. С одной стороны, подкупает горячность его просьбы в адрес высшего апелляционного органа КПСС — «восстановить справедливость!» С другой — звучат обвинительные утверждения из материалов партийного расследования. Вот выдержки из них...

Командир роты капитан В. СЕКРЕТОВ: Неоднократно разбирался в инцидентах, когда Полосков избивал солдат (приводит фамилии).

Командир взвода старший лейтенант В. КУЗНЕЦОВ: При расследовании его проступков Полосков заявил, что претензий к объективности расследования не имеет.

Невольно возникает мысль: поскольку сам Полосков отрицал факты физического оскорбления им подчиненных, не было ли какого-то сговора среди офицеров роты? Может, человек попал в обстановку круговой поруки и был оклеветан? Вновь углубляюсь в материалы персонального дела, читаю копии объяснительных.

Ефрейтор И. ХИТРА: Ударил меня в челюсть, когда я из-за недомогания не пошел на просмотр кино; однажды заставил в кладовой подтягиваться на перекладине, после чего начал бить меня в грудь.

Рядовой М. ДЕРЧИК: Я был дневальным, и замполит неоднократно подходил ко мне и бил в грудь и пах.

Воздержусь от показаний рядовых В. Бружа, А. Дмитриенко, А. Гальцева — они также свидетельствуют не в пользу политработника.

А Полосков... продолжает отрицать, что он избивал подчиненных. Отрицал на заседании парткома части, на полковом партийном собрании, где его исключили из рядов КПСС.

И, разумеется, при таком обороте дела у любого человека умрут чувства сострадания к молодому офицеру, подорвавшему у многих воинов веру в предназначение политработника. Не проявил сострадания к нему и товарищеский суд чести младших офицеров части — он ходатайствовал об увольнении Полоскова из войск.

Добавлю еще одну деталь к моральному облику Полоскова. Когда рассматривалась его апелляция о пребывании в партии, он в подвыпившем состоянии приехал в воинскую часть, чтобы... подзаработать легкие рубли на фотографировании солдат.

ВЫЯВЛЕНИЕ МНЕНИЙ. Такового на заседании парткомиссии не состоялось. В самый последний момент Полосков прислал письмо, где соглашался на рассмотрение персонального дела в его отсутствие, поскольку... не верит в объективность разбирательства и собирает защитные материалы для вышестоящей инстанции, то есть для Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Мнение же членов парткомиссии было единодушным: Полоскову не место в партии.

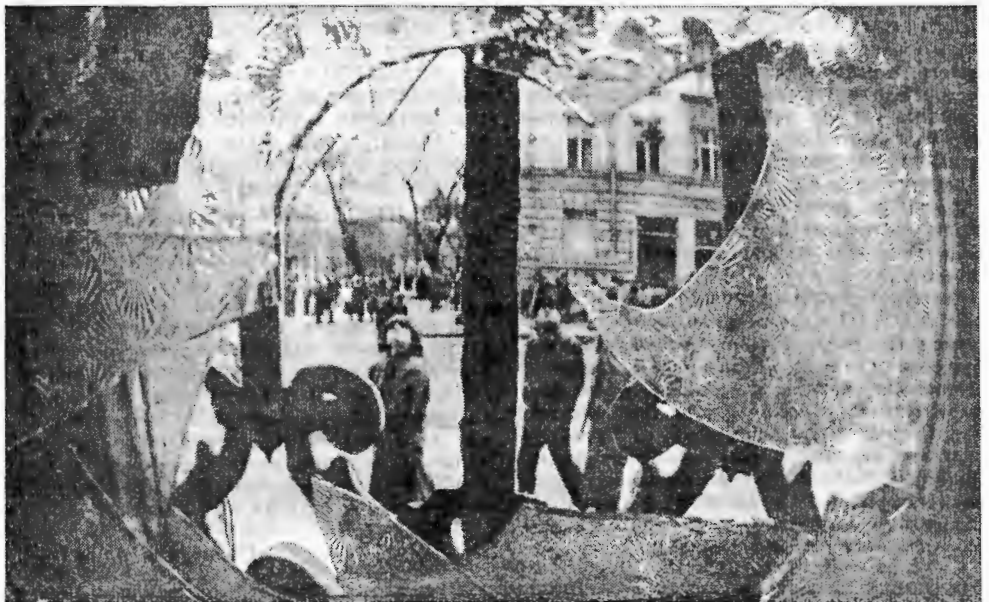
ПОСЛЕСЛОВИЕ. У автора всего два вопроса. Первый к командованию ВПУ: если усилий ваших офицеров и преподавателей было недостаточно для становления Полоскова как политработника, то чьи усилия помогли ему оказаться в привилегированном положении и остаться служить в Ленинграде! И второй — командиру полка подполковнику М. Толстошеину: как могло случиться, что в учебной части длительное время оставались незамеченными многочисленные факты физического оскорбления военнослужащих роты!

ВМЕСТО ЭПИЛОГА. Автор хотел, чтобы читатель сам убедился, насколько в преддверии очередного съезда КПСС сложнее становится деятельность партийной комиссии. Процесс перестройки побуждает одних коммунистов по-иному взглянуть на свои прежние ошибки. Другие пытаются через вышестоящие парторганы обелить себя, хотя в душе лелеют меркантильную мыслишку. И разобраться во всем этом ой как не просто — ведь за каждым персональным делом видится судьба человеческая. Наверное, не случайно и сами дела называются персональными.

Полковник В. УСКОВ.

ИЗ ГОРЯЧИХ ТОЧЕК. ИЗ ГОРЯЧИХ ТОЧЕК. ИЗ ГОРЯЧИХ

ЗАЩИЩА ПРАВОПОРЯДОК

■ В сквере у площади Победы муссировались слухи, появлялись пасквильные листовки.

■ Взгляд под острым углом.

■ Войсковой наряд ведет досмотр.

■ Невеселые мысли одолевают рядового Александра Палеенко, пострадавшего в ночном побоище.

■ Эффективной защите надо учиться.

Фото В. БУЛГАКОВА и В. КУДРЯВОВА.

Стеклянное крошево на тротуаре, черные провалы в окнах, закопченных вчерашним пожаром, — таким предстало утром 11 ноября 1989 г. здание МВД МССР в Кишиневе.

В глазах прохожих, взиравших на эту картину, любопытство, иногда злорадство, но чаще — тревога и осуждение. Широкая общественность гневно заклеяла наглую выходку экстремистов. Из газет и сводок МВД Молдавии она узнала правду: когда войска правопорядка взяли на себя заботу об общественной безопасности города, преступность в нем снизилась по сравнению с обычными днями на треть. В помощь солдатам на улицы вышли рабочие дружины.

розы на черном граните

«...21 ИЮЛЯ 1989 ГОДА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ МАНЕВРЕННОЙ ГРУППЫ ВЫСШЕГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧИЛИЩА МВД СССР ВООРУЖЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ В ОЧАМЧИРСКОМ РАЙОНЕ АБХАЗСКОЙ АССР ПОГИБЛИ, ПРОЯВИВ ЛИЧНОЕ МУЖЕСТВО И САМООТВЕРЖЕННОСТЬ, СЛУШАТЕЛЬ СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ МИЛИЦИИ НОВИКОВ В. М И КУРСАНТ РЯДОВОЙ АКОПОВ В. Р.

ЗА САМООТВЕРЖЕННЫЙ ПОДВИГ УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА БЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОТ 21 АВГУСТА 1989 ГОДА СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ МИЛИЦИИ НОВИКОВ В. М. И РЯДОВОЙ АКОПОВ В. Р. НАГРАЖДЕНЫ ОРДЕНОМ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ ПОСМЕРТНО.

ПРИКАЗЫВАЮ:

ЗА ПРОЯВЛЕННЫЕ МУЖЕСТВО И САМООТВЕРЖЕННОСТЬ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНОГО ДОЛГА ЗАЧИСЛИТЬ НАВЕЧНО СТАРШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА МИЛИЦИИ НОВИКОВА ВИКТОРА МИХАЙЛОВИЧА... РЯДОВОГО АКОПОВА ВЛАДИМИРА РОБЕРТОВИЧА В СПИСКИ ЛИЧНОГО СОСТАВА ВЫСШЕГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧИЛИЩА ИМЕНИ 60-ЛЕТИЯ ВЛКСМ МВД СССР...»

(ИЗ ПРИКАЗА МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР).

ОЧЕРК

ДРОГА была тряской, в автобусе болтало так, что Володя Акопов, курсант второго курса, незаметно почувствовал, как на него навалилась чертовская усталость. Да и не только на него. Приумолкли голоса. Горы в бараньих палахах перестали волновать своей величественностью: ярко-пурпурные гроздьи ягод на придорожных кустарниках уже не вызвали прежнего желания выскочить из маленького «лазика», чтобы полакомиться, пока рот не свяжет от кислотоватого, терпкого привкуса; а глаза незаметно смыкались, и многие курсанты, покачиваясь на жестких сиденьях, тихонько подремывали.

Кажется, только старшего лейтенанта милиции Виктора Новикова, примостившего возле водителя, да сержанта курсантского отделения Игоря Косаренко, который устроился на переднем сиденье, не брала дрема в свои объятия. Они негромко толковали между собой.

Володя прислушался. О чем это они? — Вы говорите, он независимый? — это спрашивал Игорь.

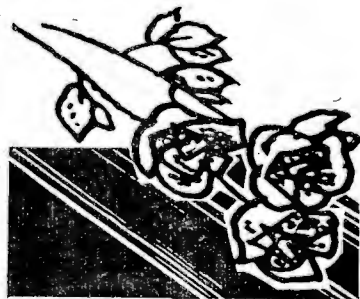
Усталое лицо Новикова слегка осунулось:

— Не совсем так, Игорек! Скорее, у него независимый вид, то есть верхняя оболочка, а ум-то у него зависимый.

— Тут, наверное, можно поспорить, — не согласился Косаренко, — Человек он бесспорно талантливый...

Новиков придвинулся ближе к Игорю. Карие глаза его излучали добрый свет, но были в них и жесткость, и какая-то напряженность.

— Талантливый, говоришь? — горячо подхватил он. — Быть может, оно и так, если не брать во внимание простую аксиому: сегодня талантливым быть мало.

■ Старший лейтенант милиции **НОВИКОВ** Виктор Михайлович родился в 1958 году на Смоленщине.

Учился в политехническом техникуме. В 1977 году призван в ряды Вооруженных Сил СССР. Окончил школу прапорщиков.

После службы в армии работал в органах МВД СССР — милиционером, дежурным по райотделу, участковым уполномоченным, начальником отделения Починковского РОВД...

Женат. Двое детей.

Много занимался общественной работой.

■ Рядовой **АКОПОВ** Владимир Робертович родился в 1971 году в Баку. В училище поступил по комсомольской путевке.

Кандидат в мастера спорта по самбо.

В 1986 году стал призером первенства Азербайджанской ССР, в 1987 — победителем Азербайджанского республиканского совета «Динамо», в 1988 — победителем первенства г. Баку.

Участник математических олимпиад, изучал успешно иностранные языки, очень любил музыку, кино, книги.

Старший лейтенант Новиков посмотрел на часы: в пути они уже около часа. До Очамчыры еще далеко. Интересно, будет ли остановка в Члоу? Вряд ли. Офицер вспомнил, как их срочно подняли по тревоге, и подумал, что в Очамчире, видимо, снова беспокойно.

— Нет, все-таки, как ни говорите, това-

рищ старший лейтенант, а талант есть талант, — прервал его мысли Косаренко.

— Не так все просто, Игорь. Все нынче мы переосмысливаем. Великие стройки у нас были. Пускали заводы-гиганты... Но неоспоримо и то, что строили все это на ходулях собственной взвинченности, а идеалами кое-кто спекулировал, что недопустимо, прикрывал нашу расхлябанность. Одержимость, порыв, энтузиазм — кто же против? Оказывается, немало и тех, кто на наших идеалах крест готов поставить. Мол, мы за романтику, одержимость, творчество, но надо ли для этого стоять в очередях? Вопрос? Вроде бы да. А что под ним? Под ним скептицизм, дескать, романтика — это одежда юности, и нам она не к лицу, мол, поистрепалась. Вот я участковым работал, в разные, самые невероятные ситуации попадал. Сейчас думаю, почему мне порой времени не хватало на все, не успевал я туда, куда хотелось порой. Однако ж думал про себя, что текучка может вконец захлестнуть: сегодня дела, завтра дела, а останется ли время на поступок? Все боялся, как бы героическое от меня не ушло.

— А теперь, как считаете, есть ли время на поступок?

— Это, Игорек, с какой стороны посмотреть. Когда себя любишь, у тебя соперников мало. А я стою на том, что из бескорыстия, любви к людям рождаются и поступки, и добрые дела. Как ни парадоксально, но человек устроен так, что он готов простить плохое и одновременно не благодарит за содеянное. Я вот часто вспоминаю отца, его скромность. Многие земляки о нем больше узнали в день похорон, как вынули из его заветной шкапулки три боевых ордена. А ведь не носил, хотя, если бы надел, только уважения прибавилось. «Заслуги в прошлом не могут возвысить человека», — часто повторял он.

У него кредо было: коммунист, он на фронте связал свою жизнь с партией — должен повседневно примером служить. Вот этого-то нам частенько и не хватает.

Новиков вдруг замолчал. Потом неожиданно спросил Косаренко.

— Скажи, Игорь, что тебя привело в училище?

Игорь как-то странно пожал плечами, мол, тут однозначно не ответишь.

— Спасибо за откровенность. Твое молчание мне больше говорит, нежели ты бы мне тут напел с три короба... Когда, например, я пришел работать в милицию, то был полон иллюзиями: погони, схватки с бандитами, раскрытие ужасных преступлений — на поверку же все обстоит более буднично. Первое мое дело, — Новиков улыбнулся, вспоминая, — самое прозаичное. Старушка, поссорившись с соседкой, пришла жаловаться на то, что та занимается самогонварением. Подтвердилось все: честь по чести составил протокол. А наутро они помирились, и старушка пришла за своим заявлением. Да и писала когда, уже каляса: пляшут буквы — рука неверная. Вот и поправь, говорит мне, мою ошибку, возверни бумаги. Я ей: все, бабушка, ход делу дал, вы же просили. Она в слезы: мол, как жить мне, по-соседски же так не делают... Я на своем стою, тогда она решительно: на меня пиши бумагу, и я самогонку варганю. А потом серьезное дело было. Проворовался один — основательно руки нагрел, — а козлом отпущения хотел сделать молоденькую девчущку. А она сдуру все приняла на себя. Вот эта ее готовность обескуражила меня, стал докапываться и наступил-таки ему на хвост, прижал фактами. И что он мне заявил, когда отступить ему было некуда: жизнь, говорит, у нас такая — кто кого? Вспомнил я ту старушку, оштрафовали ведь тогда и ее. А не живем ли мы по законам джунглей: если съели, значит, слабый человек, поделом ему, правильно сделали?

Автобус резко качнуло, Игорь подался вперед, ткнулся в колени Новикову.

— Джамал, потише ты! — бросил он водителю, остроглазому абхазцу, который вот уже несколько дней возил их.

— Дорогой, это вопрос не ко мне, а к нашему предрику, чтоб дороги ремонтировали. А я и так передвигаюсь, как черепаха.

— И что же вас привлекло в милицмейской профессии? — спросил Косаренко.

— Сначала, как я сказал, антураж. А потом сердцем понял, что тут, как нигде, можно добро защищать. Оно, конечно, легко представить, как ты купаешься в славе героя-кинобоевика, задерживаешь,

преследуешь, но очень тяжело в повседневной жизни шаг за шагом карабкаться к цели.

— Но ведь цели-то каждый перед собой ставит разные? — неожиданно спросил Игорь.

— Что верно, то верно, разные. Но всегда ли они истинны? — ответил вопросом на вопрос Новиков. — Вот мы сейчас мотаемся по всему Очамчирскому району и что делаем? — обезоруживаем местные группы самообороны. Не сделаем этого — конфликт: перебьют друг друга, Фергана показала это.

КОПОВ на мгновение прикрыл глаза. Фергана... До сих пор перед глазами стоят космы дыма, гарь и крики, мольба о помощи.

...Парнишка-узбек лет шестнадцати неожиданно появился перед ними. Что ему делать тут, вблизи домов турок-месхетинцев, в глухую ночь комендантского часа?

— Стой!

Парнишка метнулся к забору, пытаясь перемахнуть, но не успел, замешкался в кустах. И вот уже кто-то из курсантов схватил его.

— Твоя! — показывает старший патруля на десятилитровую канистру с бензином.

— Не знаю, откуда взялась...

Курсанты не верят. В те дни все задержанные наотрез отказывались от изъятых у них оружия, от своей причастности к программам и поджогам. А люди гибли, ночью свечками вспыхивали дома.

Женщина, и откуда только она появилась из душевной прогорклой от пожара ночи, вцепилась в сына, сначала обняла, потом вдруг схватила его за волосы, путая узбекские слова с русскими, стала кричать, что он неверный, что позорит весь род, что он подонок, и тут же кляла себя за то, что родила его, дала ему жизнь.

А парнишка сжался в комок, то и дело отворачивал лицо, по которому она шлепала и шлепала, пока, обессиленная, не выпустила его из рук, упала на землю и, как в эпилепсии, стала корчиться в страшных муках.

Капитан Шульга, старший патруля, пытался поднять мать, успокоить ее, но она уже ни на что не реагировала. Мольба пощадить, отпустить сына сменилась грозным проклятием.

— Заберите пса, заберите моего бывшего сына. Это такие, как он, убили Ильзиру, ее маленького Гаруна, сожгли Захрию. Глаза бы мои не смотрели.

А через минуту женщина опять начала просить:

— Отдайте мне его. Он самый младшенький.

— Товарищ капитан, пусть забирает, — произнес кто-то из курсантов.

Капитан Шульга и сам уже решил, махнул рукой, мол, побыстрее уходите.

— Вставай, джигит, — произнес тогда он, Володя Аюпов. — Если за старое возьмешься, вспомни о матери, пожалей ее седины.

— Где живете? — спросил Шульга.

— Да вон дом напротив, — пояснил парнишка, который никак не мог обрести нормальное состояние.

— Веди мать, а сам в неурочный час носа не высовывай. Слово даешь?

— Дает он слово, начальник. Не он, а я даю материнское слово, — включилась в разговор мать.

— Это уж точно, она его теперь в оборот возьмет, — пошутил один из курсантов, когда мать увела сына.

— Мать есть мать, — поддержал его Володя. — Жалко ее, да и понять можно.

— А тех матерей, на глазах которых насильовали их девочек, а потом живьем жгли, не жалко? — сердито отозвался другой голос.

— Так что, на жестокость мы должны отвечать жестокостью? — не согласился Акопов.

— Ну, к этому никто не призывает, — отозвался Игорь Косаренко.

— Это с какой стороны посмотреть, — вступил в разговор капитан Шульга. — Старика помните?

Да, старика-мехетинца они на всю жизнь запомнили. Дом еще догорал, когда они сюда прибыли. Заживо сожгли здесь и старого хозяина. Останки его лежали поодаль, прикрытые простыней.

Отчего такое насилие? Откуда эта жестокость? Неужели люди перестали быть людьми?

Курсанты пылали гневом, но молчали, стараясь переварить, осмыслить случившееся.

Он, Володя Акопов, о подобной жестокости уже знал. Они тогда жили в Баку. Отец, армянин по национальности, подолгу до этого вечерами сидевший у своего друга Насиба, теперь из дома никуда не выходил.

— Азербайджанцы нас могут вырезать, — только и сказал он однажды.

— Что ты говоришь, отец! — возмутился Володя. — Кого ты имеешь в виду под азербайджанцами? Тофика, с которым я учился? Или, может, дядю Насиба? Да разве они поднимут на нас руку?

— Все сложнее, сынок, чем ты думаешь. Вон Насиб и тот замкнулся в себе. Прихожу к нему на прошлой неделе, а он жмет, потом показывает мне письмо. С угрозами письмо, мол, с Акоповым будешь водиться, пощады не жди.

— И он испугался?

— Насиб не из таких, чтоб забояться, да вот я не хочу, не желаю, чтоб из-за меня кто-то пострадал. Уезжать надо отсюда.

— Куда ехать? Тут же ты вырос, тут и мся родина.

Отец посмотрел на старшего сына, что-то, видимо, хотел сказать, но в последний момент раздумал и сердито махнул рукой.

— И я ему говорю, куда ехать? — вступила в разговор мать.

— Мир не без добрых людей. Сам я уже пожил, но не хочу, чтобы из-за моей нерешительности вы, мои дети, испортили себе жизнь. В Подмосковье сначала поедем, а там видно будет. А ты с училищем не раздумал?

— Буду поступать.

Против того, что Володя решил ехать

71
в Ленинград, в Высшее политическое училище внутренних войск, отец сначала возражал.

Но после сумгаитских событий он изменил свое мнение.

— Пусть будет по-твоему. Учись на офицера, сынок.

Володя был уже курсантом Высшего политического училища имени 60-летия ВЛКСМ МВД СССР, когда семья Акоповых переехала сначала к родственникам в Москву, а вскоре письмо пришло — новый переезд, на этот раз в Ереван.

Письмо отца было полно отчаяния.

Володе хотелось успокоить отца, и слова для этого старший сын подбирал, как ему казалось, самые убедительные и самые весомые. Но по письмам, которые он получал в ответ, не чувствовалось умиротворенности родных, и это еще более расстраивало Володю. Но своего настроения он старался им не высказывать, и по-прежнему весточки от него были теплыми и окрыляющими.

«Я думаю, отец, все образуется, и скоро, совсем скоро ты вернешься в Баку...»

«Крепкий узелок — Нагорный Карабах. Быстрее бы его развязать...»

«А ты, отец, случайно в забастовках не участвуешь? Стыдно мне тогда будет: сын — будущий политработник, готовится к службе в войсках правопорядка, а отец среди тех, кто дестабилизирует обстановку.»

Из лаконичных ответов понял, что отец в стороне от забастовок, но все-таки считает, что азербайджанцы во всем повинны...

«Вот когда встретимся, я тебя в свою веру обращу», — писал в ответ Володя.

Ожидал с нетерпением летних каникул. В кулуарах курсанты говорили, что в связи со сложной обстановкой и привлечением курсантов к обеспечению общественного порядка они будут перенесены на сентябрь. Но вдруг в середине июля поступил приказ — часть курсантов училища перебросить в Абхазию.

ЛУБОКОЙ ночью 19 июля тяжелый «ИЛ-86» приземлился в Сухуми. Слухи бродили самые противоречивые. Возник конфликт на межнациональной почве между абхазцами и грузинами. Чтобы он не разросся, нужна сила. Этой силой выступили войска.

«Наша цель — не допустить повторения Ферганы», — коротко доложил обстановку капитан Шульга.

После увиденного в Фергане курсанты были готовы к самому неожиданному повороту событий. Однако проходил день, второй, слухи нарастали, накаляя и без того взвинченные нервы солдат внутренних войск и местной милиции, а явлений, подобных ферганским, не было. Но то и дело происходили перестрелки между враждующими сторонами, неслись угрозы в адрес военных патрулей.

Было принято решение изъять оружие у населения. Добровольно его принесли единицы. Зато в селах создавались отряды «местной самообороны». Экстремисты, по-

коже, на этот раз действовали более точно. Можно было только догадываться об их целях, глядя на изъятые вооружение.

— Откуда у них автоматы? — спросил Володя Игоря Косаренко.

Тот пожал плечами.

— Что АКМ, откуда танковая радиостанция, откуда и зачем гранаты? — в сердцах произнес Алексей Шиц. — Против кого они готовятся воевать?

— Абхазцы против грузин, грузины против абхазцев, — мрачно говорил Володя. — Мало нам Нагорного Карабаха. Кому это выгодно?

Этот вопрос Володя пытался задать бородачу, задержанному в горном селе.

— Что вы собирались делать с пулеметом?

Бородач, на которого доверчиво смотрели два десятка юнцов, только что побросавших карабины и охотничьи ружья, все еще чувствовал себя хозяином положения.

— Вы приехали и уехали, а нам жить. Грузины нападут, чем будем отбиваться?

— Только утром мы группу грузин задержали, — вступил в разговор капитан Шульга, — они тоже с оружием. Спрашиваем, зачем вам винтовки? И думаете, что они ответили: боимся нападения абхазцев.

— Врут они. Мы ни на кого не собираемся нападать.

— Тогда самое разумное сдать обеим сторонам оружие, — вступил в разговор майор милиции, который все эти дни как заместитель начальника РОВД мотался вместе с войсковой группой по району.

— Вы не бойтесь, из района мы не уйдем, пока спокойно не станет, — сказал капитан Шульга.

Военным тут больше доверяли, чем милиции. Люди стали заметно успокаиваться, но не расходились, все вызвали на откровенный разговор то одного, то другого курсанта, будто через них пытались узнать истину.

— А ваш капитан не обманывает? — наклонившись к Володе, спросил пожилой абхазец, снимая с пояса патронташ.

— Наш капитан честный человек, настоящий мужчина, — ответил Акопов. — Мы в Фергане были, и никто ни разу не усомнился в его порядочности.

— Это хорошо, так и должно быть, а то болтают тут разное.

— Чего это болтают?

— А то, что в ваши войска лособирали сейчас всех безродных, чтоб жалости не пцтали к людям.

— Отец, кто вам сказал это, тот самый последний негодяй и подонок, — и, уже обращаясь к другим жителям, которые прислушивались к их разговору, добавил более мягко: — Меня в Ереване отец ждет, мать ждет, брат под Москвой служит, пятьдесят дней ему до приказа осталось... Нам в отпуск пора, к родным пора, а вы тут друг с другом счеты сводите.

— Ну и езжайте в отпуск, — кто-то бросил из толпы.

— А вот на это не рассчитывайте. Братоубийственные стычки не сегодня, так завтра тут вспыхнут, а я в отпуск? Нет, браток, щалишь. Отец поймет меня, мать поймет, друзья поймут, почему я задержался.

— А ты не грузин ли? — опять спросили из толпы.

— Нет, армянин я. В Баку родился, в Баку школу окончил, из Баку в училище поступил... Что такое, когда брат-азербайджанец предает брата-армянина и брат-армянин предает брата-азербайджанца, наша семья на себе испытала. Дом свой в Баку отец бросил, когда неспойно там стало, ой тошно, ой горько ему без своего крова. Так что я не хочу вам беды такой, не хочу судьбы такой, мира вам желаю, спокойствия вам желаю, жить там, где могила ваших предков, пить воду, которую пили отцы ваших отцов, спать под этим высоким синим небом, не бояться, что к тебе прибудет недобрый человек и искромсает всю твою жизнь. Вот чего от души я вам желаю.

— Правильно парень говорит.

— Спасибо тебе на добром слове.

Бородач о чем-то пошептался со своими земляками, потом поздравил Володю.

— «Зажигалки» вон там в кустах. Заберите, от греха подальше.

И действительно, в кустах шиповника было десятка два бутылок с зажигательной смесью.

— Ну, Акопов, ты настоящий агитатор, целый взвод обезоружил, — улыбаясь произнес капитан Шульга. — Молодец, Володя. С доверием к людям подходишь, а доверие оно всегда от фальши отличается.

Это было утром. А сейчас группа капитана Шульги направлялась в Отан, где по предварительным сообщениям была замечена блуждающая группа с оружием — человек двадцать. Миновали Араду, еще километра полтора, и будет поворот на Отан; впереди идущий «график» уже выполз на косогор, обогнул скалу и начал спуск к развилке дорог. В «графике» Шульга с замначрайотдела, с ними слушатель Игорь Шутак, младший лейтенант милиции, задушевный друг Виктора Новикова, да пятеро курсантов. В автобусе старшим — Новиков, два сержанта и шестнадцать курсантов — основная сила группы.

За окном автобуса плыли мягкие, светло-желтые волны предгорий. Скоро солнце закатится в дымке, навалится вечерняя прохлада. А пока было тряско, душно, ни о чем не хотелось думать, глаза слипались.

— Правильно ли мы едем? Не сбились ли? — вдруг спросил Косаренко. Акопов встрепенулся, отогнал остатки сна. Нет,

ехали они правильно. И, чтобы как-то успокоить Игоря, он вступил в разговор:

— А кавказцы, например, считают так: если не знаешь, куда идти, поднимись на гору, посмотри, куда народ идет.

— Ты скажешь, Володя, какой тут может быть народ! Безлюдье кругом, — возразил Косаренко.

— Это ты напрасно. Вон, присмотришься внимательно, кошара, — показал Володя на беленькие прямоугольнички в долине. — Вон выше табунок деревьев, наверняка возле него тоже жилье.

Автобус выполз на косогор, и действительно отсюда были видны коробки маленьких домиков возле рощицы, на которую указывал Володя.

— Ну, ты даешь, Акопов, — удивился Косаренко. — Глазастый же. Со стороны посмотреть, так можно почувствовать себя рядом с тобой, как гривенник с рублем.

— Не думаю, что мой командир отделения уподобит себя мелкой монетой, — засмеялся Володя. — У него всегда была своя позиция.

— А позиция — это третий инстинкт. Не так ли? — отозвался на его шутку Косаренко.

— Перестаньте сомневаться в себе, товарищ сержант, и вы обретете спокойствие и уверенность, — продолжал шутить Володя. — А что касается моей наблюдательности, то ее у меня по сравнению с вами не больше, чем вон у того гигантского утеса, у которого зарождается ручей. Просто я вчера с капитаном Шульгой там был, пока вы в райцентр ездили. Там танковую радиостанцию у блуждающей группы и изъясил.

«Рафик» уже скрылся за поворотом. Шюфер Джамал тоже сбавил скорость.

— Сейчас на спуск пойдем, — пояснил он.

Но повернуть Джамал не успел: метрах в сорока от них дорогу перебежал человек с ружьем.

Володя машинально схватился за спинку сиденья, предвидя, что Джамал затормозит. И не ошибся. Автобус, подняв за собой большой столб пыли, со скрипом и скрежетом застыл на месте.

Новиков, резко раздвинув руками дверь автобуса, прыгнул на землю, за ним Михайлов, Кукушкин. Чуть замешкался Косаренко.

Новикова уже не было видно. Он скрылся в сарае. Туда же побежал и Косаренко.

Но, странное дело, тот самый человек в накидке, но теперь без ружья махнул из кустов и чуть не столкнулся с Володей.

— Стой! — крикнул Володя.

Парень лет двадцати двух нехотя остановился.

— Куда ружье дел? — спросил подоспевший сзади Алексей Шиц.

— Ружье? Какое ружье? Ты меня, дорогой, с кем-то спутал. Никакого оружия у меня нет и не было.

— А патронташ зачем? — подойдя к парню, спросил Володя.

Появился сержант Косаренко с ружьем.

— Твое?

Гот, потупившись, молчал.

— Пойдем к автобусу, — потребовал Володя и, положив руку на приклад автомата, пригрозил: — Не вздумай бежать.

— А чего мне бежать, я ни в чем не виноват.

— Хочется верить.

Парень нехотя направился к автобусу.

— Игорь, «Жигули»! На нас едут!

Но белые «Жигули» вдруг остановились. Из машины выскочил человек с винтовкой и метнулся к лесу.

— Стой! — крикнул Новиков и, моментально сорвав автомат с предохранителя, сделал предупредительную очередь вверх.

Но человек не подчинился и продолжал бежать к кустарнику.

— Косаренко, Акопов, к лесу!

Однако, как ни напрягали силы Косаренко с Володей, опередить человека с винтовкой им не удалось. Он успел нырнуть в кусты прежде, чем они достигли опушки. С другой стороны к опушке выбежали Новиков и Алексей Шиц. На тропе они встретились с Косаренко и Володей.

— Надо бы стрелять, — тяжело дыша, произнес Алексей.

— Выбрось это из головы, — сердито ответил Новиков. — Оружие не игрушка и не пугало...

Виктор Новиков внимательно осмотрел кустарник, потом сказал:

— Надо прочесть. Далеко он уйти не может, где-то притаился.

— У него, кажется, не то карабин, не то винтовка, — произнес Акопов.

Виктор повернулся к Володе. Словно хотел спросить: думаешь, будет стрелять?

Акопов пожал плечами.

Игорь Косаренко посмотрел по сторонам.

— Где Алеша Шиц? — спросил он.

Неожиданно слева послышался выстрел. Много ружейных выстрелов.

— За мной! — крикнул Новиков.

Володя бросился за ним через островок кустарника. Выскочив на опушку, он увидел Алексея. Пригибаясь, Алеша обходил кустарник слева, а справа — Косаренко.

Откуда-то чуть не из-под земли показался вооруженный человек, пытавшийся выстрелить в кустарник.

— Бросай ружье! — послышался голос Новикова, и почти следом воздух прочертила автоматная очередь. Это Новиков предупреждал человека с ружьем.

Маленькие усы и огромные черные глаза, неживой свет на широком лице, слегка подрагивающие руки. Окаменевшее тяжелое лицо и эта мелкая дрожь никак не вязались, не ясно было, то ли человек растерялся, прежний бравый пыл растаял в нем угаснувшей искрой, уступив место страху, то ли он, искусно маскируясь, выжидал, чтобы сделать укол вставшим на его пути военным.

Володя посмотрел на Новикова и поразила его спокойствие и уверенности. И настороженный взгляд, и прижатый к плечу приклад автомата, и ровное, но тяжелое дыхание, да и вся его крепко сколоченная фигура была в эти секунды напряжена до предела, словно сжатая пружина.

Черные глаза сузились и от этого как бы перестали быть огромными, бездонны-

ми, а сам человек вдруг часто-часто заморгал. Ружье он между тем так и не опустил, но чувствовалось, что в этот миг он подавлен, растерян настолько, что не дает отчета себе в том, правильно ли он поступает.

Володя перехватил взгляд Новикова, который как бы подталкивал его: «Смелее... Ружье, надо извлечь ружье...»

Он подошел к человеку слева и молча положил руку на плечо, давая понять, что оружие он должен сдать. Но человек по-прежнему стоял в нерешительности, хотя лицо его дрогнуло, это был тот миг, когда можно ожидать непредвиденного.

— Не отдам! — взвизгнул человек, уцепившись за патронташ.

Но рядом уже появился Косаренко.

— Лучше, если вы сдадите и патронташ. Для вас же лучше, — проговорил Игорь, отстегивая пояс.

Человек упирался, вместо слов выдыхал какие-то шипящие звуки возмущения, но поделаться уже ничего не мог: Новиков крепко взял его за локоть, недовольно произнес:

— Против кого вы поднимаете оружие? Одумайтесь!

— На нас хотели напасть грузины! — лепетал человек в ответ. — Кто наши дома защитит?

— Мы защитим... Не беспокойтесь, защитим.

Вдруг послышались выстрелы.

— Вот видите, они нападают! Надо защищаться...

— Уведите его с глаз подальше, — бросил Новиков сержанту Косаренко.

Обезоруженный человек, опустив голову, молча пошел за Алексеем Шицем.

— Откуда они стреляют? — прислушиваясь к выстрелам, спросил Новиков.

Ни Косаренко, ни Акопов тоже не могли определить, где засели невидимые стрелки.

Новиков, похоже, уже догадался: сизый дымок появился и растаял за дорогой. Сколько их там?

— Слушай мою команду! — крикнул Новиков. — Прочесываем кустарник по направлению к лесу. Косаренко, на левый фланг, Акопов, за мной!

Володя Акопов шагнул вслед за Новиковым.

— Граждане, прошу уйти из зоны об-

стрела, — крикнул Новиков, увидев группу крестьян. Это были жители села, которые высыпали на выстрелы и не могли взять в толк, что же здесь случилось, откуда появились солдаты, почему началась стрельба.

— Чего им тут надо? — удивленно произнес Акопов, глядя на Новикова.

— А кто их знает, — махнул он рукой. — Кого-нибудь заденет свинец, а нам потом объясняться. Тбилиси помнишь? Нас же могут и обвинить.

— Это точно, — согласился Володя, — но, обратите внимание, они без оружия.

— Володя, смотри, как бы из кустарника по нам не полоснули.

О СЛОВА его потонули в звуках выстрелов. Вот как рассказал позднее Игорь Косаренко:

«Вдруг раздался какой-то длинный, сдвоенный выстрел, похоже, это был тупой удар о каску Володи Акопова, потом еще выстрелы, много выстрелов.

Я отскочил в сторону и залег за пень. Вот сволочи, прямо по нам стреляют, подумал я.

Изготовившись к стрельбе, стал наблюдать за дорогой, откуда, как мне показалось, раздавались выстрелы.

Сколько так пролежал, не могу сказать. Что-то насторожило меня и заставило посмотреть в сторону, где только что залегли Новиков и Акопов. Там было тихо.

— Володя! Тебя не зацепило?

Акопов не отвечал.

Чувство тревоги нарастало. Попытался стползти в сторону, но вдруг услышал звук выстрела, свинец совсем рядом вспорол фонтанчик земли. Посмотрел туда, где несколько минут назад стояли местные жители: там их не было. Неужели они успели выйти из-под обстрела?

— Акопов, Володя! — снова позвал я.

Неожиданно послышался стон.

«Здело все-таки Новикова», — подумал я и решил подползти к нему. Однако стоило мне сделать движение, как фонтанчики земли вновь взметнулись рядом.

Выходит, не подпускают.

— Игорь, что с ними! — крикнул плюхнувшийся на землю слева от меня Алексей Шичи.

— Новиков ранен.

— А как Володя?

— Акопов вроде ничего, только не отзывается. Прикрой меня, постараюсь к ним подползти, — попросил я.

Шичи сделал несколько очередей по направлению дороги, а я в это время приподнялся, чтобы сделать бросок. Но в ту же секунду почувствовал, что по мне стреляют, значит, не хотят подпустить к товарищам.

— Акопов, Володя, ты не ранен! — снова (в который уже раз!) позвал я.

Но Володя молчал. И это молчание окончательно убедило меня, что с ним случилась беда. Однако рассудок отказывался в это верить. Только что, несколько минут назад, мы вместе обезоруживали того пар-

ня, убеждали, что в его положении лучше сдать ружье...

— Люди, скажите им на абхазском, чтоб не стреляли! — крикнул я местным жителям.

Один из них тотчас что-то крикнул на абхазском, а потом повторил на русском. Он просил отложить ружья, говорил, что кровь уже и так пролилась.

С дороги послышался чей-то хриплый возглас. Что кричали, не мог разобрать.

Один из местных жителей перевел.

— Уйди, они перестанут стрелять.

— Мы не бросим своих товарищей. Так им и передай, — ответил я, чувствуя, как в груди у меня нарастало чувство возмущения, протеста. Так и хотелось крикнуть тем, которые засели в кустах и вели прицельный огонь по нам: «Мы пришли сюда не как оккупанты, а пришли защитить вас, не дать пролиться людской крови, не допустить повторения Ферганы...»

— Игорь, прикрой меня! — я не видел курсанта Михайлова, но узнал его по голосу. Это уже была помощь.

— Осторожнее, они стараются бить прицельно, — предупредил товарища.

Прижал к плечу приклад, готовый, в который уже раз, сделать предупредительную очередь в сторону дороги, как что-то остановило меня. Потом послышался голос абхазцев, лежавших на земле. Бородатый человек с ружьем в руках вскочил и бросился к Володе Акопову. Ему понадобились секунды, чтобы схватить Володин автомат, затем ружье.

«Что он делает?» — инстинктивно перевел автомат на скрывающегося в кустах человека, но почувствовал, что предупредительного выстрела сделать не смогу: боюсь задеть поднимающихся с земли других людей.

Но очередь все-таки прозвучала.

«Молодец Михайлов!» — подумал я.

Да, мой товарищ ориентировался верно. Предупредительная очередь остановила бородача. На землю упали и автомат, сначала одно, затем второе ружье.

Я перевел автомат на дорогу и выстрелил в сторону, откуда попытались вести прицельный огонь. За это время Михайлов подскочил к бородачу, забрал автомат и ружья. Он был совсем рядом с Володей, видимо, не удержался и подбежал к нему. Я только и услышал его слова: «Он уже готов!» До меня не дошел их смысл, какое-то время никак не мог осознать, кто готов и что значит само по себе «готов». О смерти друга не думал, даже мысли не допускал в тот момент.

Михайлов отпрыгнул в кусты, где лежал Алексей Шиц.

— Подстрахуйте меня!

Ребята начали стрелять по дороге, а я пытался подползти к товарищам, но всякий раз отодвигался назад — фонтаны, самые настоящие фонтаны земли вспыхивали передо мной, слепили глаза, и вот-вот, кажется, свинцовый заряд вопьется в мое тело. Прямо скажу, стало жутко от сознания своего бессилия...

Вскоре к нам подошли курсанты Кириллов и Устименко. Прикрывая друг друга огнем, вновь и вновь пробовали продви-

нуться вперед, но выстрелы останавливали нас...

Сколько времени продолжалась бы взаимная перестрелка, не берусь утверждать, если бы не местные жители.

Когда они направились к телам наших товарищей, стрельба прекратилась: кто-то невидимый, там в лесу, не рискнул стрелять по своим землякам.

К сожалению, ни Виктору Новикову, ни Володе Акопову уже наша помощь была не нужна.

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ... Это было 22 июля 1989 года... в 14 часов 30 минут курсанты прощались со своими погибшими сослуживцами.

Спокойнее ли стало на дорогах, исчезли ли группы экстремистских боевиков?

Ответить на этот вопрос положительно никто бы тогда не осмелился. Не потому ли, когда в 15 часов в сторону старинного абхазского села Члоу, в нескольких километрах от которого разыгралась трагедия, надо было направить бензовоз с горючим, двадцать два человека убили для его сопровождения.

А место, где погибли Виктор Новиков и Володя Акопов, сегодня обнесено оградой. Над ней есть и крыша. Стоит стол. На нем фрукты и вино. Есть и табак, и спички. Словно тот, кто оборудовал это, хотел сказать: «Возвращайся сюда, бессмертная человеческая душа, посмотри — тебя помнят и чтут».

Так велит обычай кавказцев: место, где кровь пролита за правое дело, является священным. Только вряд ли поймет это младшая дочь Виктора Новикова двухлетняя Светлана, и, конечно же, не утешит это ни его жену, ни мать. И, конечно же, не принесет успокоения ни Маире Лазаревне Акоповой, ни ее мужу Роберту Парсеговичу, что страшный национальный пожар отнял у них Володю.

Во дворе школы, что в самом центре села Члоу, стоит обелиск. На нем высечены слова в честь Виктора Новикова и Володи Акопова:

Скорби, Абхазия!

В дни горести и бед.

Отдав тебе огонь
своих сердец,

Они, не дрогнув,
не склонивши головы,

Шагнули
под губительный
свинец.

На черном граните — цветы. Они разные. Но больше и чаще всего здесь лежат розы. О чем говорят розы на черном постаменте? О скорби, о любви, о признательности тружеников этого горного края воинам внутренних войск, пришедшим в трудный час сюда, чтобы защитить безопасность людей, сохранить здесь порядок. И еще они глубокий укор всем нам: почему в мирные дни находят силы, которые разжигают костер страха, ненависти, в пламени которого, выполняя свой долг служебный, гибнут наши ребята?

А. ГЕОРГИЕВ.

ПАПА В СТЕПАНА КЕРТЕ

ФОТО А. АЛЕКСАНДРОВА.

Мучительно долго тянутся дни в ожидании вестей от мужа. И беспокойно на душе: как он там, на краю страны, в этой пугающей ежевечерними сводками НКАО! Но до обидного стремительно летят денечки столь редких офицерских каникул. Кажется, только вчера встречали его на перроне, а завтра, глядишь, уже провозжать. Ничего не поделаешь — служба...

■ «А вон наш папа приехал, малыш!».

■ Подполковник Владимир Енягиня заскочил в общежитие на минутку — приветы с «юга» от мужей передать. Но, как всегда, минутка обернулась часом — засыпали вопросами.

■ Колонна уходит в горы — там тоже посты.

■ Когда папа — старший лейтенант Сергей Куляница — в Степанакерте, Виталик в доме за мужчину. Дел немало, вот шинель решил почистить.

■ Почтальон рядовой Александр Кириенко — теперь один из самых нужных людей в части. Но он не зазнается.

НОЧИ НА ЛУБЯНКЕ

АРЕСТОВАЛИ его 3 мая 1943 года. Вечером он, комиссар госбезопасности Виктор Николаевич Ильин, ненадолго забежал домой. Впереди ждала ночная, до самого рассвета работа — так было заведено во всех центральных учреждениях и ведомствах по часам Кремля. Не успел появиться в своем временном жилище в Большом комсомольском переулке, как звонок секретаря отдела потребовал вернуться обратно: вызывал Меркулов.

Наташеньку — ей шел первый годик — бабушка, теща Ильина, укладывала спать. Жена с работы еще не пришла. И вдруг девочка просительно протянула ручонки к отцу, торопливо залепетала, словно силась сказать что-то важное, потом горестно, навзрыд заплакала. Виктор Николаевич возвратился с порога, взял на руки и поцеловал дочку, не подозревая, что прощается с ней не до завтра — на девять долгих лет... Когда он увидит десятилетнюю уже дочь, она не вспомнит тот эпизод, навсегда врезавшийся в память и сознание отца. Да еще и не сразу узнает она, кто ее отец, что с ним случилось.

Томясь потом в лубянской и лефортовской одиночках, перелистывая страницы своей не напрасно прожитой жизни, Виктор Николаевич чаще всего видел перед собой эти молитвенно протянутые крохотные ручонки ребенка. Гадал, каким непостижимым чутьем могло обладать такое несмышленное маленькое существо.

...Через несколько минут Ильин был уже в кабинете Меркулова. Недавний первый бериевский заместитель, возглавлявший в системе НКВД государственную безопасность, а теперь уже всемогущий ее нарком, поскольку НКГБ вновь выдвинулся в самостоятельный наркомат, встретил комиссара молча, погрузившись в какие-то бумаги. Сидевший тут же Абакумов посмотрел на Ильина торжествующе и злорадно. Недобрым, зловецким, роковым сразу повеяло от шефа всей армейской контрразведки.

Ильин слишком хорошо знал Абакумова, знал еще с тех пор, когда тот был заурядным помощником оперуполномоченного ГУЛАГА. Знал о том, что карьера этого циничного авантюриста, ловко угадывающего желания вышестоящих, оплачена многими невинными жертвами. Всего несколько дней назад они громко объяснялись, уже тогда Ильин услышал не намеки, а прямые угрозы, требование немедленно прекратить всякую связь с Борисом Теплинским и помочь разоблачить его. Следом за ним Кобулов, замнаркома, приказал письменно объяснить, почему Ильин не порвал связь с Теплинским и даже демонстративно пригласил его к себе домой.

Меркулов медленно поднял от стола тяжельный взгляд и спокойно, как нечто само собой разумеющееся, объяснил:

— Вы арестованы, Ильин.

Виктор Николаевич не спрашивал за что, почему: ему было ясно, в чем он подозревается. Буквально накануне Первомая арестовали Бориса Львовича Теплинского, генерал-майора авиации, начальника штаба ВВС Сибирского округа. Вызвали из Новосибирска в Москву в управление кадров Военно-Воздушных Сил и там взяли под стражу. Абакумов с садистским наслаждением самолично сорвал с него погоны...

— Может быть, в трудное для Родины время я был бы полезнее ей не в лагере, а на передовой, даже рядовым бойцом, — только и сказал Виктор Николаевич.

Не удостоив ответом, его отконвоировали в одиночную камеру внутренней тюрьмы.

«Борис, Борис, славный мой товарищ. В чем же тебя обвиняют, мой давний друг? Никогда не поверю никаким наветам, ничьим наговорам на тебя...» Вот как написал Виктор Николаевич и Кобулову: изложив историю своей дружбы с Теплинским, он закончил словами: «Если бы все повторилось снова, я поступил бы точно таким же образом».

ОНИ познакомились в 1925 году в кавалерийском полку дивизии ОСНАЗ при коллегии ОГПУ. Ильин служил там политруком эскадрона, а Теплинский — помощником командира полка по строевой части. Превосходный конник, участник гражданской войны, командовавший эскадроном на Южном фронте против денкинцев, трижды раненный, Теплинский был на пять лет старше Ильина. Но ни это, ни разница в служебном положении не мешали их привязанности. Борис Львович отличался образованностью, начитанностью, блестяще играл на фортепьяно, некоторое время учился в консерватории. Пожалуй, именно интерес к литературе и искусству, любовь к музыке и сблизил двух незнакомых прежде красных командиров. Еще роднила их неостывшая романтика недавних боев, походов, маршей. Ильин любил Теплинского, дорожил дружбой с ним, рекомендовал своего старшего товарища в партию.

Добрых отношений не порывали и после того, как судьба развела их. Окончив Академию Генерального штаба, Теплинский остался в ее адъюнктуре на кафедре авиации. Человек одаренный, наделенный исследовательским чутьем, способностью предвидеть события, он не питал иллюзий относительно роли и места кавалерии в будущей войне моторов, что практически насаждали отставшие от жизни легендарные конармейские военачальники, возглавлявшие высшее военное руководство. В августе 1940 года «Правда» опубликовала его большую статью о роли авиации в

СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ

современной войне, один из его трудов посвящался особенностям взаимодействия авиации с наземными войсками. Обе эти работы вошли потом в военно-теоретический сборник «Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах». Там фамилия Теплинского стояла в одном ряду с именами М. В. Фрунзе, М. Н. Тухачевского, С. С. Каменева, Б. М. Шапошникова, И. П. Уборевича, И. И. Вацетаса.

Скажу попутно, что вместе с ними, с Ильиным и Теплинским, в том же кавполку, в те же годы служил и Александр Евгеньевич Голованов, будущий Главный маршал авиации, командующий авиацией дальнего действия. Так что не один Теплинский, заглядывая в тревожную военную даль, сменил коня на штурвал самолета.

Ильин недоумевал, в чем же обвиняют его давнего друга в эту страшную пору. Нет, никогда не поверит он наговорам на Теплинского.

Получив назначение в Сибирский военный округ, Борис Львович оставил Москву. Начиная с июня 1941 года, он посылал один за другим рапорты, просился в Действующую армию, одновременно обращаясь за содействием и к Ильину. И когда в апреле 1943 года его вызвали в столицу, он летел туда с радостным предвкушением назначения на фронт. Не подозревал он, какое отравленное блюдо стряпается на «смершевской» кухне Абакумова... Чего в нем только не было — и участие в троцкистском заговоре, и антипартийные высказывания, и антисоветские и террористические замыслы! Приписывалось даже абсурдное намерение «пробраться» на фронт с чудовищной целью организовать поход на Москву.

Каких только нелепостей и диких инсинуаций не услышал преданный Родине и народу генерал на бесконечном конвейере допросов! От Ильина, в свою очередь, требовали самооговора, подтверждения вздорных обвинений, предъявляемых его давнему товарищу. Ему вменяли в вину поддержку антисоветских планов, соучастие, недонесение о враждебной деятельности Теплинского.

Два следователя, Лихачев и Соколов, набившие руку на выколачивании «признаний», действовали с последовательностью маньяков. Их, не сомневающих, что «у нас» понапрасну не сажают, ничуть не интересовала истина, важно было любой ценой вынудить подследственного подписать сочиненную ими «липу».

На первом допросе Виктора Николаевича пытались ошеломить:

— Ну, бывший комиссар, будем говорить?

— Отчего же бывший? Если кто-то отнял одежду, так не значит, что лишили звания. Поговорить же можно — вопрос, о чем...

— Найдется о чем — о вашем двурушничестве.

Когда психические атаки успехом не увенчались, стали брать измором. Неделями не вызывали, держали в томительной безвестности, собирали улики. Пристально всматривались в прошлое Ильина, дотошно рылись в его личном деле. На беду этих топорных «биографов», их поиски не давали никакого мало-мальски годного компромата, никаких зацепок для подозрений в неблагонадежности. Оставался известный, испытанный путь — фальсификаций, подтасовок.

Д ОЛГИМИ часами, сутками, неделями, месяцами, складывавшимися в годы, оглядывался на свое прошлое и Виктор Николаевич. Оно было чистым и честным.

Рано приобщился он к боям и походам. В пятнадцать мальчишеских лет комсомолец из Хамовнического района по комсомольской мобилизации отравился на Восточный фронт. Накануне отъезда, в начале декабря 1919 года, слушал в Большом театре выступление В. И. Ленина на VII Всероссийском съезде Советов. На самой верхотуре, чуть ли не под потолком огромного зала ловил юный конармеец каждое слово вождя.

Затем шли бои. Летом 1920 года Виктор оказался уже на западе, воевал с белополяками. В кавалерийской атаке под Белостоком впереди скачущего политбойца третьего кавкорпуса Ильина разорвался артиллерийский снаряд. Его выбросило из седла. Сильно конуженного юношу доставили в виленский госпиталь. Он еще не поправился, когда из Вильно стали эвакуировать находившихся там на излечении красноармейцев. Последним покидающим Литву зшеломом Ильин прибыл в один из петроградских госпиталей.

После шестимесячного — по ранению — отпуска, который он по воле комсомола провел в качестве управляющего делами Московского комитета РКСМ, он снова в строю — отделенным командиром в кавдивизионе отряда ОСНАЗ. Затем учеба в военно-политической школе МВО, откуда он пришел в кавалерийский полк.

Вспоминал, как курсантом стоял в почетном карауле у гроба Владимира Ильича в Колонном зале Дома союзов. Как уже политработником-кавалеристом участвовал в похоронах Феликса Дзержинского. Тогда, оказавшись рядом с оркестром, когда внезапно оглушительно ударил барабанщик, его конь вдруг дал «свечу», и седок едва удержался в седле...

Из-за ухудшившегося вследствие контузии и ранения зрения с военной службы его демобилизуют. Ильин находит применение своим силам в народном хозяйстве, работает в кинофотопроцессинге ВСНХ.

ДЕСЯТЬ последних лет он отдал службе в органах государственной безопасности, куда в 1933 году направила его партия. То было время в истории НКВД—НКГБ, когда в стране шла тотальная охота на «врагов народа», когда в застенках и лагерях Ягоды, Ежова, Берии истязались и гибли лучшие сыны и дочери нашего Отчества. Только ведь и тогда не все носившие гимнастерки с наруканной чекистской эмблемой выполняли палаческие функции, и будет несправедливым бросать черную тень беззаконий на всех без разбора, из-за одной принадлежности к ведомству. Рискуя всем — настоящим и будущим, благополучием родных и близких, самой их жизнью, — находились в среде чекистов люди, готовые встать на эшафот во имя правды и справедливости. Имена некоторых сейчас названы. Один из них — Тимофей Строкач, восставший против Берии.

Чекист Ильин отношения к благословенным свыше следственным «экспериментам» по выбиванию «чистосердечных признаний» не имел. Не мог он, однако, не испытывать нравственных терзаний за творимые бесчинства и репрессии. Проводя дни и бессонные ночи в одном из скромных кабинетов большого дома на Лубянке, терпелся в догадках и мучился от бессилия.

Иногда ему казалось, что он попал в какой-то театр абсурда, где правили бал подлость, коварство, бесчеловечность, вершились кровавые оргии. Нечто фантастическое напоминали жалкие покаянные речи и самобичевания подсудимых, недавних почетных сограждан, соратников Ленина, на которого они же, если верить судебным протоколам, готовили покушения. Среди осужденных и расстрелянных Ильин встречает имена людей, лично ему знакомых, — скажем, прославленного Гая, в составе корпуса которого он дрался, да и многих известных работников НКВД — Ягоды, Фриновского, Заковского, Реденса, а потом и самого Ежова, вчерашних палачей, ставших очередными жертвами. Многого он просто не знал. До нашей встречи Ильин не ведал, например, о том, что расстрелян и командир отряда ОСНАЗ, а затем и первый командир дивизии, при котором он служил, — П. Г. Кобелев.

Нелегко было в такой непостижимой карусели отважиться взять под защиту невинную жертву произвола, но иногда это удавалось. С его помощью освободили из лагеря Наталию Сац, Алексея Дикого, вызволили и других страдальцев.

Пришел-таки и его, комиссара госбезопасности, черед...

...После передышки возобновляются изнурительные ночные сеансы. Сменявшие друг друга следователи поочередно бьют в одну точку.

— Зря упрямитесь, Ильин. Сами знаете, не таких молодцов укатывали.

— «Не таких», возможно, и укатывали. А вот таких...

— Ха-ха-ха! — развеселился отдохнувший после смены следователь. Рассмешила его то ли самоуверенность чекиста, то ли его наивность.

«Укатывать» они умели. Кроме пресло-

вугото «конвейера» был еще и «вопросник». О нем Виктор Николаевич узнал раньше, чем испытал на себе.

Однажды, в конце 1938 или начале 1939 года, Ильин за какой-то справкой зашел к следователю Родосу, перед которым сидел, опустив голову, мужчина.

— Уже покидая кабинет, я узнал в допрашиваемом Косарева. «Саша, ты!» — неожиданно вырвалось у меня. Он поднял глаза, взглянул, ничего не ответил. Тотчас же был вызван конвоир, подследственного отправили в камеру. А у меня следователь спросил: «Откуда ты его знаешь?» «Ну, кто же у нас не знает Косарева? Я-то его еще с 1922 года помню».

Да, с Сашей Косаревым, первым секретарем Бауманского РК РКМС Виктор был знаком с той поры, когда он работал в МК комсомола. Они были сверстниками, 18-летний будущий вожак комсомолии страны и 17-летний выздоравливающий политбоек Красной Армии. Юным, азартным, неугомонным, им не требовалось искать общий язык или блисти субординацию. «Саша», «Витя» — так обращались они друг к другу. Потом, как уже говорилось выше, Ильин снова вернулся в военный строй, с Косаревым не виделся, радовался за него. Не без горечи и недоумения узнал, что генеральный секретарь ЦК комсомола арестован. И вот такая встреча.

В застенках и лагерях НКВД—НКГБ в то время истязались и гибли лучшие сыны и дочери Отчизны. В стране шла тотальная охота на врагов.

«Хорош у тебя знакомый, не позавидуешь», — с оттенком злорадства изрек следователь и подал мне листы допроса. Пробежав написанное, я удивился: «Неужели тебе неясно, что Косарев считает тебя за идиота, дурачит, издевается, коль ты веришь записанной здесь чепухе?» — «Мне неважно, за кого он меня принимает, главное, этот вражеский агент полностью изобличен и приперт к стене». — «И как же тебе удалось такое?» — любопытствовал я. «Ну, у меня есть хороший вопросник», — и, выдвинув ящик стола, показал лежащие там две резиновые палки.

КАК-ТО Лихачев начал разговор со снисходительным доверием:

— Ну, что вы, Ильин, тянет резину, запирается. Вот уж и Теплинский разоблачает вас, как человека неискреннего. — И предьявил показания, где тот подтвердил, что, дескать, допускал антипартийные высказывания, критику решения ЦК в присутствии Ильина, но он, правда, не только с этим не соглашался, а и старался переубедить собеседников. Так целью самооговорора его товарищ, лишенный сил, доведенный до инфаркта, пытался вывести из-под удара Ильина.

— Это или грязная фальшивка, или просто ложь — одно не лучше другого, — заявил Виктор Николаевич. — Я настаиваю на очной ставке с Теплинским.

Ему хотелось самому увидеть друга, подержать его, не дать окончательно сломиться.

На короткой, увя, встрече он, глядя прямо в глаза Борису, поникшему, изможденному, хромящему, сказал, что он клеветает на себя, что никаких подобных разговоров никогда не было и быть не могло. Тот всхлипнул, хотел что-то сказать, повиниться или извиниться, но говорить ему не дали, а Ильина, дабы избежать новых разоблачений, грубо вытолкали за дверь.

Ильин не мог знать, мог лишь догадываться, как следственная четверка — Лихачев, Соколов, Леонов и Комаров — «обрабатывала» Теплинского, как издевались над ним, не давая спать целых десять суток, держа на ногах. Ему грозили повешением, расстрелом родных, арестовали и пытали жену. В довершение всего бросили в каземат кошмарной Сухановки. Об этом Виктор Николаевич узнал от освободившегося товарища лишь через годы, выйдя на волю.

Уже отгремела война и на родную землю пришла долгожданная победа, а он все томился на Лубянке. Не раз Ильин смотрел смерти в лицо, но страшнее ее была мысль о бесчестии.

Вокруг же самого его продолжали плести липкую паутину. Всячески обыгрывался в ходе следствия факт дачи им Теплинскому рекомендации в партию.

— Я не только не отрекаюсь от того шага, а и сейчас, будь в том необходимость, без колебаний повторил бы его.

Намекали, что, рекомендуя человека, который был начальником, он поступал небескорыстно.

— Если бы ко мне обратился за рекомендацией сам тогдашний комполка, я бы ему отказал, поскольку не уважал, хоть он и повыше начальник. Тот, правда, в этом не нуждался.

Так текли дни, месяцы, годы следствия по сфабрикованным обвинениям. Почти девять лет провел Виктор Николаевич в ожидании суда. Отгремела война, на родную землю пришла победа, а он все томился в каземате, откуда редко кому удавалось вырваться на свободу.

Сколько раз прощался с жизнью... Лучше других зная нравы Лубянки, на чудо спасения он не надеялся. Но страшнее смерти была мысль о бесчестии, о том, что когда-нибудь его Наташа узнает, как ее отец предал ее. Образ маленькой дочери все время стоял перед ним как строгий, нелюбезный судья совести.

И очень был удивлен, когда в 1952 году

его неожиданно привезли в Бутырскую тюрьму и оттуда освободили, оформив юридически, без судебных формальностей и процедур 8 лет 10 месяцев в качестве наказания. За что — он не знает. Полная реабилитация последовала позднее.

Проведшему 9 лет под следствием Теплинскому как раз в это время военная коллегия Верховного суда определила 10 лет заключения и 5 лет поражения в правах. Частичное признание им вины явилось от начала до конца самооговором от сознания полной безнадежности своего положения. В 1954 году судимость с него снимают, восстанавливают в генеральском звании и через некоторое время увольняют в отставку, как инвалида, совершенно больного, искалеченного.

Незадолго до своей смерти Борис Львович оставил подробный отзыв о сложных перипетиях, в которых оказались два товарища, и о той высочайшей порядочности, которую обнаружил в драматической ситуации Виктор Николаевич Ильин.

«Я считаю долгом своей совести заявить, — писал Теплинский, — что та ленинская партийность, верность нашей дружбе, которые проявил Ильин в течение пережитых нами обоими страшных девяти лет, является одним из самых высоких проявлений человеческого духа и относится к тем качествам, которыми может гордиться каждый подлинно советский человек».

Читаешь эти взволнованные слова и думаешь: всегда ли мы поступаем так мужественно? Всегда ли так же верны своим идеалам, заветам отцов, закону воинского братства? Всем ли хватает сил до конца, до последней точки постоять за правду, за честь товарища, не считаясь с личными потерями и жертвами? О как много выиграли бы мы на крутых поворотах истории, будь то годы жестокого культа или периоды «оттепели» или застоя, каких нравственных утрат избежали бы, будь каждый из нас по-настоящему честен, прям, благороден, будь Человеком, Бойцом, Коммунистом в истинном понимании этих слов!

Оперирую столь высокими понятиями еще и потому, что в те годы, о которых здесь идет речь, предательство друзей, родных, близких, отречение от них по так называемым политическим мотивам — словом, все то, что всегда считалось мерзким и подлым, объявлялось велением долга, гражданской добродетелью, когда фискальство отождествлялось чуть ли не с патриотизмом. Людей смолоду приучали лгать, притворяться, угождать сильным, доносить, шептать, завидовать таланту — и все это во имя неких высших интересов.

Да и сейчас, когда мы отнюдь не редко сталкиваемся со вспышками насилия, ненависти, мстительного озлобления, вражды, отсутствия чуткости — независимо от того, на какой почве они случаются, национальной ли, социальной ли, — нам очень дорог пример нравственного благородства, способности возвысить себя и свои чувства над пропастью несправедливости, до конца стоять за правду.

И. БЕЛИКОВ,
генерал-майор в отставке.

на подступах к истине

РАЗМЫШЛЕНИЯ ВОЕННОГО ИСТОРИКА

В ЛЕТОПИСИ ратных дел по защите Отечества ярчайшая страница — победа в Великой Отечественной войне. Истоки этой победы, бесспорно, в преимуществе советского общественного и государственного строя, идейном и политическом единстве советского общества, социалистическом патриотизме и пролетарском интернационализме, дружбе народов СССР, беспримерном героизме советских людей. Сегодня, когда кое-кто говорит о падении авторитета Коммунистической партии, нужно еще раз подчеркнуть и ее роль в победе. Это прежде всего постоянная забота об укреплении обороноспособности страны, мощи ее Вооруженных Сил, мобилизация всех коммунистов на отпор врагу. На фронте находилось более трети членов Центрального Комитета КПСС. К концу 1941 года в Красной Армии было 1 миллион 300 тысяч партийцев. Три миллиона своих сынов потеряла партия на фронтах.

Пожалуй, ни по одному периоду истории советского общества, как по этому, не издано так много литературы. Почему же сегодня, в канун 45-летия Победы, возникла острая необходимость в новых исследованиях!

ДЛИТЕЛЬНЫЕ и крупномасштабные фальсификации истории Великой Отечественной войны привели к кризису исследований по этому периоду. Только за последние четыре десятилетия ушли в небытие три поколения «фундаментальных» трудов. Но правдивой трактовки тех событий как не было, так и нет до настоящего времени, хотя потребность назрела давно.

В отечественной истории вообще нет такого периода, который не был бы отмечен «белыми пятнами». Ими, безусловно, пестрят и события Великой Отечественной. Существует длинный ряд вопросов, на которые (даже в условиях перестройки) ученые все еще не спешат дать достаточно полные, объективные ответы. Далеко не все события наша историческая литература воспроизводит в соответствии с фактами.

ВОЗЬМЕМ, например, причины неудачного для нас развития событий в начале войны, затем в 1942 году. В предвоенные годы в нашей военной доктрине существовал тезис: если враг нападет, будем вести войну на его территории. Действительность оказалась иной. Но было ли это неизбежным?

Объективные причины наших неудач в исторических публикациях называются правильно. Но существовали и не менее серьезные субъективные причины. Среди них — просчет в определении срока возможного нападения. В ряде работ говорится, что война началась с внезапного нападения Германии на СССР. По сути, это утверждение мягко говоря — неправда. Неизбежность войны с Германией была очевидна задолго до ее начала. Сосредоточение войск вермахта у наших границ происходило достаточно длительное время, и разведка об этом неоднократно сообщала. Но Сталин, понимая, что мы еще не полностью готовы к войне, уверовал в то, что начало ее можно оттянуть, и заставил других исходить из того же. Когда было совершенно очевидно, что фашисты вот-вот на нас нападут, Сталин не отдал приказа, хотя ему это сделать рекомендовали — о проведении мобилизации в армию и, что особенно важно, о приведении в состояние полной боевой готовности войск в западных приграничных округах. Поэтому для этих войск нападение немцев действительно было внезапным. Известное заявление ТАСС от 14 июня 1941 года, в котором

К 45-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ!

В предвоенные годы в нашей военной доктрине существовал тезис: если враг нападет, будем вести войну на его территории. Действительность оказалась иной. Не было ли это неизбежным?

версия о готовности нападения на нас Германии объявлялась провокационной, тоже способствовало этому.

В послевоенное время кое-кто из ответственных работников, объясняя появление этого странного заявления ТАСС, представлял его обычным «дипломатическим зондажем». Допустим, что это так. Но это же заявление читали миллионы советских людей, весь личный состав армии и флота! Если этот зондаж был необходим, почему бы по закрытым служебным каналам не сориентировать хотя бы высший командный состав Вооруженных Сил?

Просчет в определении сроков нападения Германии, на наш взгляд, являлся в то время главной ошибкой, которая повлекла за собой и другие. Сегодня это обстоятельство часто связывают со странным и необъяснимым поведением Сталина. С одной стороны, это верно, но с другой, представляется, что нельзя все сводить к нему одному. Приведем мнение по этому вопросу маршала Г. К. Жукова: «Как очевидец и участник событий того времени должен сказать, что со Сталиным делая ответственность и другие люди, в том числе и его ближайшее окружение — Молотов, Маленков, Каганович... Добавлю, что часть ответственности лежит и на Ворошилове, хотя он и был в 1940 г. снят с поста наркома обороны, но до самого начала войны оставался председателем Комитета Обороны. Часть ответственности лежит на нас — военных. Лежит она и на целом ряде других людей в партии и государстве» (Историки спорят. — М.: Политиздат, 1989. — С. 306).

КАК ПОКАЗЫВАЕТ военная история, максимально избежать просчетов можно лишь при высоком профессионализме командных кадров, глубоком знании ими боевого опыта и способов действий противника. Именно таких кадров не хватало нам в начальный период войны. Массовые репрессии в Вооруженных Силах страны в 1937—1938 годы лишили ее более 40 тысяч командиров, политработников, военных инженеров и других специалистов. Был репрессирован и уничтожен почти весь руководящий состав Вооруженных Сил — от маршалов до командиров полков.

Хотя в последующие годы урон, нанесенный кадрам, и был восполнен численно, в качественном отношении этого не произошло. Многие командные и штабные должности заняли недостаточно опытные

и подготовленные люди. Оказавшись в тяжелейших условиях первого периода войны, они, естественно, допускали немало промахов.

Но надо признать и другое. Наиболее крупные ошибки, порой стратегического характера, совершались в стратегическом звене руководства войсками. И многие из них — лично Сталиным, который, по оценке Г. К. Жукова, и перед войной, и в начале ее имел весьма смутное представление о военном деле. Тем не менее на протяжении свыше полутора лет (начиная с весны 1941 года) он мало считался с мнениями военных специалистов, полагая себя единственным стратегом.

В некоторых публикациях высказывается мнение, что вследствие допущенной нашим Верховным командованием ошибки в определении направления главного удара противника период войны вплоть до битвы под Москвой — это полоса сплошного поражения и беспорядочного отступления советских войск (см.: Военно-исторический журнал, 1988. — № 11. — С. 24—27).

Известные советские военачальники подобные суждения считают необоснованными. Действительно, по довоенной оценке обстановки предпочтение отдавалось не западному, а юго-западному стратегическому направлению. «Там, — как утверждает маршал Н. В. Огарков, — у нас были несколько более высокие оперативные плотности войск. Но это достигалось не за счет неразумного ослабления западной группировки. Здесь также была группировка войск, достаточная для ведения обороны при благоприятных условиях развития войны. Беда в том, что по хорошо известным причинам эти условия для нас оказались невероятно трудными, тяжелейшими... Но даже в той невероятно трудной обстановке боевые действия не носили характера сплошного беспорядочного отступления. Наши войска своим упорным сопротивлением с первых же дней начали ломать планы немецко-фашистского «блицкрига» (Правда истории неопровержима. Коммунист Вооруженных Сил, 1989. — № 11. — С. 11).

После первой зимней кампании Генеральный штаб предложил на лето 1942-го план глубокой обороны, на рубежах которой предполагалось вначале обескровить врага. В том, что Гитлер начнет новое наступление, чтобы взять реванш за поражение у стен Москвы, никто не сомневался. Кстати, точно такая же стратегия была применена после Сталинграда на Курской дуге. Уроки лета 42-го тогда были учтены. Но это было позже.

Весной же 1942 года Сталин решил опередить Гитлера, добиться уже тогда коренного стратегического перелома в войне путем одновременной и обороны, и наступления. Чем это обернулось — известно: трагедией 2-й ударной армии в болотах под Ленинградом, гибелью войск в Крыму, прорывом нашего фронта под Харьковом, откуда потом и двинулась на Сталинград 6-я армия Паулюса.

Люди проявляли массовый героизм. Тыл наращивал помощь фронту. Но Сталинградская битва развернулась в невероятно

трудных условиях. В большой излучине Дона немало дивизий оказалось в окружении, многие тысячи солдат попали в плен.

Вместе с армейскими частями героически дрались за Сталинград воины 10-й стрелковой дивизии внутренних войск. Они были первыми защитниками города и с честью выдержали это труднейшее испытание. В течение полуторамесячных боев дивизия успешно справлялась с поставленными задачами. 10-я дивизия как особо отличившаяся в защите Сталинграда была удостоена ордена Ленина.

ИНТЕРЕСНО было бы коснуться и такого вопроса. Решающими для хода войны в 1941—1942 годах были, как известно, три битвы — за Ленинград, Москву и Сталинград. Но вот что любопытно — во всех этих сражениях немцам до окончательного успеха оставался буквально один шаг, еще одно какое-то усилие (это подтверждается и свидетельствами участников тех событий, и многочисленными документами). Однако своих целей враг достичь не сумел. Конечно, в каждом случае были свои конкретные причины, позволившие нам отстоять жизненно важные центры страны, их не раз подробно описывали историки. Тем не менее не оставляет чувство, что трижды быть на волоске от пропасти и удержаться — не чудо и не случайность. Должна быть какая-то более глубокая общая причина этих совпадений.

Представляется, дело в значительной мере заключается в исторически сложившихся коренных свойствах народного характера, когда именно в решающий момент происходит концентрация энергии, пружина сжимается так туго, что преодолеть ее силу сжатия уже невозможно. Вот эти-то, дополнительно рожденные величайшей опасностью самоотверженность, организованность армии, народа и становились на пути врага непреодолимой преградой. Между тем в научной литературе этому решающему слагаемому нашего успеха почти не уделялось внимания. Механизм его действия анализировать не пытались.

Зачастую в условиях плюрализма мнений содержатся противоречивые, часто взаимоисключающие оценки и суждения.

Восбще в советской исторической науке при выявлении причин тех или иных событий отсутствует традиция серьезного анализа роли социальной психологии масс. И война здесь не стала исключением. Хотя написано много трудов о партийно-политической работе в войсках, но они, как правило, сводятся к перечислению

78
79

различных кампаний, мероприятий, тематике бесед и собраний, словом, касаются преимущественно деятельности политорганов. Их авторы практически не пытаются показать, на какие же народные традиции была положена, чем определялась эта работа, что удавалось внести нового. Такой подход помог бы прояснить некоторые существенные первопричины происходящих событий.

КАК ни странно, к числу «белых пятен» в истории Великой Отечественной войны относится и вопрос о числе человеческих жертв, которыми была оплачена Победа.

По данным последних исследований советских военных историков, безвозвратные потери стран фашистского блока во второй мировой войне (без учета потерь гражданского населения) составили 8 658 тыс. человек, в том числе на советско-германском фронте — 7 051 тыс. человек (см.: Военно-исторический журнал, 1989. — № 9. — С. 39). Что касается уяснения безвозвратных потерь Советского Союза в минувшей войне, то эта работа продолжается, и результаты будут опубликованы после ее окончания.

НЕЛЬЗЯ не коснуться еще одного аспекта, который пока еще не полностью освещается в исследованиях. Великая Отечественная война на протяжении четырех с половиной лет была главным делом жизни всех наций и народностей, населяющих нашу огромную страну. О вкладе в победу отдельных республик, подвигах их посланцев на фронтах издано много книг, но о том, как пострадали отдельные национальные группы в тот период из-за необоснованных волюнтаристских решений руководства государства, глубоких исследований нет. Надо, наконец, показать истинную картину того, как совершалась в годы войны чудовищная несправедливость по отношению к целым народам — изгнание из родных мест, высылка в отдаленные районы страны.

Война вызвала потерю многих миллионов человеческих жизней, гибель гигантских материальных и духовных ценностей, неисчислимые страдания и беды народных масс. Виновником всего этого являлся германский империализм и фашизм вместе с их пособниками. Такой вывод неопровержим. Но все ли потери были неизбежны? Этот аспект не изучен.

НЫНЕШНИЕ дискуссии по важнейшим проблемам истории, рассекречивание ранее закрытых материалов в архивах и резкое увеличение новаторских публикаций в печати внушают надежду, что военная история на пути к выходу из кризисного состояния. Важно, чтобы результатом этой очистительной и созидательной работы ученых являлся по-настоящему объективный, без умолчаний и добавлений новый десятилетний труд. Он должен стать правдивым исследованием, по которому смогут изучать историю Великой Отечественной войны не только ныне живущие, но и будущие поколения людей.

В. КУПЦОВ,
кандидат исторических наук, доцент.

Виктор КОЧЕТКОВ

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Всяко жил — и горестно, и весело.
Правил челн в широкий мах весла.
Жизнь меня

и счастьем не обвесила,
И печалью не обнесла.

Но за всеми памятыми датами
Видится главнейшая, одна —
День, когда нас

делала солдатами
В смертный бой идущая страна.

Воевали хорошо ли, плохо ли —
Пусть потомки спорят горячо.

Но какую силушку разгрохали,
Развернувшись в полное плечо.

Отдыхали старые пожарища,
Отстреляли старые форты.

И давным-давно мои товарищи
В благородной бронзе отлиты.
Смотрят вдаль

с тревогою и верою
С городских и сельских площадей.

И летят над ними тучи серые
Рериховской стайей лебедей...

Всяко жил — и горестно, и весело,
Ветеран стрелкового полка.

Жизнь не очень густо

занавесила
Орденами лацкан пиджака.

Но когда немалый путь итожится,
Я твержу, как заповедь, слова:

Русь жива,
Все прочее приложится!

Главное, солдаты, Русь жива!

* * *

Гляжу с надеждой фильмы о войне
который год, хотя надежды мало...

А вдруг расщедрятся,
а вдруг покажут мне

и ту войну, что жизнь мою ломала.
Ту, где наш взвод лесок оборонял.

Где мы затишья ждали,
как гостинца.

Ту, что на пленку памяти я снял
бессонными глазами пехотинца.

ЕЩЕ И ПОНЫНЕ

То скрежетом танков,
То грохотом пушек
Ночная звучит тишина...

Еще и поныне
Терзает мне душу
Мой главный мучитель —
Война.

В сегодняшний мир,
Как десантник на сушу,
Взбираюсь с окопного дна...

Еще и поныне
Формует мне душу
Мой главный учитель —
Война.

* * *

Чтоб каждый был стоек и крепок,
нас время калило с избытком.

И юности гипсовый слепок
стаг

зрелости бронзовым слитком.

Александр НИКОЛАЕВ

В МЕДСАНБАТЕ

Снова в сны солдатские
из позавчера

входят медсанбатские
сестры, доктора.

Стонет обессиленно
молодой солдат.

Две ноги отпилены,
а ступни болят.

На его ладони я
положил ладонь.

Он горит в агонии
и кричит:

— Огонь!

За солдата ратуя,
сделал врач, что мог:

гипсовую статую
без обеих ног.

А другой куражится,
бледен он и слаб,
но у смерти, кажется,
вырвался из лап.

С грустью вспоминается
юмор докторов:
«Раненый ругается —
будет жив-здоров».

Доктора, спасители,
чудо-доктора!
Стал я долгожителем,
дожил до утра.

Сквозь года, что прожиты,
снова слышу крик:
— В бога, в душу...
Кто же ты,
врач или мясник?

Даже умирающий,
из бездонной тьмы
видел я тогда еще,
как не правы мы.

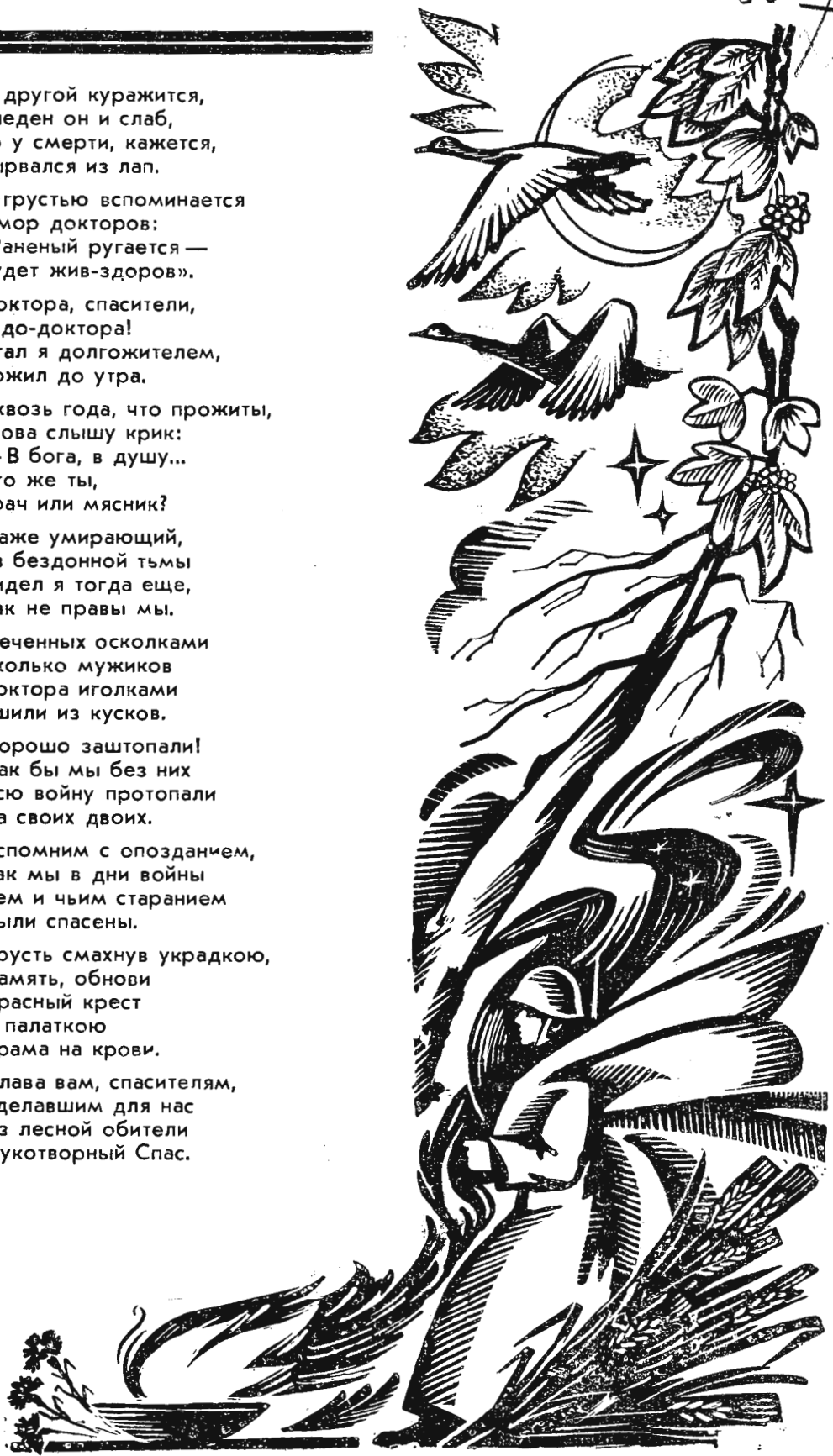
Меченных осколками
сколько мужиков
доктора иголками
сшили из кусков.

Хорошо заштопали!
Как бы мы без них
всю войну протопали
на своих двоих.

Вспомним с опозданием,
как мы в дни войны
кем и чьим старанием
были спасены.

Грусть смахнув украдкой,
память, обнови
красный крест
с палаткою
храма на крови.

Слава вам, спасителям,
сделавшим для нас
из лесной обители
рукотворный Спас.

ИЗ КАРАУЛА НЕ ВЕРНУЛИСЬ

ИЛИ ПОЧЕМУ
ГРЕМЯТ
ВЫСТРЕЛЫ
В СПЕЦВАГОНАХ

Еще не расставлены все акценты в непростом, затянувшемся деле рядового А. Сакалаускаса, зверски расстрелявшего в феврале 1987 года весь караул, а заодно и гражданского проводника. Еще продолжаются споры о том, кто же он — лишь жертва пресловутой неуставщины или все-таки прежде всего преступник, избравший во все времена презираемый человечеством и противоправный путь выяснения отношений с обидчиками.

А на войска обрушилось новое страшное происшествие — очередной самосуд в следвагоне. Теперь — рядовым Ю. Безверхий.

Сакалаускас, Безверхий... Неужели этот черный список будет продолжен!

НЕЛЕГКО было настроиться на встречу с тем, кто несколько дней назад убил в карауле пятерых сослуживцев и одного ранил. Признаюсь, не очень надеялся, что сумею в ходе предстоящего разговора остаться беспристрастным. А именно об этом настоятельно просили работники военной прокуратуры Барнаульского гарнизона подполковник юстиции Б. Тетерин и капитан юстиции Н. Тесленко. Последний, прямо скажем, без особого энтузиазма воспринял разрешение начальников ознакомить журналиста с материалами предварительного следствия и дать возможность увидеться с Безверхийм.

Понять следователя можно: дело, которое ему выпало вести, из ряда вон выходящее, труднейшее. Тут ничто и никто не должен помешать установлению истины. Тем более скоропалительные выводы, оценки или давление, допустим, путем создания определенного общественного мнения, как в случае с Сакалаускасом.

...В кабинет начальника следственного изолятора ввели невысокого, худощавого парня в темной арестантской робе. Руки покорно за спиной. Взгляд тяжелый, с оттенком отрешенности, что ли. Но сосредоточенный. Вот это сочетание, казалось бы, несовместимого — обреченности и постоянного внутреннего самоконтроля — просто поразило. Последующая почти двухчасовая беседа подтвердила: Безверхий —

натура сложная, противоречивая. Как будто подавлен, а то и сломлен, но держится. Не хнычет, не оправдывается, вроде бы даже отдает отчет в том, что произошло непоправимое. Вот только понять трудно, что больше его угнетает — неотвратимость суровой расплаты, боль за собственную исковерканную судьбу или все же сознание того, что он совершил чудовищнейшее из злодеяний?

Сакалаускас, теперь вот Безверхий. В результате учиненных ими расправ погибли тринадцать(!) человек. Погибли не на войне, а в обычном карауле, где наши военнослужащие проводят чуть ли не половину всей своей службы.

В обоих случаях можно, по-видимому, говорить о смягчающих вину обстоятельствах, но нет и не может быть оправдания тому, кто творит самосуд, присваивая сам себе право лишать кого бы то ни было жизни.

Нет необходимости останавливаться на первом случае, о нем подробно рассказал наш журнал («Правда о расстрелянном карауле», 1988, № 12). Поговорим о втором.

ИЗ ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЙ ЗАПИСКИ РЯДОВОГО Т.:

«...Почти вся хозяйственная работа [уборка в вагоне, заправка постелей, оказание помощи повару] приходилась на меня и рядового Безверхого. Кроме того, мы несли вместе со всеми службу... Мы также

— ЖУРНАЛИСТ ИССЛЕДУЕТ ПРОБЛЕМУ —

выполняли и другие поручения старослужащих [принести хлеба, чаю и т. д.]... Рядовой Ивченко заставлял меня и Безверного отжиматься от пола и приседать. Отжимались мы и приседали, пока хватало сил... Так повторялось, как правило, три-четыре раза в день.

ИЗ ДОПРОСА РЯДОВОГО БЕЗВЕРХОГО Ю. Г.:

«...За весь период следования по маршруту старослужащие солдаты надо мной и рядовым Т. издевались; били, заставляли то приседать по 200 раз, то отжиматься от пола на руках... всю работу по уборке вагона заставляли выполнять нас... Притесняли нас все, кроме ефрейтора Симелиникова... Мы с Т., натерпевшись издевательств, договорились при возможности захватить пистолеты, которыми был вооружен караул, расправиться с обидчиками и куда-нибудь бежать...»

Надо полагать, в комментариях приведенные показания молодых солдат не нуждаются. Кстати, они в основе своей позже были подтверждены следствием.

Можно лишь добавить, что в последний момент рядовой Т. отказался от преступного намерения. Безверхий же — нет. Завладев оружием, он открыл стрельбу по караулу...

31 августа 1989 года в карауле, следовавшем по сквозному маршруту Ташкент—Усть-Илимск, рядовой Ю. Безверхий, завладев пистолетом прапорщика М. Джуманиязова, убил его и двух военнослужащих, а также ранил троих, двое из которых впоследствии скончались...

Из материалов служебного расследования.

На что рассчитывал Безверхий, решаясь на черное дело? Уж не сработала ли тут установка на то, что у него, как и у Сакалаускаса, найдутся многочисленные защитники, которые попытаются оправдать его деяния?

ВСЯКОМУ непредубежденному человеку сейчас, думаю, видно, что борьба с неуставными отношениями в войсках ужесточена. Почему же она не всегда и не везде приносит ожидаемые плоды, почему так медленны перемены? На эти острые вопросы ответы надо искать в истоках самого зла. И «дедовщина», и разного рода «землячества», пытающиеся любыми путями завоевать привилегированное положение в коллективе, возвыситься над другими, — все это не столько в военной среде зарождается, сколько привносится в нее извне.

881
Теперь все мы довольно широко информированы о состоянии дел с преступностью в стране, в том числе и среди молодежи. Справедливо было бы спросить тех, кто готов искать причины «дедовщины» только в армейских порядках: что же, уличный хулиган, выпивоха, наркоман, надев военную форму, в одночасье превращается в пайнуку? А ведь именно из завсегдатаев пивнушек, подворотен и подвалов, не приученных к труду, исповедующих культ силы, признающих в спорах один аргумент — кулачный, и пополняются ряды казарменных хулиганов. Кого же винить?

Было бы большой ошибкой, однако, впадать в другую крайность — прикрываясь недугами общества, оправдывать бездеятельность иных командиров, политработников, войсковой общественности в профилактике, искоренении неуставных отношений. Та же «дедовщина» процветает там, где не ведется целеустремленная воспитательная работа с людьми, где отсутствуют элементарный порядок, дисциплина, где снижена ответственность должностных лиц за порученный участок.

ПАМЯТЬ вновь и вновь возвращает к эмоциональным, подчас даже слишком эмоциональным разговорам с офицерами управления соединения полковниками П. Королевым, П. Трайдакало, подполковниками Е. Землянским, Н. Чурсиновым и другими. Мои собеседники горячо доказывали — может быть, больше самим себе, чем кому бы то ни было, — что нельзя при разборе происшествия, даже такого неординарного, сваливать все в кучу и в назидание другим, что называется, раздавать всем сестрам по серьгам. Дескать, «стрелочники» при желании всегда найдутся: у любого человека, если он, конечно, не бездельник и работает, нетрудно обнаружить недостатки и как следует наказать за них. Но вот докопаться до сути, до истоков беды — это гораздо сложнее. И далее излагались в различных вариациях причины сбоя. Тут и участие личного состава в выполнении архитрудных задач по обеспечению общественного порядка в Фергане и других горячих точках, и падение интереса к службе у части офицеров и прапорщиков, и прочее, и прочее.

Не буду подробно останавливаться на всех доводах участников спонтанно возникающих дискуссий. Тем более, что со многими из них нельзя было не согласиться. Но вот что всякий раз просто ставило в тупик: если товарищи, занимающие очень ответственные посты в соединении, так хорошо знали происходящие на местах процессы, настроения людей, объективные и субъективные факторы, влияющие на дела в воинских коллективах, почему же не проявили настояющей партийной принципиальности в оценке обстановки в части и в оценке деятельности отдельных ее руководителей? Почему не принимались кардинальные меры по исправлению ошибок? Ведь часть-то не за сотни километров от их служебных кабинетов...

И что самое непонятное: эта часть беспокойла всех в соединении давно, не один

год. Сколько же можно разговорами заниматься? Давно уж следовало порядок навести. А вот с этим здесь как раз не все обстояло благополучно. Вот пример. Поступали, и не раз, сигналы о недобросовестном выполнении обязанностей некоторыми начальниками плановых и сквозных караулов: якобы они порой выступают во время дальних рейсов чуть ли не в роли этаких коробейников — попросту говоря, приторговывают в пути следования вместо того, чтобы службу править. И что же? Кто из вышестоящего штаба, политотдела вник в суть дела, кто попытался добросовестно проверить тревожную информацию? Вместо ответа — цифры, они иногда красноречивее слов: за 550 человеко-дней, которые офицеры управления соединения работали в части, они непосредственно на маршрутах проконтролировали... два караула. На кого же обижаться в таком случае?

В части укоренилась порочная практика беспринципной оценки состояния воинской дисциплины, особенно так называемой «дедовщины». Расследования по ним проводились поверхностно. Из материалов служебного расследования.

Или взять другой больной вопрос. В роте, в которой произошло ЧП, налицо кадровая неразбериха. Здесь примерно три предшествующих преступлению месяца отсутствовал командир подразделения: решался вопрос о его увольнении (уволен за дискредитацию воинского звания). Все это время его обязанности выполнял командир одного из взводов старший лейтенант К. Таджибаев, назначенный в свое время сюда с понижением. По выводам командования части, он перспективы для роста не имеет. Командиры двух других взводов — капитаны Н. Москвин и Е. Дубовик тоже из числа «бывших»: первый — в прошлом командир роты, второй — офицер штаба части. Оба значатся в списках бесперспективных. Как и заместитель командира роты по политической части старший лейтенант И. Гурьянов...

Командиру соединения, его заместителям, конечно же, хорошо было известно: подразделения, выполняющие службу конвоирования, комплектуются грамотными, морально устойчивыми офицерами, прапорщиками, сержантами и солдатами, способными качественно выполнять служебно-боевые задачи в отрыве от пунктов постоянной дислокации и в сложных условиях. Однако это требование игнорировалось. Старшие начальники, в том числе и из УВВ по Средней Азии и Казахстану, неоднократно бывая в части, батальоне, роте, су-

дя по всему, конкретной помощи в решении кадровых проблем не оказали.

Стоит ли удивляться, что из поля зрения многочисленных проверяющих выпала и такая «мелочь»: не только рота, но и взвод, где произошло ЧП, долгое время оставались без офицеров.

Один из офицеров роты к тому же ежедневно назначался ответственным дежурным, то есть вопреки уставным требованиям и по заведенному в части порядку оставался в подразделении на ночь и утром уходил отдыхать (ныне благодаря вмешательству офицеров ГУВВ незаконные дежурства отменены). О каком вздумчивом труде офицеров могла идти речь при таком раскладе?

О многом говорит и подбор состава «прогремевшего» караула, подготовка его к службе. Намечалось выделить его от одной роты, а нарядили совсем от другой, которая, кстати, давно к службе конвоирования не привлекалась. Исполнявший обязанности командира части подполковник Э. Кофман прекрасно сознавал необоснованность, неравнозначность замены, но не стал вмешиваться. Видимо, сработала привычка не вникать в детали, полагаться на авось: проходило все гладко десятками, сотнями раз, глядишь, и на этот пронесет...

Не принял никто во внимание и то, что назначенный начальником караула прапорщик М. Джуманиязов — из числа недисциплинированных, не отличающихся добросовестностью, что он совсем не знает тех, с кем предстоит выполнять боевые задачи, а выделенные в караул люди — из разных отделений, среди них только двое имеют какое-то представление о службе в спецвагоне, остальные же, в том числе командир отделения младший сержант А. Зикрин, к конвоированию по железнодорожным маршрутам привлекались впервые... Не слишком ли много нарушений Устава внутренних войск для одного случая?

Так же безответственно отнеслись к подготовке караула и в батальоне, и в роте. Инструктивные занятия с личным составом караула в установленное планом время проведены не были, расписание дня и расписание занятий на период движения в обратный путь не разрабатывались...

Халатность, некомпетентность должностных лиц ротного и батальонного звеньев просматриваются и в том, что два молодых, неподготовленных солдата оказались в трудном, многосуточном карауле. Да еще в непонятном качестве стажеров. Не были они, как остальные военнослужащие, вооружены, хотя в пути и выполняли боевые задачи.

Решение не вооружать молодых солдат самолично принял начальник караула. Он же оказался в числе первых жертв...

ИЗ МАТЕРИАЛОВ СЛУЖЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ:

«Прапорщик Джуманиязов М. К. имел 12 дисциплинарных взысканий. В декабре 1988 года привлекался к суду за свертнутой службой, где за недобросовестное отношение к служебным обязанностям ему был объявлен общественный выговор. Выводов для себя не сделал. Допуская невыходы

на службу, другие нарушения, за что командиром соединения было принято решение о привлечении его вновь к суду чести. Однако оно не было выполнено».

Вот так, вместо того, чтобы в складывающейся сложной обстановке подобрать наиболее опытного начальника караула, выбор остановили на человеке, скомпрометировавшем себя, которому просто легкомысленно было доверять решение и менее ответственных задач.

В беседе каждый третий военнослужащий срочной службы сообщил, что он хотя бы раз подвергался физическим оскорблениям. Обыденными стали различные побои с молодых солдат.

Из материалов расследования.

ЗАПОМНИЛОСЬ осунувшееся лицо заместителя командира части по политической части подполковника А. Анастасяна. Он совсем недавно назначен на должность. По отзывам старших начальников с его приходом наметился определенный перелом в политической работе с людьми, смелее вскрываются недостатки, меняется к лучшему стиль руководства партийными, комсомольскими организациями. И вот — трагедия. Как тут не переживать?

С болью поведаль замполит о встречах с родными и близкими погибших. Были и слезы, и справедливые упреки: почему не смогли уберечь сыновей? Были и незаслуженные обвинения типа: «это русские убили нашего брата — узбека». Часть дислоцируется в Средней Азии, и такое заявление не только крик отчаяния... И что из того, что застреливший Джуманиязова солдат — украинец, а тот, который вступил с ним в разговор, — казах. Этого слушать убитые горем люди не захотели...

В ходе следствия Безверхий сообщил: 30 августа у него был день рождения — ему исполнилось 19 лет. Как он рассчитывал на внимание сослуживцев, на доброе, теплое слово, на откровенный разговор за кружкой чая! Никто даже не поздравил именинника. А ведь и тогда, за сутки до трагедии, можно еще было разрядить обостряющуюся обстановку.

И опять приходится удивляться: неужели никому из должностных лиц в части, в роте не пришло в голову накануне убийства караула уточнить памятные даты в жизни военнослужащих! 19 лет — это же огромное событие для юноши! Как можно пройти тут мимо! Да гршш цена всей нашей работе, если за ней мы не видим конкретного человека.

Не надо никого особо убеждать: прорехи в идеологическом обеспечении боевой

службы, как правило, обязательно заполняются чем-то иным. Например, в том же карауле было принято молодых солдат «ставить на устав». Это значит Безверхий и Т. поднимали с постели под утро или прямо среди ночи, вручали в руки уставы и, «чтобы служба медом не казалась», представляли по стойке «смирно» часами усваивать те или иные статьи...

НА БЕСЕДЕ с рядовым Безверхим присутствовал и майор А. Ромов. Анатолий Михайлович проверял караул буквально за несколько часов до выстрелов в спецвагоне.

— Вы узнаете меня? — обратился офицер с вопросом к солдату.

— Да, вы, товарищ майор, приходили к нам с проверкой службы 31 августа на станции Барнаул.

— Я же со всеми, в том числе и с вами, беседовал. Спрашивал, как настроение, какие есть вопросы, — напомнил Ромов. — Почему не заявили жалобы, если вас обижали?

— Что толку. Измениться ничего бы не изменилось, только б в «стукачи» полал...

Как следует из диалога, Безверхий мог, и вполне реально, добиться справедливости законными путями. Да откройся он тому же майору Ромову, любому другому проверяющему службу офицеру (а их было за время пути не менее десяти человек), те сумели бы принять все необходимые меры.

Но этот шанс Безверхий не использовал. Затаив обиду, он ждал момента, чтобы свести счеты с теми, кто унижал его. И дождался.

ГЛУБОКО и всесторонне проанализировать все мотивы разыгравшейся в спецвагоне трагедии под силу лишь компетентным органам, профессионалам-юристам. Ведется следствие, и не будем гадать, к каким выводам оно придет с точки зрения буквы закона. Мы намеренно избегали правовых аспектов случившегося. Не касались подробно — по тем же причинам — личности человека, стрелявшего в сослуживцев. Акцент умышленно был сделан на уроках и выводах. Горьких, тяжелых, но подлежащих забвению.

И еще об одном хочется сказать в заключение. Борьбе с неуставными отношениями ныне необходим новый, более мощный толчок. Кое-где последнее время она несколько поухлила. Забыто опубликованное письмо Военного совета и Политуправления внутренних войск «Служить по совести, оберегать честь и достоинство» (1989, № 3).

Но борьба с «дедовщиной» — не кампания. И не только разбирательства и судебные процессы, зачитывание решений суда. Одним страхом проблемы не решить. Это возможно лишь при кропотливой, повседневной работе с людьми, при широкой гласности, открытости, когда о недугах воинских коллективов говорят вслух, громко, предметно обсуждают и диагноз болезни, и рецепты лечения ее.

Подполковник В. АФАНАСЬЕВ.

**Здесь всё-
главное!**

**СУТКИ СЛУЖБЫ
КАПИТАНА
В. ПОЛУГОДИНА**

Фотозарисовка Б. БУЛГАКОВА.

Пройдётся щеткой по шинели, кинул взгляд в зеркало — порядок. Теперь — на плац, на развод. Подчиненные уже там.

Обошел строй солдат, придирчиво осмотрел их экипировку, внешний вид. За мечаний нет — подготовились на совесть.

И вот звучит давно заученная фраза: «...Новый караул для смены прибыл. Начальник караула капитан Полугодин».

Далее — жизнь по уставу: контроль за приемом караульного помещения, смена часовых, осмотр взятого под охрану объекта...

Сколько суток провел на боевой службе, сейчас капитан Валерий Полугодин не сосчитает. Ходил в караулы курсан-

том, ходил лейтенантом — командиром взвода, год назад возглавил роту, и опять — караулы, караулы... Не было случая, чтобы ему пришлось краснеть перед проверяющими.

Об ином оборотистом командире говорят: умеет показать товар лицом. Капитану Полугодину дешевая суета претит. Он ничего специально не выставляет напоказ. Просто любому видно: человек на своем месте. Успех обусловлен тем, что для Полугодина на боевой службе нет мелочей. Когда в поисках основного кадра спросили капитана, что для него в карауле самое главное, он пожал плечами и ответил:

— Все главное.

— ...И ВЗЯЛ он-таки его, представляешь? Взят! Денисов—он Денисов и есть, что б там ни говорили!

Чирик на минуточку замолчал, прикрыв глаза и наверняка проигрывая про себя всю ту историю, которую он только что рассказывал товарищу.

Сентябрьский день отлетал серебряными паутинами в почти недвижимом воздухе. Не уследишь глазом, как тают они, сравнявшись с вершинами кривых грязных сосенок, растущих по обочинам дороги. Вот и день незаметно стоял...

Такое сравнение пришло на ум прапорщику Возовику, сидящему у вагончика с надписью «ГАИ» на стене. Рядом с ним примостился прапорщик Чирик, человек, чье соответствие фамилии было полнейшим. Он и говорить-то не говорил, а будто чирикал, задорно, часто.

— А вот, слышь, еще о Денисове. Ты-то у нас еще не был, так не знаешь...

Денисов — не какая-нибудь историческая личность, такой же розыскник, как и он сам, но вот на ж тебе: где бы и какой разговор ни завязывался — хоть с какого боку, а выходил он на Денисова.

— Лет пять назад ушел из колонии гад один, артист бывший. Через два дня взял его Денисов. Ну, батальонный, ясное дело, собрал нас, Николая поднял: поделись, говорит, опытом. И сказал тут Денисов шестую свою заповедь: да не пренебрегай, розыскник, прелестью женских ножек и любуйся на них, елико возможно!

ОХ УЖ ЭТИ заповеди! В них-то и вся прелесть рассказов: не знаешь, что последует хотя бы вот за этой, вроде бы нелепой, фразой.

Чирик замолкает, тоже следит за отлетом паутины, вроде специально ждет, когда же Возовик не выдержит и спросит:

— А дальше что было-то, Вить? При чем тут ножки? Он же вроде не бабник, Денисов.

— Правильно. Но женские ножки его интересуют с профессиональной точки зрения. Вот тебя, например, они интересуют?

Володя хмыкнул и начал отвечать вполне серьезно:

— Они ведь не главное. Я если женщину встречу, то попробую ее душу понять, прежде всего посмотрю, что она за человек.

— А Денисов, значит, не на душу, а на ноги смотрел. Остановил автобус, извинился, само собой, перед пассажирами, и начал у них ножки рассматривать. Глядь, с виду бабка, а из-под юбки — ноги волосатые, как у нашего вещевики Арутюняна...

Далеко-далеко послышался рокот мотора: по шоссе шла машина. Чирик моментально посерьезнел, встал, одернул пиджак и чуть вразвалку — ну точно, как Денисов, заметил про себя Возовик — пошел к шлагбауму. Хозяйкой ярко-желтого новенького «Запорожца» оказалась девчушка лет восемнадцати. Веселый Чирик задал ей два-три вопроса и узнал, что ничего интересного в дороге она не видела.

Виктор пошел поднимать шлагбаум и по пути шепнул Возовику:

— Обрати внимание на ножки!

Володя сорвался с места, наполовину всунулся в открытое окошко машины—девчушка растерянно захлопала глазами, поправляя короткую юбочку,— и только тут сообразил, как провел его Чирик. Залился краской, нечленораздельно пробормотал извинения, та обиженно дернула плечиками и ударила по газам.

— Кстати, о лопухах, — глядя вслед легковушке, сказал Чирик. — Есть по этому поводу у Денисова девятая заповедь: думай не только прежде, чем дело делать, но и во время оно. А история такая вышла...

ПРОБА ПЕРА

ВОЗОВИК, пожалуй, простил бы товарищу розыгрыш за еще одну рассказанную историю о сослуживце, но к шлагбауму подъезжал автобус, и надо было приниматься за работу. Однако на сей раз ничего осматривать не пришлось: открылась дверь, и из нее выпрыгнул на дорогу... сам Николай Денисов вместе со своим Диком, умницей овчаркой. Поздоровался, сказал Чижикю:

— Я здесь останусь, а ты садись в автобус и к следующему посту поезжай, там напряженка.

Денисов всего-то лет на пять и старше Володи, но рядом с ним Возовик себя чувствует, как мальчишка перед учителем. Теперь не байки, а разговор о жизни идет. Что в журналах печатают, как «Динамо» играет, где Володя думает выходные провести.

— Мы с Олей по грибы идем, давай с нами, — говорит Николай.

Он страшно скуп на слова. По две-три фразы бросает, но зато каждого разговорить может. Вот и Возовик: излагает, излагает свои мысли, а собеседник лишь головой кивает...

— На скорости жмет, — прерывает Денисов Владимира, вслушиваясь в еле слышный пока мотор.— «Зил», скорее всего. Повнимательней будь.

И точно, «Зил». Заскрипел тормозами, остановился у самого шлагбаума. Водитель дверцу не открывает, из окошка не высывается. И пассажир сидит паинька паинькой, как на плакатах, вдалеке смотрит. Все это «ловит» Денисов и очень хочет, чтоб так же прочувствовал ситуацию Возовик. А тот вполглаза смотрит влед улетающих паутинам.

Николай подходит к кабине, открывает дверцу, спрашивает нестрога, как-то сонно:

— Документы, пожалуйста.

— Это можно.

Водитель разворачивается лицом к Николаю. «Будем готовы», — отмечает про себя тот и с удовлетворением замечает, что Возовик, как и надо, идет к противоположной дверце. Водитель разворачивается, значит, ищет опору для рук... Ага, попробует ударить ногой. Точно!

Денисов успевает перехватить удар, вырывает за ногу водителя из кабины, падает сам и в падении кричит Дикю: «Ко мне!» Пес тут как тут, подает глухой рык, и водитель, пытавшийся было высвободиться из крепких рук Николая, затихает. Теперь его можно оставить на попечение Дика, а самому...

КАБИНА пуста, бледный Возовик стоит рядом с пробитым баком, смотрит на фонтанирующий бензин:

— Он стрелял в меня, Коля. У него пистолет.

«И-из-з-з», — заорали тормоза «уазика» с проблесковым маяком на крыше. Два милиционера с автоматами выскочили из машины: один заспешил к лежащему водителю, другой к розысникам. Узнал Денисова:

— Привет. Они вдобавок и ваши беглецы, что ли?

— Нет, в ориентировке таких не значится. Наши другие.

Тот, кто обыскивал лежавшего водителя, крикнул:

— У этого «парабеллум». Значит, ПМ у того, кто ушел.

Подлетел еще один «уазик», на нем прибыл капитан милиции. Все понял сразу:

— Упустили одного?! Денисов, что Дик, работает, как и всегда?

— Обижаете, товарищ капитан.

— Пойдешь по следу?

— Что за вопрос! Только на этом посту вместо меня оставьте из своих кого-нибудь. — И к Возовику: — Володя, ты растолкуй товарищу что к чему.

Положил руку на плечо, сжал легонько, одобряюще:

— Ориентировку помнишь?..

СНАЧАЛА след шел лесом, не приближаясь к железной дороге, и повернул к ней лишь тогда, когда слева мелькнули между деревьями огоньки станции. Одним махом вылетели на опушку, и тут же захлопали выстрелы. Во весь голос охнул, а потом жалобно заматерился, схватившись за плечо, милиционер. Выстрелы раздавались из окна будки стрелочницы. Стрелять в ответ было нельзя: вдруг там и сама стрелочница?

Будто в ответ на эту догадку захрипел репродуктор на станции: «Товарищи военные, звонила Люся, ее убьет бандит, если вы не дадите им возможность обоим сесть в пассажирский поезд. А у нее двое детей, товарищи военные. Сделайте что-нибудь!»

— Он ее все равно, как свидетеля... — хрипло сказал капитан, лежащий рядом с Денисовым. — Зверюга. Ты знаешь, что они перед этим натворили?..

Пуля выбила фонтанчик метрах в двух впереди.

— Товарищ капитан, сержант ранен, пусть он подалее от пуль к опушке отойдет и там пошумливает, отвлекает бандита, а мы по кювету, за трубой, вперед поползем.

Бандит начал стрелять в сторону опушки. Денисов с капитаном уже у двери. Шепотом договариваются ударить по ней сразу после очередного выстрела — она во внутрь открывается.

От удара двух тел дверь слетела с петель, Денисов все же успел найти ногам опору для того, чтобы не упасть вместе с дверью, а прыгнуть к окну, туда, откуда на него смотрел черный противный зрачок пистолета.

Хлопнул выстрел.

Это стрелял капитан.

... **Д**ЕНИСОВ выплыл из леса, когда потемневшее небо уже слилось с верхушками деревьев. Взовик с милиционером стояли, облокотившись о шлагбаум, и о чем-то спорили. Николай прислушался, но так толком и не понял суть.

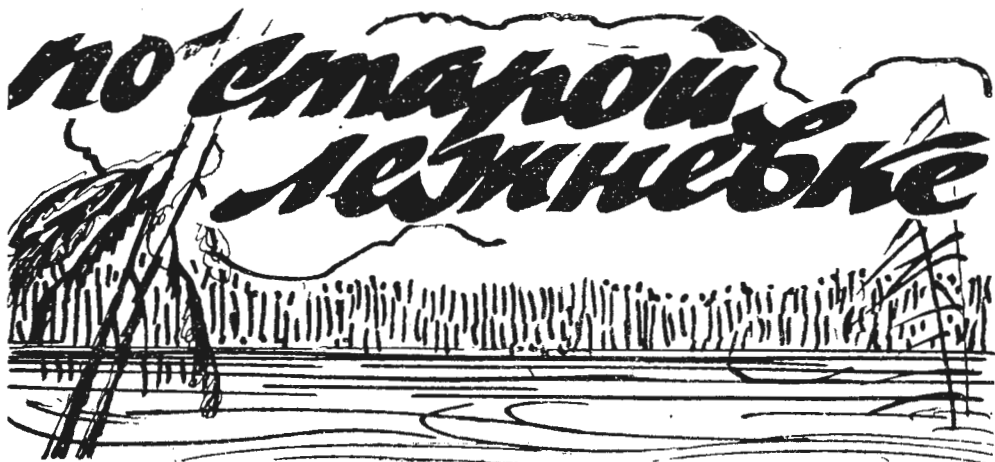
— А я тебе говорю, что это третья его заповедь.

— Да какая же третья, если вторая! Я о ней слышал от того, кто в тот день сам там был.

— Нет, он все тебе переврал...

Денисова они увидели, когда он был почти рядом. Впритирку с его ногой вышагивал Дик.

— О каких заповедях речь, мужики? Вы что, верующими стали? Пойдемте лучше на скамейку, посидим малость.—И теперь уже к одному Взовику: — Слышь, Володя, что-то я тебе хотел сказать важное... Ах да, так ты с нами в лес-то пойдешь? Сказать Оле, чтоб и на тебя пирожков напекла?

НИЧЕГО нового они не придумывали, бежали так, как чаще всего и бегут. Часовых уже изучили, знали, кто на что способен... В общем, был лаз, были две знакомые им дощечки, державшиеся в заборе на честном слове. И лично для меня в начале этой истории нет ничего интересного до того самого эпизода, когда два беглеца, пробежав километра четыре до опушки леса, разделись, залезли в муравейник и минут пятнадцать стояли в нем, чертыхаясь от укусов рыжей армии. Наконец выбрались оттуда, оделись и заспешили в гущу леса. Тот, которого в зоне звали Седым, сказал:

— Теперь нас ни одна собака не возьмет. Так, Завхоз? Даже этот чертов Дик. Или брешут, что муравьи запах отбивают?

ДЕНИСОВ выл, как волк во время гона. Он стоял, переломявшись в поясе, в одних плавках у колодца, а Ольга лила ему на спину ледяную воду. Один ковш, второй, третий... Потом махровым полотенцем сначала промокнула загоревшую, тугую кожу, что есть силы начала ее растирать, и вой стал торжественно-радостным, ликующим. Оборвался он на высшей ноте: это Николай пружиной разогнулся, подхватил на руки жену, поцеловал так, что Ольга чуть не задохнулась.

У калитки раздался кашель. Ольга ойкнула, запахивая ситцевый халатик, спряталась за спину мужа.

В пять утра солдаты по деревне просто так не разгуливают, даже если у кого и бессонница. Это даже Ольга понимает. Смотрит на мужа:

- Кофе ставить?
- Давай, — говорит Николай и шагает к калитке. — Что, Адылов, побег?
- Побег, товарищ прапорщик, с промзоны двое ушли.
- Всех уже оповестил?
- Нет еще.
- Ладно, кофе-то хоть на ходу глотни...

БЕЖАЛИ три часа, пока Дик не потерял след. Два разрушенных муравейника миновали — напрасно беглецы пса такими шуточками провести хотели, — а застопорились у ручья.

- Что, устали?
- Умаялись, товарищ прапорщик, — признался рядовой Ивашкин.

— Это хорошо. Значит, зеки вообще еще живы, если такими же темпами уходили. Ну-ка, разбежались вверх-вниз по ручью, колодны приотпленные смотрите, может, где тина снята. Учтите, в воду они зашли скорее всего осторожно, а вот когда выкарабкались... Так что внимательней другой берег изучайте.

Заговорила рация голосом начальника оперативного отделения майора Лукаша:

- Что у тебя, Денисов?
- Сейчас след потерянный найдем, товарищ майор.
- А уверен?
- Ну не в воду ж он канул — усмехнулся Николай.

Рядовой Санни замахал руками, солдаты побежали туда: метров за семьдесят вниз по ручью.

— Нашли след, товарищ майор. В сторону леспромхоза ведет,

ЛЕСПРОМХОЗ — это в обиходе, а по-настоящему он назывался поселком Заречным. Построен еще в сороковых годах, когда здесь заложили колонию. Темные деревянные дома, скрипучие деревянные тротуары двух улиц, тоже деревянные желобки для стока воды...

Поселок стоял на возвышенности, поближе к лесу. В самом крайнем к сосняку доме и стали на постой прапорщики Неводный, Чижик да молодой солдат Степанов. Хозяин, старичок, пустил их с удовольствием: места много не занимают, и самому спокойнее будет.

Пока военные уточняли у хозяина, где есть какие дороги, избушки в лесу, прибежал местный паренек, выпалил:

— Дяденьк, вас к телефону в контору зовут, просят, чтоб побыстрее шли.

Звонил майор Лукаш:

— Где пропал, Неводный? Почему на связь не выходишь?

— Степанов рацию, товарищ майор, на рельсы уронил, когда мы дорогу переходили. И вообще, не тянет он...

— Меньше жалуйся, Неводный, на подчиненных, бери в этом пример с Денисова. Тот не жалуется, а работает с ними... Да, Денисов сообщил, что беглецы в твою сторону направились, так что готовься к встрече.

Вернувшись назад, Неводный мельком взглянул на карту, спросил хозяина:

— А что, отец, покосы за этим лесом хорошие?

Старик прищурил хитрые глаза:

— Такие, как вам надо. Края не видно, а человека за версту видать. У меня литовки хорошие, дойдите, поработайте. А солдатик со мной останется, да?

КТО СКАЗАЛ, что тайга — это деревья и комары? Тот, кто не знает и не любит тайгу. Не вдыхал медовый аромат лабазника, не выходил из темного ельника на веселые поляны, не слышал дрозда-рябинника.

Денисов вырос в тайге, он даже представить себе не хочет, что вдруг да придется жить там, где не пахнет воздух сосновой смолой. Он сутками может бродить не уставая по едва заметным тропкам и даже совсем без них.

Но солдаты валяются от усталости. Потому что вторые сутки идет преследование, и с нынешнего утра под ногами — болото. Они мокрые и злые.

Попался сколок — маленький островок, сплошь заваленный павшим лесом. Остановились, перекусили консервами из сухого пайка, закопали банки. Чуть повеселели.

— А чай, ребята, завтра пить будем, — поднимается на ноги Денисов. — Темнеет, костер наш далеко виден будет.

СОЛНЦЕ уже падало, но не смиряло своего пыла. Даже воздух горячий, трудно дышать. Комары и те прятались от такого пекла, лишь полосатые слепни гудели вокруг двух косарей, дружно и как-то иступленно машущих литовками.

За косарями двое наблюдали из кустов. — Слышь, Завхоз, выйду-ка я попрошу у них пожрать. Парни вроде ничего.

— Не спеши, Седой. Ты не из деревни сам? Оно и видно. Там поговорка такая есть: коси коса, пока роса. В солнцепек никто этим делом не занимается.

— А-а может, запарка у них, может, нет больше времени свободного. Я пойду, желудок пищит, понимаешь?

— Не похожи они на запаренных. Ишь, белянькие какие, вроде как в первый раз под солнышком жарятся. А не знаешь, почему в рубашках? Под рубашками у них пугачи в нашу честь, не иначе. Посмотри повнимательней, у ближнего ремешок кожаный видишь?

Они осторожно отползли назад, в ложбинку, и перелеском направились в сторону поселка.

РЯДОВОЙ Степанов не только рацию испортил, но и ногу разбил, когда упал, споткнувшись о рельс. Колено припухло, солдат прихрамывал и потому предпочитал больше сидеть. Забрался к деду в сарай, где тот оборудовал себе столъярку, устроился на горе стружек и чуть было не задремал, да пить захотелось. Привстал, потянулся было к автомату, лежавшему на верстаке, но потом махнул рукой и пошел к выходу без оружия. Уже руку протянул, чтоб дверь приоткрытую толкнуть, да увидел в щель двоих. Сразу понял: те самые. И сердце зашлось на вздох, пот на висках выступил. Схватился он за ручку двери, уперся ногой в косяк — забыл, что и колено распухло. А снаружи уже дверь дергают. И Степанов чужим, писклявым и срывающимся голосом пролепетал:

— Нельзя сюда, подождите.

Двое отошли, сели у дома на скамеечке, ждут. Степанов их ясно в щели сарая видит. Схватил он автомат, дослал патрон в патронник, не вышел, а выскочил из сарая:

— Руки!

У тех глаза от удивления и обреченности слезами подернулись. Приказал им Степанов раздеться, отойти от одежды, прощупал карманы, вытащил тонкие сталистые заточки. Похвалил себя: пока все правильно, теперь сигнал бы какой прапорщину подать.

Один из задержанных на ногах еле держится, шатается из стороны в сторону. А вдруг хитрит, думает солдат. Но нет: тот падает и прямо лицом на один из камней-валунов, разбросанных по двору. Степанов растерялся, вопросительно смотрит на оставшегося стоять задержанного.

— Воды ему надо, от жары сознание потерял. Окочурится — с тебя, между прочим, спросят.

— Вот и иди за водой, — говорит Степанов. — Колодезь видишь? — Он еще раз оглядывается на лежащего и идет вслед за тем, кого послал за водой. Ничего страшного, успокаивает себя, это же всего двадцать метров, и потом, он здорово стукнулся...

Дикая боль в затылке, перестают видеть глаза. Палек, лежащий на спусковом крючке, дергается, и дробная автоматная очередь летит в небо.

ВЫСТРЕЛЫ Денисов услышал, когда проходил опушку леса: Дик уверенно вел по следу. До поселка далеко — километра четыре. И бежать было трудно: рывины, кусты. Во двор, где все это произошло, группа Денисова влетела вместе с Неводным и Чижиком. Степанову уже забинтовали голову, и дед, хозяин, теперь подкладывал под него свернутую фуфайку:

— Полежи, полежи, внучок. Дернул же меня черт до соседа выскочить! Вдвоем бы мы их не упустили.

Денисов, узнав, какую роль играли прапорщики, лишь рукой махнул:

— Ну какие же вы косари! Посмотрите на себя в зеркало... Беглецы — по крайней мере, один из них — тутошние, местность хорошо знают. Сужу по тому, как быстро и уверенно через болото они прошли. Надо думать о том, что дальше предпринять.

— Как что? — удивился Неводный. — Дика на поводок — и вперед. Следы ведь свежие.

— В болота они пошли, — сказал Николай. — Топи там, шаг вправо, влево — и... Прибавь к этому, что теперь беглецы вооружены. Ну-ка, потолкую я со стариком.

Поголковали. Выходило по всему, что раз знают беглецы местность, то пойдут они по старой, давно забытой многим лежневке. Вела она когда-то к соседнему леспромхозу, но сам леспромхоз ликвидировали, а дома остались: охотники там иногда останавливаются. Будет где беглецам передохнуть, будет чем поживиться.

Еще раз карту перед собой разложили: что, как не пойдут бандиты по лежневке? Все предусмотреть надо. Дал Денисов указания по этому поводу Неводному, остающейся с ним группе, связался с майором Лукашом. Тот был краток: одобрил реше-

ние Николая, сказал, что немедленно вылетает в этот район на вертолете.

А Денисов, Чижик и один из сержантов, взяв в леспромхозе лошадей, поскакали окрестной дорогой туда, где старая лежневка, вынырнув из таежных топей, заворачивала к заброшенному поселку.

ПО ОБОЧИНЕ лежали уже обомшевшие, проросшие мелким кустарником деревья. За ними и укрыл группу Николай.

Они углубились немного в тайгу, остановились там, где дорога утонула в болоте. Как бы тихо ни шли беглецы, а теперь их можно «вычислить» заранее. Кулики по кочкам бегают, услышат людей — взлетят. Ондатра на ближнюю к берегу плаху лежневки вылезла, чуть что — встревожится. Главное — самим ее не вспугнуть.

Денисов прямо-таки залюбовался зверьком: стал тот столбиком, умывается, потом к трапезе приступил, обхватил лапками корешок, как ребенок бутылочку с молоком...

Не до еды стало ондатре, осторожно замерла, повернув голову к болоту. Миг — и исчезла в воде. Николай положил поудобнее автомат, подмигнул товарищам: быть наготове.

ЕСЛИ Б Чижик имел возможность говорить, он бы сказал Денисову многое. Во-первых, что Денисов ошибся. Они больше двух часов лежат неподвижно среди комарья, беглецы уже давно должны быть здесь, а их нет и не предвидится. Значит, не пошли они лежневкой! Во-вторых, нет мочи лежать неподвижно, затекает спина, надо походить немного, размяться. В-третьих, подкрепиться бы не мешало, весь день бегом да бегом, не было времени... Господи, как ноет спина! Нет, сейчас он просто встанет — и все!

Чижик встречается с глазами Николая и только тяжело вздыхает. Что ж, придется терпеть, надо так надо.

Срывается с кочек стайка куликов, ондатра опять громко падает в воду, закричала вдаль сплетница сорока.

Вот она, парочка, топает по лежневке. Передний — с автоматом. Увидели землю, ускорили шаг, обрадовались. Молчит пока Денисов, ближе их подпускает, чтоб некуда было тем убежать, негде прятаться. Рядом они уже...

— Бросай оружие!

От неожиданности Завхоз вздрагивает, бьет из автомата в воздух, потом, испугавшись ответного огня — сообразил все-таки! — отбрасывает автомат на берег и поднимает руки. Седой следует его примеру.

НАШЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ

Весной этого года Союз писателей РСФСР совместно с Политическим управлением ВВ МВД СССР планирует провести очередной семинар литераторов внутренних войск. В связи с этим мы ждем рукописи литературных произведений (повести, рассказы, стихи), конкурс среди которых и назовет имена тех, кто станет участником семинара. Произведения присылайте в редакцию с пометкой «На конкурс».

ГИБЕЛЬ ИСПЫТАТЕЛЯ

НЕАВТОМАТНАЯ ПОДЪЕМНАЯ

«Щука» — самолет-лаборатория — тяжело тронулась с места, подняла позади клубы пыли и, задрав островосую морду, поплыла над полосой, оглушая всех могучим раскатистым голосом. Веденин, Грибов, Козловский и все, кто прибыл сюда для подготовки катапульты к испытанию, за исключением расчета КДП, молча смотрели ей вслед до тех пор, пока она не повернулась в точку. Затем Веденин повернулся и зашагал к КДП, инженеры направились к дежурному домику, а Измайлов — к вертолету: врачу надо было вместе с мичманом Шубенко подобрать Арефьева в море.

Руководитель полетов уже отдавал команды:

— Сто первый, вход в зону разрешаю.

— Сто первый понял, — отозвался летчик. И спустя немного: — Зону занял. Выхожу на прямую для промера.

У дежурного домика хождения прекратились. Инженеры стояли кучкой, подняв головы к динамику. Переживают, понял Веденин. И за испытателя, и за исход испытания — ведь каждый из них вложил в эту катапульту громадный труд.

— Сто первый на боевом. Разрешите работу?

— Работу разрешаю.

Веденин представил себе, как сгруппировался, сосредоточился Арефьев, взявшись сейчас за красные скобы.

— Сто второй исходное положение занял, приступил к работе. — Самолет-контролер включил киноаппаратуру.

— Сто третий, нахожусь в квадрате двадцать шесть-двадцать восемь. Визуально наблюдаю сто первого и сто второго. — Это экипаж вертолета.

— Отстрел... Катапульта сработала нормально. — Снова пауза, длинная и томительная. — Кресло отделилось. — У Веденина гора с плеч свалилась. — Парашют раскрыт, система сработала нормально, — доложил командир «Щуки». — Работу с «Альбатросом» прекращаю.

Пора было подать голос и самому Арефьеву, но он почему-то молчал. У Веденина не хватило выдержки:

— Запросите «Альбатроса».

— «Альбатрос», вызываю на связь. — Руководитель полетов отвел в сторону микрофон, ожидая ответа. Но Арефьев молчал. — «Альбатрос», вызываю на связь, — повторил тот.

Тишина.

— Сто второй и сто третий, что с «Альбатросом»? Вы его слышите?

— Сто второй «Альбатроса» не слышит. Сейчас сделаю кружок, доложу.

— Сто третий «Альбатроса» тоже не слышит. Но вижу, вроде нормально снижается.

— Я сто второй, прошел рядом, «Альбатрос», по-моему, в порядке, руки на стропах, развернут по ветру.

Но Веденин уже не мог успокоиться. Почему Арефьев молчит? Ведь кто-кто, а он дисциплинированный человек и знает, как ждут от него информации о самочувствии и поведении катапульты. Может, что-нибудь с передатчиком? Такие случаи раньше бывали: портятивный передатчик отказывал от резкого удара при раскрытии парашюта.

Прошла одна тягостная минута, вторая, третья... Руководитель полетов встал с кресла, закурил. Дежурный штурман вертел в руках навигационную линейку, бесцельно передвигал хомутик с одного места на другое. Также нервничал.

Наконец летчик вертолета доложил: — «Альбатрос» приводнился. — И замолчал. Потом после паузы: — «Альбатрос» на воде. Парашют, похоже, не отстегнут. Точно, не отстегнут.

Дальше Веденин не слушал. Сорвался с места и, прыгая через ступеньки, сбегал вниз. Кинулся через летное поле к «Пчелке». Техник, завидя главного, начал сворачивать сумку с инструментом...

«Пчелка» снизилась до самой воды и чуть ли не касалась крылом волн. Теперь хорошо было видно и испытателя в белом скафандре с закрытым гермошлемом (Измайлов не догадался открыть щиток), и спасателей, и рулевого. Волны с силой ударялись о нос — рулевой хорошо держал лодку против ветра, — брызги с ног до головы обдавали Измайлова и матроса, грозя опрокинуть маленькое суденышко.

Наконец спасателям удалось поднять Арефьева в лодку, и рулевой подналег на весла. Следом тянулся огненно-оранжевый купол парашюта.

Долго и трудно поднимали «Альбатроса» и на катер — видно, состояние его тяжелое. Веденин, стиснув зубы, ждал,

когда ему доложат или когда можно будет задать вопрос. Вот испытателя уложили на палубе, Измайлов склонился над ним, матрос начал подавать инструменты из медицинской сумки. Потом Измайлов встал, повернул голову к Шубенко, видно, что-то сказал.

— «Дельфин», в чем задержка с докладом? — спросил Веденин, снова снижаясь и беря курс прямо на катер.

Голос Шубенко был глух до неузнаваемости:

— Ноль первый, нет больше «Альбатроса»...

КОНСТРУКТОР ВЕДЕНИН

1.

Где же, когда и в чем он допустил ошибку?

Надо успокоиться и вспомнить все, с того первого дня, когда было принято решение на испытание «Супер-Форгуны».

2.

Ясноград.

Летно-испытательный центр.
16 сентября 1988 г.

Солнце било прямо в окно, на письменный стол, где Веденин разложил схемы, графики, расчеты последней проверки катапульты на стендах и с манекеном. Над ней он трудился с упованием. Хорошие отзывы на предыдущую его катапульту, спасшую не одного летчика, придавали уверенность. И отношение к Веденину в министерстве, в КБ, среди командного и инженерного состава ВВС стало другим: его встречали с почтением, помогали в вопросах финансирования, в выполнении заказов. Лишь Коржов, генеральный конструктор самолетов, соперник по унифицированной катапульте, здоровался по-прежнему с неизменной подначкой: «Какие гениальные планы зре-

ОТ АВТОРА

Перед людьми военными всегда стоят большие и ответственные задачи. Скажу без преувеличения, что, к примеру, за действиями воинов внутренних войск в так называемых горячих точках внимательно следит вся наша страна. Мне, как писателю, часто приходится выступать перед армейской аудиторией, и танкисты, летчики, ракетчики задают немало вопросов о том, как живут и выполняют боевые задачи солдаты в краповых беретах.

Уверен, что в свою очередь вам, воинам-дзержинцам, небезынтересно будет узнать о том, как осваивают свои профессии, решают свои проблемы ваши товарищи по оружию.

В моей новой повести «Неистовая «Фортуна» речь идет о военных конструкторах и летчиках-испытателях, о людях, посвятивших себя служению Отчизне. Жизнь представителей этих романтических профессий — далеко не сплошной праздник, как может кому-то показаться. Не всегда складываются личные судьбы, на смену успехам приходят неудачи, порой даже трагедии... Впрочем, у кого из военных подлая жизнь легче!!

Иван ЧЕРНЫХ, полковник в отставке.

ют в голове юного Гекеста? Эта кличка каким-то образом дошла до центра, и там тоже так его величают с подчеркнутым уважением. Коржову Веденин отвечал в его тоне: «Гениальные планы зреют в головах генеральных, дело юных не мешать им, а помогать».

За последние три года в летно-испытательном центре мало что изменилось: Арефьев по-прежнему трудится на приемке летно-спасательных средств, они сдружились, а вот Батуров, вернувшись неделю назад из отпуска, вдруг ни с того ни с сего написал рапорт, просит перевести его на инженерную работу. Странный, взбалмошный человек. С женой не ужился, потом рассорился со второй, теперь, говорят, трещина появилась, Вита...

Рапорт Батурова Веденин подписал: если испытатель сам просит освободить его от дела, резона нет удерживать — испытывать технику по принуждению все равно, что женить на нелюбимой...

Кого же брать вместо него? Есть, разумеется, другие испытатели, но «Супер-Фортуна» с характером, и никто ее так хорошо не знает, как Батуров и Арефьев. А Игорь Андреевич, как назло, поясницей мается — остеохондроз, профессиональное заболевание испытателей, три дня назад только из госпиталя выписался. И все же придется поговорить с ним. А вначале — с Измайловым.

Веденин нажал на кнопку селектора: — Слушаю, Юрий Григорьевич, — тотчас отозвался доктор.

— Зайди на минутку, Марат Владимирович.

На вопрос Веденина Измайлов закрыл головой:

— На испытание Арефьева лучше пока не планировать. Видите ли, поясница — штука серьезная. К тому же у него на снимке на одном позвонке трещинка обнаружена. Надо подождать.

— Трещинка? — удивился Веденин и усомнился: Измайлов и раньше отличался чрезмерной осторожностью, при малейшем заболевании испытателей не допускал их к полетам. — А я слышал, он сейчас даже сальто-мортале крутит и всем говорит, что в отличной форме.

— Ну это ж Арефьев, — усмеялся Измайлов. — Он и с переломанной спиной будет прыгать, лишь бы допустили его к испытаниям.

— Но из госпиталя-то его выписали и никаких запретов не дали.

— Их дело подлечить. А я еще посмотрю, может, на комиссию его направляю.

— А там, в госпитале, недодумались? Ох и перестраховщик вы, Марат Владимирович, — с усмешкой пожурил врача Веденин, хотя в душе был на него сердит. Напористый, энергичный, когда дело касается личного, но на службе особенно не надорвется, десять раз прикинет, семь переспросит у старших, пока не заручится их поддержкой, лишь после этого примет решение.

80
87
— В нашем деле лучше перестраховаться, чем рубить сплеча. Врач, как и сапер, ошибается однажды. Только погибает не сам, а губит доверившегося ему человека. А это, поверьте, не легко.

— Что-то все стали себя с саперами равнять, даже вы, эскулапы. А уж вам-то, Марат Владимирович, здесь, в центре, меньше всех приходится рисковать... В общем, посмотрите Арефьева еще раз, поговорите с ним; если надо, направьте на комиссию. Мне он очень нужен.

— Коль вы просите, Юрий Григорьевич... — Измайлов понимающе улыбнулся, кивнул. — Будет сделано.

3.

Веденин закрыл папку с бумагами, собрался было поехать в лабораторию к «Супер-Фортуне», когда зазвонил телефон. Он узнал голос Арефьева и обрадовался.

— Здравствуй, Игорь Андреевич. Что же это ты, друг, выписался из госпиталя и помалкиваешь? Или плохо себя чувствуешь?

— Отлично себя чувствую, Юрий Григорьевич. А помалкивал — не хотел вам надоедать, отрываться от дел. Как там «Супер-Фортуна»? Слышал, «Иван Иванович», то бишь манекен, остался доволен?

— Вполне. Ты бы зашел, хочется посмотреть на тебя, поговорить.

— Когда прикажете?

— Тебе я не приказываю, а прошу. И рад видеть в любую минуту. Сможешь прийти сейчас?

— Иду...

Он пришел минут через десять в модном вельветовом костюме, в кремовой с ажурной вышивкой рубашке: Дина ухаживала за ним, как за послушным милым ребенком. Он и в самом деле был мил: худощав, тонок в талии, лицо красивое, бледновато-смуглое, глаза умные, внимательно смотрят из-под густых изогнутых ресниц, пальцы рук длинные, изящные... Даже не верилось, что под такой хрупкой внешностью скрывался сильный характер.

Сели рядом, продолжая рассматривать друг друга. Веденин догадывался — Игорь пришел с какой-то просьбой, и ждал, когда он ее выложит, но тот почему-то медлил. Спросил о здоровье жены, о Батурове, и лишь когда Веденин рассказал о последнем разговоре с Андреем, по поводу ухода того из испытателей, Арефьев сказал:

— Разрешите мне, Юрий Григорьевич, вместо Батурова? Все-таки как-никак «Фортуна» моя крестница.

— Начальство не будет возражать? Даже Измайлов заартачился.

— Измайлов — известный перестраховщик. А начальство, думаю, разрешит: в ближайшее время у меня никакой работы не предвидится.

— В таком случае, готовься. Через две недели — испытание.

**ИНСПЕКТОР
СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ ПОЛЕТОВ
ПОЛКОВНИК ПЕТРИЧЕНКОВ**

1.

Ясноград.
Летно-испытательный центр.
2 октября 1988 г.

Петриченков летел к месту происшествия с ясным представлением плана действия и в превосходном настроении, именно ему главнокомандующий доверил возглавить группу по расследованию серьезного и сложного (он был уверен в этом) происшествия. А он-то уж постарается оправдать доверие. Да, Гусаров, получивший в свои лучшие годы кличку «Рентген», стареет, это ясно всем: стал чрезмерно осторожным, медлительным. «В нашем деле — семь раз примерь, один отрежь...» Вот и меряет по всякому пустяку по семь раз, а дело стоит.

Петриченков, пока летели на полигон, продумал систему расследования. На себя он возьмет участников эксперимента; подполковник Малинин займется непосредственно креслом, подполковник Семиженков — аэродинамическими исследованиями, полковник Мордухович — медицинской экспертизой. Кое-кого из специалистов придется привлечь в помощники на месте.

На полигонном аэродроме их уже ожидали, встречал сам главный инженер средств спасения и он же конструктор роковой катапульти Вединин, совсем еще молодой и симпатичный человек, высокий, худощавый, в светлом штатском плаще, такой же шляпе, спокойный, представительный, вызывающий уважение. Петриченков раньше с ним не встречался, но слышан был достаточно: талантливый конструктор, подающий большие надежды; даже кличку слышал — «Юный Гефест».

Вединина окружали солидные и почтенные офицеры, полковники и подполковники, один майор и один капитан, фамилии и должности их Петриченков не запомнил. Да в этом и не было необходимости — познакомится в процессе расследования.

После официального представления друг другу Петриченков дал указание Семиженкову собрать всю документацию эксперимента и отвел Вединина в сторону.

— Доложите, пожалуйста, что и как произошло и каково ваше мнение о причине катастрофы.

Вединин рассказывал обстоятельно, подробно, и Петриченков ясно воспроизводил в воображении, как шла подготовка к испытанию катапульти, ее проверка, подготовка испытателя, как происходил полет, отстрел катапульти, снижение Арефьева, приводнение и его гибель. О причине гибели ничего сказать не мог, лишь пожал неопределенно плечами.

— Кинозапись еще не просматривали?

— Нет, разумеется. Самолетные и геодолитные киноленты опечатаны.

— Кресло не пытались разыскать?

— Разве в море найдешь?

— Все равно, попытаться надо было.

Хорошо, я сам распоряжусь. Подходящее помещение найдется нам для работы? Для просмотра кинозаписи, изучения документов?

— Разумеется. В профилактории.

— Тогда не будем терять времени. Дайте команду, чтобы подготовили киноаппаратуру и экран. После ужина, — Петриченков взглянул на часы, — ровно в двадцать ноль-ноль соберемся для просмотра киноленты.

2.

Петриченков лег в постель далеко за полночь. Выключил свет, закрыл глаза, а в воображении отчетливо всплыл летящий самолет-лаборатория, выход катапульти с испытателем из кабины, включение в работу ракетного ускорителя, стабилизирующего устройства; пролет катапульти над килем самолета; отделение от нее испытателя, роспуск спасательного парашюта, снижение... Приводнение и эвакуация беспомощного тела испытателя на катер особенно врезались в память Петриченкову. Нет сомнения, что с Арефьевым что-то произошло в воздухе.

Что?

Петриченков и не предполагал, что встретится с такими трудностями. Неоднократное прокручивание киноленты ничего не давало: все те же вполне «благополучные» кадры — снижающийся испытатель с поднятыми к стропам руками без каких-либо признаков травмы или плохого самочувствия. А после приводнения лежал уже на воде недвижимый, с упавшими на него стропами и пузырящимся рядом куполом парашюта.

И ни у кого из его помощников не родилось пока никакой гипотезы. Правда, насторожила фраза одного из участников эксперимента — начальника материально-технического обеспечения подполковника Скоросветова: «Прокрутите, пожалуйста, кадры, где кресло еще не отделилось от испытателя». Прокрутили. Петриченков ничего не заметил: кадры падающего кресла под разными ракурсами. А Скоросветов многозначительно хмыкнул, отчего Вединин аж в лице изменился.

Похоже, что-то за всем этим кроется.

Что?

По всей видимости, опрос надо начинать со Скоросветова.

3.

Скоросветов вошел в кабинет, где обосновался Петриченков для работы, осторожно, весь напрягшийся и сосредоточенный, словно его вызвали не на откровенный разговор, а на пытку.

Петриченков поздоровался с ним за руку, пригласил в кресло рядом с собой.

— Садитесь, Иван Антонович.

— Благодарю. — Скоросветов опустил-ся на краешек кресла, зыркнул коротким, но острым взглядом по столу, по рукам Петриченкова и, не обнаружив в них ни карандаша, ни бумаги (Петриченков специально не выставлял их напоказ, зная по опыту, что всякие записи только настораживают и смущают собеседников), несколько расслабился.

— Давно служите в летно-испытательном центре? — задал первый вопрос Петриченков.

— Порядочно. С сентября одиннадцатый год пошел.

— Вы были летчиком-испытателем?

— Был, — с грустью и глубоким вздохом ответил Скоросветов. — Потом заместителем начальника летно-испытательной станции, даже временно исполняющим обязанности начальника ЛИС и чуть было к вам, в службу безопасности полетов не попал; а теперь вот — начальником материально-технического снабжения.

— Что ж это так?

— Длинная история, — снова вздохнул Скоросветов. — Кстати, связанная с «Фортуной», не этой, а ее старшей сестрой. — Скоросветов оживился, и Петриченков, убеждаясь, что избрал верный путь, похвалил себя: «Ай да Николай Иванович, умная голова, в точку попал. Коль Скоросветов обижен на начальство, он выложит все начистоту, ничего не утаит». И подбодрил:

— Интересная история. Может, расскажете? Мне вчера при просмотре кинодокументов показалось, что вы знаете кое-что такое, до чего мы пока докопаться не смогли.

— Это мое сугубо личное мнение, — предупредил Скоросветов. — Я однажды уже поплатился за свою откровенность.

— Обещаю, на этот раз такого не произойдет, — постарался успокоить его Петриченков. — Так и будем считать — сугубо личное мнение. А если желаете, оставим этот разговор между нами.

— Да, так будет лучше. Не подумайте, что я чего-то боюсь, просто не хочу, чтобы мне снова мотали нервы. А то, что я вам сообщу, можете проверить по документам. Вы, наверное, обратили внимание, что я попросил прокрутить еще раз кадры отстрела катапульти до отделения кресла от летчика?

— Разумеется.

— В этих кадрах, я думаю, и разгадка катастрофы. Но еще раз повторяю: это сугубо личное мнение. Почему я пришел к такому выводу? Дело в том, что два с половиной года назад при испытании этой катапульти, вернее, ее модификации, произошло непредвиденное — вращение кресла. И тогда испытатель Арефьев черным по белому написал в заключении: «Катапульта к эксплуатации не пригодна». Однако Веденин — его настойчивости можно позавидовать — во внимание заключение испытателя не принял и продолжал готовить катапульти к сдаче в производство. Что-то там доделал, усилил и месяца через пять решил повторить эксперимент. А в самый последний момент, когда испытатель сидел уже в кресле и подъемник готовился поднять его в ка-

бину самолета, вдруг обнаружился еще какой-то дефект. Веденин тут же стал его устранять. Я выразил было протест, его, разумеется, во внимание не взяли. Арефьев был уже обработан, катапульта к производству принята. А повод прищучить меня вскоре нашелся. Вот и вся история, связанная с «Фортуной». Кого-то она ошастливила, а кого-то обездолила.

— Да, печальная история. — Петриченков даже не усидел на месте, поднялся. — А куда же Гайвороненко смотрел? Он, слышал я, толковый генерал, справедливый.

— Гайвороненко — либерал, — усмехнулся Скоросветов, — покровительствует молодым талантам, и Веденин — его претеже.

— Спасибо, Иван Антонович. — Петриченков крепко пожал подполковнику руку. — Думаю, вы очень помогли нам. — И проводил начальника материально-технического обеспечения до самой двери. А когда он вышел, вернулся к столу, достал свой заветный красный блокнот и записал:

«Проверить: 1. Заключение Арефьева по испытанию «Фортуны», проводимое 2,5 года назад.

2. Испытания по приемке «Фортуны» к производству.

3. За что понижен в должности Скоросветов.»

Полистал бумаги. Ага, вот она, стенограмма совещания после того испытания.

«...АРЕФЬЕВ: Я уверен, что кресло с подобным дефектом небезопасно для жизни летного состава.

СКОРОСВЕТОВ: Вот как? Но сами-то вы живы и невредимы.

АРЕФЬЕВ: Да, я жив и невредим. Я — испытатель и был готов ко всяким неожиданностям. А представьте на моем месте раненого летчика — катапульта в основном потрется в бою, — разве он выдержит такое вращение? А ему надо не только спастись, но и быть способным вести бой на земле.

ВЕДЕНИН: А не мог повториться давний случай, как у Данилина, когда при катапультировании выбыл кусочек запасного парашюта?

ГРИБОВ: Нет, не мог, Юрий Григорьевич. Я лично контролировал испытателя и перед экспериментом, и после приземления. Все было в порядке.

СКОРОСВЕТОВ: Парашют мог выбиться в воздухе. А после приземления до запасного ль было, не правда ли, товарищ Арефьев?

АРЕФЬЕВ: Причин выбиться запасному парашюту не было. В кресле я сидел почти без движения.

ВЕДЕНИН: У кого какие есть вопросы?

СКОРОСВЕТОВ: Разрешите, Юрий Григорьевич? Лейтенант Арефьев в устном докладе и в письменном заключении утверждает, что ему удалось замедлить вращение, а затем остановить с помощью рук. Но, как вы заметили по фотоконтролю, вращение поначалу было незначительное, в пределах расчетных трех радиан. А вот как только появилась рука, началась круговерть. Как это объяснить?

ВЕДЕНИН: Прошу, Игорь Андреевич.

АРЕФЬЕВ: Неужели здесь надо кому-то доказывать, что рука не могла явиться причиной ускорения вращения кресла? Я, наоборот, замедлил его, говорю это с полной ответственностью.

ВЕДЕНИН: А что по данному вопросу думает напарник и дублер Арефьева?

БАТУРОВ: Мне непонятно, какие могут быть споры и кривотолки вокруг заключения Арефьева. Уж коли доверили ему, так будьте любезны и верить. Сказано плохо — значит, плохо».

Петриченков встал и заходил по кабинету. Здесь, кажется, все ясно, но что скажут медики? Почему Веденин избрал именно Арефьева? Испытатель только что отлежал в госпитале с остеохондрозом... Надо узнать об Арефьеве все: как готовился к эксперименту, как отдыхал, какая у него была домашняя обстановка. В общем, все...

ПЕРЕД ИСПЫТАНИЕМ

Ясноград.
18 сентября 1988 г.

Игорь, облаченный в скафандр, сидел в барокамере, наблюдая за стрелкой высотомера, отсчитывающей метры подъема. На двух тысячах почувствовал, что дыхательный клапан закрылся, пошел чистый кислород, осушивший горло. В скафандре Коржова такой автоматической системы не было, приходилось самому открывать вентиль. А чтобы не забыть сделать это в полете, испытатель открывал вентиль на земле, и расход кислорода увеличивался. Экономия расхода кислорода позволяла дольше быть в воздухе, в разряженной атмосфере, что, несомненно, являлось преимуществом скафандра Алексеева. Второй плюс, отметил

Игорь, облегченная, изящная конструкция, позволяющая свободно двигаться. Игорь наклонился вперед, назад, покрутил головой, подвигал руками и ногами — ничто не мешало, не сковывало, работало легко, дышалось свободно.

На спуске скафандр также вел себя безупречно. На высоте 2 000 метров дыхательный клапан открылся, и свежий воздух живительной влагой оросил легкие.

Потом каждую деталь скафандра проверяли на стендах, снова в барокамере, теперь уже без испытателя. В заключение Алексеев заставил поплавать Игоря в бассейне, а Измайлов даже окунул его несколько раз с головой.

— Видишь, какой костюмчик мы тебе подобрали, — помогая снять скафандр, сказал Измайлов. — Слабо старикам тягаться с молодыми.

Но Алексеев, осмотрев и ощутив свое изобретение, вдруг засомневался:

— А может, Игорь Андреевич, в старом слезаете? Тут кое-что надо бы еще подработать.

— Вот садовая голова! — возмутился Измайлов. — Так можно до скончания века подрабатывать, дорабатывать. Думаешь, для твоего скафандра специально будут испытания в небе устраивать? А без них твой скафандр — не скафандр, тряпка.

— Он прав, — поддержал Измайлова Скоросветов. — Другого такого случая может не повториться. И чего ты напугался? Если даже что-то обнаружится, потом доработаешь. Самолеты посложнее твоего скафандра, а сколько над ними трудятся после приемки.

Алексеев неуверенно пожал плечами.

— А что скажет об одежке испытатель? — обратился Измайлов к Арефьеву, когда тот был уже одет в свой элегантный штатский костюм.

— Замечаний нет, — ответил Игорь и такую же лаконичную фразу записал в формуляр.

— Только и всего? — Измайлов скорчил скорбную мину. — Вроде и парень ты неплохой, а педант до мозга костей, боишься молодому таланту протекцию сделать.

— Вот слетаю — тогда сделаю, — отрезал Игорь.

ПОИСК ИСТИНЫ

1.

Полигон.
2 октября 1988 г.

Веденин вспоминал все до мельчайших подробностей — подготовку к испытанию и само испытание, но своей ошибки не находил. А возможно, ее и не было? Но испытатель-то погиб. Лучший испытатель.

Может, что-то Игорь напугал, сделал не так? На него не похоже. Как он готовился к испытанию? Чем занимался в профилактории, как себя чувствовал?

Полигон.
21 сентября 1988 г.

Передовая группа по испытанию «Супер-Фортуны» прибыла на полигон на неделю раньше — чтобы акклиматизировался испытатель, чтобы инженеры и служба поиска приготовили все необходимое к эксперименту.

Полигон встретил испытателей ярким солнцем, синим небом и легким теплым ветерком. У командно-диспетчерского пункта зеленели еще, не потеряв ни листика, стройные тополя — такие растут только здесь, на юге, — на клумбе цвели герогини, китайские астры.

Измайлов, выйдя из самолета, подставил лицо солнцу и закрыл от удовольствия глаза.

— Прелесть-то какая! А не махнуть ли нам, братцы, сразу после завтрака к морю? Хоть в конце лета под солнышком согреться, морской водицей ополоснуться?

Офицеры одобрительно загудели.

У профилактория, где располагались экспериментаторы на жилье, повстречался майор Свиридов, прибывший ранее на испытание планирующего парашюта, и, узнав, куда собираются сослуживцы после завтрака, попросил у полковника Козловского разрешения поехать с ними.

— У тебя же завтра испытания, — возразил Козловский. — Надо посмотреть, как ты подготовился, проверить службы. Мне и старшему инженеру тоже ехать не придется.

— Да что вы, в самом деле! — возмутился Свиридов. — После обеда времени не хватит?

— После обеда и до испытания тебе положено отдыхать, и мы не имеем права беспокоить ваше величество.

— Я уже неделю отдыхаю, бока пролежал, — стоял на своем Свиридов. — И если после обеда посплю, ночью потом не сомкну глаз. А искупаюсь в морской водичке — только на пользу. Скажите, Марат Владимирович, разве не так? — обратился он за поддержкой к Измайлову.

Доктор хитровато сощурил глаза, в которых не трудно было прочитать: а что я буду от этого иметь?

Свиридов понимающе приложил к груди руку — отблагодарю.

— Пусть поедет, — сказал Измайлов. — Морской воздух, ванны — лучшие условия для отдыха. Потому и выбрали полигон близ моря...

На пляж добрались в десятом часу. Несмотря на позднюю осень, отдыхающих у моря было немало, публика, правда, контрастная — престарелые и молодые.

«Пенсионеры и неудачники, не поступившие в институт», — подумал Игорь. Он не раз бывал здесь осенью и хорошо знал эту публика — самый бездельный, самый неинтересный народ: пенсионеры целыми днями режут в карты, молодежь отсыпается после ночных любовных приключений, готовится к новым.

88
89

Как-то само собой получилось, что и их испытательская компания разделилась на две группы — на «старичков» — инженеров и на молодых — испытателей. К последним примкнул и Измайлов. Они втроем разместились у самого моря, инженеры — повыше, за волнорезом, где было потише: ветерок здесь дул свежий, высокие волны бились о камни, пеннелись и далеко рассеивали холодные брызги, обдавая загорающих. То отсюда, то оттуда доносились девичьи визги: шалуньи резвились у самого наката, привлекая к себе внимание.

Никто пока не купался. Из репродуктора, висевшего на пляже, сообщили: температура воздуха 17 градусов, воды — 19, волнение моря 5 баллов — купаться категорически запрещено.

— Обрадовали, — незлобливо проворчал Измайлов и стал раздеваться.

Около них остановились два парня, крепко сложенных, тоже хорошо загоревших, с серфингами в руках. Бросили небрежно вещи, зашли в воду и вот уже понеслись по гребням, прыгая с волны на волну легко, неощутимо, словно акробаты высшего класса.

— Вот дают! — восхитился Измайлов. — Таких хлопцев и к нам приглашать можно.

Свиридов смерил доктора уничтожающим взглядом, как ничего не смыслящего в испытательском деле человека.

— Уж лучше слаломистов, они позамысловатее пируэты выписывают.

— Не скажи, не скажи, — замотал головой Измайлов. — Удержаться на таком гребешке — акробатом надо быть.

Свиридов передернул плечами — что ты, мол, понимаешь, и не стал спорить.

Парни катались минут десять, так же легко прыгнули со своих пенопластовых досок.

— Разрешите попробовать мне? — попросил Свиридов.

— Ты что, шею решил свернуть? — воспротивился вдруг Измайлов. — А на эксперимент я за тебя пойду?

— Не сверну. — Свиридов взял охотно протянутую парнем доску. — Не бойсь, доктор, не таких коней объезжали.

— Ну, ну... Только в случае чего, я тебя на пляж не брал и здесь не видел, — предупредил Измайлов.

— Договорились.

Свиридов довольно легко вспрыгнул на доску — и заскользил по волне. Один гребень перевалил, второй... А на третьем то ли замешкался, то ли поторопился — волна ударила его, подбросила и, опрокинув головой вниз, потащила на глубину.

Поймать и вытащить на берег Свиридова удалось быстро, но, когда спасатели взяли его под руки, он громко взвыл от боли.

Его опустили на гальку.

— Что с тобой? — склонился над ним Измайлов.

— Рука, — заскрипел зубами Свиридов.

Измайлов стал ее прощупывать — раны не было, а у предплечья уже обозначилась опухоль; и едва врач коснулся его, Свиридов дернулся всем телом.

— Ну натворил! — Измайлов был вне себя. — Говорил же! Что теперь? Конец месяца, весь коллектив без прогрессивки... Веденин голову снимет...

Свиридов лишь стонал на его причитания.

— Перестань! — прикрикнул на него Игорь. — Идти можешь?

Свиридов умолк и, опираясь на левую, здоровую руку, стал подниматься. Игорь и Измайлов помогли ему.

— В автобус! — скомандовал врач.

Прибежали Козловский и Грибов. Они то ли видели «акробатический этюд» Свиридова, то ли без слов поняли, что произошло, — оба были в растерянности, обескураженные. Игорь искренне им сочувствовал: руководителя завтрашнего эксперимента с планирующим парашютом и начальника парашютно-десантной службы ждут пребольшие неприятности.

— Вывих, перелом? — наконец вымолвил Козловский, просительно заглядывая в глаза доктора, словно тот ответом мог помочь делу.

— Какая разница, — раздраженно буркнул Измайлов. — Все равно к испытанию не годен.

Козловский схватился за голову.

— Что же делать? Что делать?..

Отсрочка эксперимента с планирующим парашютом расстроит и Веденина, подумал Игорь. Конкуренты и без того зуб на него точат, где только могут, ставят подножку, порочат его изобретения, а теперь появится еще один повод. И коллектив не очень-то будет доволен, если не получит прогрессивку. И он принял решение.

— Не паникуйте. На эксперимент пойду я.

— Ты? — Козловский недоверчиво уставился на Игоря. В глазах блеснула надежда и тут же погасла.

— Веденин ни за что не разрешит.

— Разрешите вы, Венедикт Львович, — твердо сказал Игорь. — У Веденина без этих мелочей забот хватает.

— А что, идеал! — обрадовался Измайлов. — В случае чего, объясню, что надо было проверить Арефьева после госпиталя на более простом и легком эксперименте.

Козловский облегченно вздохнул.

3.

У вертолета Игоря поджидали полковник Козловский, подполковник Грибов и капитан Измайлов. Старший группы дал последние ценные указания: не зарываться, не рисковать, все делать строго по инструкции. Пожелал счастливого приземления и ушел. За Игоря взялся Грибов: пощупал пульс, помог надеть парашюты, проверил вытяжные кольца. Еще раз напомнил:

— Никакой отсебятини. Кольцом пользоваться только в случае отказа автомата. Планирование по спирали, приземление — в круг. Ясно?

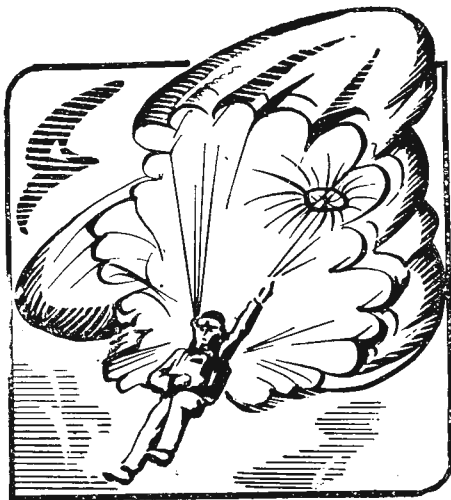
— Как божий день, товарищ подполковник, — пошутил Игорь. — Да вы не волнуйтесь, все будет, как учили.

— А мы и не волнуемся, — хлопнул Грибов Игоря по плечу. — Пошли.

Командир экипажа вертолета доложил: двигатель опробован, экипаж к полету готов.

— Тогда по коням. — Грибов шутил, но лицо оставалось озабоченным: посылая Игоря на эксперимент, он и Козловский шли на серьезное нарушение, и в случае малейшей неудачи им влетит по первое число и за Свиридова, и за подставного испытателя.

Грибов первым к люку пропустил Игоря, поднялся за ним и сел рядом. По другую сторону примостился Измайлов и тоже потянулся к пульсу.

— Успеешь, дорогой доктор. Чувствуешь, как здесь дынями и яблоками пахнет? — спросил Игорь.

Измайлов повел носом.

— Эмально, бензином и чуточку аптекой — от меня.

А Игорю запах дынь, яблок цекотал носдри, вызывал аппетит. Вернусь с полигона и махну на рынок, решил он.

Когда командир экипажа вошел в вертолет и проходил мимо, Игорь придержал его за руку.

— Куда за дынями летали?

Тот удивленно посмотрел на испытателя, но понял, что отпираться ни к чему — Игорь свой парень, — заговорщически подмигнул:

— Потом скажу. И угощу — у нас там осталось.

Измайлов помотал головой:

— Ну и нюх у тебя. Как у овчарки.

— Люблю дыни и яблоки, — ответил Игорь. — И вообще все сладкое. — Полез в карман, достал карамельки. Протянул Измайлову и Грибову. Доктор отказался.

— Я, как твой друг Батуров, предпочитаю горькое.

— Как хочте. — Игорь сунул карамельку в рот.

Качнулся, вздрогнул вертолет, и двигатель заработал. Игорь выглянул в иллюминатор. Техник убрал из-под колес колодки и дал разрешение на выруливание.

Гул усилился, вертолет тронулся с места и, набыв лобастую голову, оторвался от земли. Поплыли вниз и назад домик КДП, клумба, стреловидные тополя. А горы стали расти, приближаться. Дымка у их подножия обозначалась четче, определеннее — словно кто-то расстелил длинный бледно-голубой шарф. И солнце, будто пробудившись от рокота двигателя, высунулось из-за горизонта и потянулось ввысь. Под вертолетом бежали сады с еще не убранными кое-где яблоками, виноградники, дорога, петляющая между предгорными холмами, и селения вдоль нее с белыми аккуратными домиками. А за грядой гор уже угадывалось море: небо из лазурного переходило в серо-голубое без видимой черты горизонта, и определить, где кончалось небо и начиналось море, было невозможно.

Грибов положил ему на колено руку. Игорь оторвал взгляд от иллюминатора и посмотрел на высотомер. Стрелка остановилась на двух тысячах — заданная высота. Последний разворот, и вертолет взял курс к полигону.

Измайлов посчитал у него пульс, удовлетворенно кивнул.

Штурман дал команду приготовиться. Бортовой техник открыл люк. Воздушный поток рванул в отсек, закружил, завертел пылинки, занесенные обувью, листья, траву. И запах дынь, яблок мгновенно сменился другим, непонятным, но очень знакомым. Небо! — вспомнил Игорь. Так пахнет только здесь, на высоте — чуточку морем, чуточку озоном, как на земле после дождя, и самую малость ароматами осеннего леса, здешнего, южного, где созрели кизил и шиповник, айва и можжевельник, где на пеньках пробились первые россыпи опят...

Загорелась зеленая лампочка. Игорь шагнул в зев люка, прохладная волна хлестнула его по лицу, отпрянула, освобождала дорогу, и он полетел вниз.

«Один, два, три...» Он отсчитывал в уме и видел, как удаляется вертолет, как синева сменяется чернотой, — его повернуло лицом к земле, — как думит где-то костерок.

Его легонько трянуло — распустился вытяжной парашют, и тут же последовал сильный рывок. Он поднял голову и увидел над собой ярко-оранжевое треугольное полотнище, очень похожее на дельтаплан. Слышно было, как шелестит ветер, ударяясь о ткань.

Выйдя на прямую к полигону, Игорь опустил стропы. Ощущение было такое, что он не спускается, а парит над землей. Ах, какой умница Веденин! Жаль, нет внизу Батурова, позавидовал бы...

Как он там? Держит ли слово? Или попивает? Повезет ли ему в делах семейных на этот раз, любит ли его Вита? Тоже интересная и странная женщина...

Земля приближалась. Санитарный автобус увеличивался, уже просматривалась красная полоса на боку, крест, в стоящих людях нетрудно было узнать Свиридова и Козловского.

— Развернитесь на сто восемьдесят, против ветра! — крикнул в мегафон Козловский.

— Понял. — Игорь потянул за стропы и сделал над автобусом вираж.

Земля побежала под ноги. Игорь нацелил их в круг и приготовился к завершающему этапу эксперимента. Удар — он спружинил ноги и устоял в кругу.

Когда подошли Козловский и Свиридов, он уже отстегивал лямки парашюта.

СТАРШИЙ ИНСПЕКТОР ГУСАРОВ

Исноград.
7 октября 1988 г.

Со многими людьми, причастными к работе Арефьева и просто знавшими его, повстречался Гусаров. Еще раз убедился: увлеченно жил человек, интересно. Хотелось бы еще с его лучшим другом, Андреем Батуровым, поговорить, но тот в отъезде. Странное дело: бросил испытательную работу. Такое впервые встречалось в практике Гусарова.

Батуров, Батуров... И с Ведениным ладил, и в ведущих испытателях ходил — ему с Арефьевым доверялись самые ответственные задания. Ушел на кабинетную работу.

А может, «Супер-Фортуна» напугала? Во всяком случае, эта причина не исключается. А следовательно, об Андрее тоже надо знать все.

Говорит, он недавно жепплся, на журналистке. Журналисты — люди дошлые, ум у них, как правило, аналитический. Он открыл телефонный справочник, напел нужный номер.

Трубку на другом конце провода сняли с первым же гудком.

— Слушаю, — ответил приятный женский голос.

— Здравствуйте, Виктория Владимировна. Беспокоит вас Гусаров Виктор Николаевич. Из Москвы, потому вы меня не знаете. Очень хотелось бы с вами познакомиться. Вы не смогли бы подойти в гостилицу?

Таримова — это была фамилия журналистки — пару секунд помолчала, потом ответила:

— Ваши вопросы, наверное, будут касаться взаимоотношений Игоря и Андрея? Того, почему Батуров ушел из испытателей?

— В общем-то, — несколько растерянно сказал Гусаров, не ожидавший вопросов в свой адрес.

— Хорошо, я подойду, хотя, предупреждаю сразу, знаю об этом не так уж и много.

Таримова пришла минут через пятнадцать, высокая, элегантно одетая. Голубые глаза внимательны и без всякой настороженности.

(Окончание следует).

Пожалуй, в каждой части есть военнослужащие, посвящающие свой короткий досуг фотографии. Снимают они, как правило, «для себя» и порой не подозревают, насколько интересной может быть их работа для других. Поэтому редакция решила предоставить фотолюбителям возможность познакомиться широкую читательскую аудиторию со своим взглядом на мир. Наиболее удачные снимки, разноплановые по тематике и жанровой направленности, будут опубликованы под рубрикой «Наш вернисаж».

А сегодня — дебют. Представляем творчество старшего лейтенанта Сергея ЛЕЦКО.

70
91

Первые шаги в мир фотографии Сергей сделал еще в десятилетнем возрасте: тогда его снимки были опубликованы в газете «Пионер Белоруссии». Но всерьез заниматься фотоделом он начал в армии. Сейчас старший лейтенант С. Лецко — сотрудник одной из многотиражных газет внутренних войск. Кроме непосредственной журналистской работы он постоянно и много фотографирует. С одинаковым увлечением снимает войсковые будни и счастливые улыбки детей, пейзажи и уличные сценки. Многие его работы наполнены лиризмом и теплотой, помогают глубже понять духовный мир тех, кого он снимает, с кем рядом служит и живет.

- Неразлучные.
- Анечка.
- Вы служите — мы вас подождем.

с БОЛЬЮ и ВЕРОЙ...

Состоялась встреча воинов орденов Ленина и Октябрьской Революции, Краснознаменной дивизии имени Ф. Дзержинского с членами редакционных коллегий журналов «Наш современник» и «На боевом посту».

Эта встреча состоялась по многочисленным просьбам наших читателей. «В последнее время, — пишет, например, прапорщик А. Соловьев, — средства массовой информации обрушили на нас такой поток информации, что порой невозможно разобраться в процессах, которые происходят в нашей стране. Некоторые газеты и журналы ведут между собой острую борьбу. Кто прав, кто неправ — тоже трудно понять. Помогите нам в этом...»

Вот мы и решили организовать встречи воинов внутренних войск с редакциями газет и журналов различных направлений — «Огонька» и «Молодой гвардии», «Советского воина» и «Москвы», «Московских новостей» и «Литературной России»... Первым на нашу просьбу откликнулся журнал «Наш современник».

Журнал издается Союзом писателей РСФСР. Еще двадцать лет назад у него было всего лишь 11 тысяч подписчиков, сегодня — свыше 500 тысяч. «Наш современник» открыл всесоюзному и мировому читателю ныне широко известных писателей Виктора Астафьева, Валентина Распутина, Василия Шукшина, Юрия Бондарева, Валентина Пикуля, Владимира Чивилихина, Федора Абрамова и многих других.

Сегодня «Наш современник» находится на острие развернувшейся в стране перестройки, активно вторгается в процессы, происходящие в обществе.

■ Открыл встречу главный редактор журнала «На боевом посту» полковник А. ГОРЛОВ:

— Встречи с писателями России для воинов-дзержинцев стали уже традиционными. Здесь, в этом зале, выступал перед личным составом Анатолий Салуцкий, здесь вы принимали группу литераторов, пишущих на военно-патриотическую тему. Вы еще, наверно, не забыли острой полемики между воинами — участниками тбилисских событий, с одной стороны, и академиком

А. Сахаровым, писателем Б. Васильевым, критиком Ю. Карякиным — с другой...

Да, обстановка в стране накалена. Вы сами принимали непосредственное участие в событиях в Фергане, Закавказье и других горячих точках.

Ныне основной задачей внутренних войск стало обеспечение общественной безопасности советских людей. По существу вы сейчас выполняете настоящую боевую задачу, несете при этом настоящие боевые потери. И в это время определенные силы пытаются всячески скомпрометировать наши войска. Хочется верить, что журнал «Наш современник» в этом вопросе займет столь же четкую позицию, как и в других, — будет защищать на своих страницах от всевозможных нападок и армию, и внутренние войска, которые ныне являются наиболее надежным гарантом сохранения стабильности в стране. Эту линию будет продолжать и журнал «На боевом посту».

Наш журнал, надеюсь, представлять нет необходимости. Его знают в войсках. Пользуясь случаем, скажу о наших планах. В нынешнем году мы открываем ряд новых рубрик — «Перестройка: кто есть кто?», «По вашей просьбе», «Осторожно: национализм!» и другие. Названия говорят сами за себя — под этими рубриками будут печататься острые материалы, которые помогут вам правильно ориентироваться в нынешней сложной политической обстановке в стране. Смелее собираемся поднимать и наши войсковые проблемы. Литературный раздел журнала будет представлен новыми произведениями Валентина Пикуля, Овидия Горчакова, Льва Словина, Юлиана Семенова и других писателей.

Ведущий представил затем участников встречи — членов редколлегии журнала «Наш современник» первого заместителя главного редактора журнала В. Свинникова, заместителя главного редактора А. Казинцева, заведующего отделом поэзии

бывшего воина внутренних войск Г. Касмынина, а также членов редколлегии журнала «На боевом посту» полковников В. Ускова и П. Студеникина.

■ Разговор продолжил В. СВИНИННИКОВ:

— Встречи наши бывают интересными в том случае, если нам задают интересные вопросы. О журнале нашем рассказывать много, думаю, нет надобности. Я не верю, чтобы вы ничего не знали о нем, хотя бы потому, что нам, как и вам, создают густо отрицательную рекламу одни и те же силы. Так что мы с вами оказались, как говорится, по одну сторону баррикад. Называют нас и реакционным, и антиперестроечным журналом. Навешивают ярлыки и националистов, и великодержавных шовинистов — ну только что остро заточенных саперных лопаток в руки пока не вложили.

Должен сказать, в последнее время «Наш современник» много проводит встреч с читателями, в том числе и военными. Такие встречи прошли, например, в Генеральном штабе, в Министерстве внутренних дел СССР, на предприятиях и в институтах. Нет, своих взглядов мы никому не навязываем, мы только излагаем свою позицию. Вы можете соглашаться с нами или не соглашаться — это дело ваше. Но мы стараемся приводить факты, аргументы и документы. Сейчас на наших глазах кое-кто пытается вновь фальсифицировать историю: что было черным, становится белым, а светлое густо замазывается черной краской. Нельзя допустить этого... Ну, а теперь давайте вопросы.

■ ЗАПИСКА ИЗ ЗАЛА: Какую позицию занимает ваш журнал в процессе обновления! Что мешает перестройке, рождает пессимизм, даже неверие в окончательный результат задуманных перемен! Какова роль прессы в этих процессах! Почему, наконец, «Наш современник» и некоторые другие журналы и газеты так яростно атакуют журналисты из «Огонька», «Московских новостей», иных изданий!

В. СВИНИННИКОВ: Вопросы очень важные. Скажу, не желая ничего преувеличивать: от того, удастся ли на них найти правильные ответы, в конечном счете зависит судьба нашего Отечества.

Я уже говорил, есть у нас силы, которые стоят на полярных позициях: те, кто пытается навязать нам западный образ жизни, кто не прочь открыть все шлюзы иностранному капиталу, обанкротившейся западной культуре и тем самым превратить нашу державу в полу- или полностью колониальную страну. Но есть, к счастью, и силы, кто активно этому противоборствует, то есть борется за сохранение независимости и целостности нашего государства, которое, несмотря на глубокий политический и экономический кризис, продолжает оставаться в ряду великих держав.

На нас сейчас чего только не льют с газетных и журнальных полос, где уж тут разобратся неискушенному человеку.

В самом деле, что это за «перебранка» писателей? От нечего делать, что ли, они друг друга раздевают, как говорится, до гола на потребу падкой на сенсации публике? Нет, конечно. Есть на то причины — экономические, политические, социальные и психологические.

Мы сходимся с нашими оппонентами в одном: жить по-старому дальше нельзя. Но и только; для наших оппонентов, например, прошлое — это сплошная пустыня. Ведь что сейчас происходит? Охавается вся наша 70-летняя история — ничего, ну, совершенно ничего хорошего, по их мнению, у нас не было, и виноват во всем один только Сталин. Фабрикуется версия: пришли бы к власти другие, такие, например, как Бухарин, Каменев, Зиновьев, и все было бы хорошо. Дошли до того, что Ленина пытаются сбросить с пьедестала, а на его место взгромоздить настоящего палача русского народа — Троцкого. Но, позвольте, после революции уже однажды расправились с историей России, охаживая ее с ног до головы. Выходит, по нашей истории, культуре наносится второй массивный удар. Но попробуй сказать об этом, сразу попадешь в черносотенцы и шовинисты. В лучшем случае сработает система замалчивания. Как это случилось, например, с выступлением писателя Василия Белова. Даже «Известия», публиковавшие выступления всех депутатов, не сочли нужным донести до народа слова человека, к голосу которого с любовью и вниманием прислушивается его многомиллионная аудитория. Вы поймете, почему это было сделано, если познакомитесь хотя бы с выдержками выступления, которое было опубликовано в журнале «Наш современник» № 10 за 1989 год.

Из выступления В. И. БЕЛОВА на первой сессии Верховного Совета СССР:

«Вчера мы обсуждали проект Закона о коллективных трудовых спорах. Какое безобидное, почти лирическое название! Но мы напрасно обманываем себя, дорогие товарищи депутаты. Забастовка всегда, а в нашей стране в особенности, является прежде всего политической акцией, и мы никуда не денемся от этого, никуда не спрячемся. Уже одно то, что забастовка при определенных обстоятельствах вызывает в государстве разруху, хаос, делает это явление политическим. Иногда забастовка равносильна общественному самоубийству. Существуют ли законные забастовки? Я не знаю. Знаю одно: когда горняки не спустились в забой, это бастовала сама Россия. Шахтеры отстаивали не «тормозки», не мыльные пайки, — они отстаивали прежде всего свои национальные интересы, то есть интересы русского и украинского народов. Потому что в штреки спускаются в основном украинцы и рус-

ские, да и у мартемов стоят тоже в основном они. Такова уж, извините, статистика. Рабочий класс складывался главным образом за счет этих республик, но именно в этих республиках меньше, чем в других, вузовских дипломов и квадратных метров жилья на душу населения. Здесь низкая рождаемость и высокая смертность мужского населения. Многие забастовщики — это сыновья и внуки вчерашних крестьян, уцелевших в годы великого перелома, в годы украинского и южнорусского геноцида 33—35-х годов. Иные виновники искусственного этого голода живы до сих пор. Фашистских преступников вылавливают и судят и сейчас, а наши доморощенные преступники живут и здравствуют.

Если бы речь шла только о прошлых обидах и бедствиях, может, и не было бы такого крайнего общественного потрясения, как массовая забастовка. Но ведь обиды и притеснения шли почти непрерывно, идут и по сей день. В Вологде и Череповце, например, половина рабочих всю жизнь живет в общежитиях. В Череповце обстановка такая, что больше половины детей рождаются больными. Многие люди и рождаются, и живут, и умирают в общежитиях, так и не обзаведясь семьей, — то есть квартирой...

Товарищи журналисты из так называемой леворадикальной прессы, только не приклеивайте мне ярлык шовиниста! Ничего не получится из этого. Я готов плакать, когда слушаю грузинские народные песни, радуюсь, что Армения выстояла, когда у нее трясла земля. Армения выстояла еще и при нашествии рок-музыки, этой чумы. Я радуюсь тому, что армянская молодежь отвергает так называемую сексуальную революцию, армянские девушки и женщины не разучились целомудренному достоинству. У меня радуется душа при виде грандиозного Певческого поля в Литве, я люблю стихи Навои и юмор Ходжи Насреддина. Я хочу, чтобы процветали все народы нашей страны, и, конечно, прежде всего русский народ. Неужели это называется шовинизмом?..»

■ **В. СВИНИННИКОВ:** Что же получается? Стоило Василию Белову выступить в защиту русского и украинского рабочего — вся печать дружно проигнорировала его. И так во всем.

Давайте разберемся спокойно. Вот, например, собирается общество «Мемориал» и предлагает поставить памятник жертвам сталинских репрессий 37—38-х годов. «Наш современник» публикует письмо Владимира Солоухина, в котором тот спрашивает: позвольте, а как же быть с миллионами погибших от голода в начале тридцатых годов? С женщинами, детьми и стариками, погибшими при так называемом «расказачивании» еще в 1918—1919 годах, с десятками, а может, и сотнями тысяч русских офицеров, расстрелянных в те же годы только за то, что у них еще сохранились следы от околных погон?

Солоухин только заикнулся об этом, как его тут же произвели в ярого «шовиниста» и «черносотенца».

Или такой момент. Мы до конца еще не осознали всей глубины трагедии уже наших дней — гибели тысяч и тысяч так называемых неперспективных деревень. Эта чудовищная по своим последствиям акция претворяется в жизнь на наших глазах, сегодня, сейчас. Но стоило нам назвать авторов ее, вновь в адрес журнала со страниц газет и журналов обрушился поток обвинений.

Кто-то ведь должен нести ответственность за уничтожение нашего крестьянства, за уничтожение нашей православной церкви, за уничтожение нашей культуры! Кто виноват в экономическом развале государства, обладающего неисчислимыми природными ресурсами? Вопросы, вопросы...

■ **ВОПРОС ИЗ ЗАЛА:** Есть ли выход из этого кризиса! Каким он видится вам и вашим оппонентам!

■ **В. СВИНИННИКОВ:** Многие экономисты и публицисты стараются сегодня навязать свой путь преодоления экономического и политического кризиса. При этом всячески нагнетается обстановка: если, мол, сегодня вы не прислушаетесь к нам, завтра будет поздно, вас ждет катастрофа, гибель...

■ **А. ГОРЛОВ:** Валентин Михайлович, позвольте привести характерный пример по этому поводу. Вот как «наше завтра» представляет читателям критикесса Наталья Иванова, аннотируя в «Огоньке» (1989, № 37) антиутопию Александра Кабакова «Невозвращенец».

«...Год 1992-й. Зимняя Москва после переворота. Где-то в стороне Масловки стучали очереди — похоже, что бил крупнокалиберный пулемет с бэтэзэра. В Кремле начинает работу Первый Чрезвычайный Учредительный съезд Российского Союза демократических партий. В гости к политическим партиям России на съезд прибыли зарубежные (обратите, пожалуйста, внимание, зарубежные) делегации: христианских демократов Закавказья (надо полагать, национал-демократическая партия Грузии во главе с Гиви Чантурия, которая еще в 1989 году со страниц республиканской партийной газеты «Заря Востока» призывала к непримиримой борьбе с СССР, также осчастливила российский съезд своим присутствием). Прибыли на съезд социал-фундаменталисты Туркестана, католические радикалы Прибалтийской Федерации, левые коммунисты Сибири (Сибирь, как видите, тоже отделилась уже от России. Но где же тогда гости из Белоруссии, украинская и молдавская делегации? О них автор не упоминает, поэтому не ясно, то ли они не пожелали почтить своим присутствием, то ли эти республики все-таки не вышли из состава Союза).

Президент подготовительного комитета — генерал, въезжающий в Московский Кремль хоть и не на белом коне, но на белом танке.

В стране голод. Москва — на военном положении. Бесчинствуют группировки различных сил, включая вооруженных националистов — «черноподдеванных» (тут, безусловно, имеется в виду «Память»). По вечерам граждане без «калашникова» не выходят. Наши дни — блаженные времена дефицита деликатесов и трудностей с водкой — вспоминаются почти как райские. Теперь иное: «Впереди, где-то у Страстной, грохнул взрыв. Выстрелы веером из подворотни напротив, жесткие проверки Комиссии Национальной Безопасности. Разруха. Черные руины. Кровь, ставшая повседневностью. Жизнь по талонам. Ненависть: «Сталин вам был плохой, Брежнев вам был плохой, вам Горбачев не угодил!.. Давай талоны и уходи отсюда, а то убью интеллигента московского...»

Военные окружают «престижные» дома. Силой осуществляется новое перераспределение. Расстреливать («Закон о вашем сокращении») жителей в дубленках и дорожных шапках ведут как врагов радикального выравнивания. Саперные лопатки (ох, как вы уже осточертели с этими саперными лопатками!). Оборванцы и голодающие. Спящие вповалку в метро. Рухнули благие апрельские начинания. Мы начали лечение. Длительный сложный процесс терапии. Но последовательности не хватило. А в 92-м — метастаз: его превосходительство генерал Панаев...»

Вот, дорогие товарищи, что, оказывается, ждет нас через каких-то два года...

■ **В. СВИНИННИКОВ:** Да, прекрасный образец пропаганды: всемерное, доведенное до полного абсурда нагнетание страха, неуверенности в завтрашнем дне. Все — глупость, наглость, все идет в ход, ничем не брезгуют для достижения своих целей.

Но давайте посмотрим, что же нам предлагается в качестве выхода из кризисного состояния?

Возрождение частной собственности, привлечение иностранного капитала, распродажа иностранцам нашей земли, за которую, между прочим, наши предки так много пролили крови. Ну, и еще одна панацея от всех бед — взять у капиталистов многомиллиардные займы и пустить их на ширпотреб. К чему это может привести, мы знаем на примере многих африканских стран, которые, попав в долговую кабалу к Америке, работают только на погашение процентов, ибо ни один капиталист без процентов не ссудит тебе ни одного доллара.

Публицист Николай Шмелев прекрасно, конечно, об этом осведомлен и все-таки, выступая по телевидению, не постеснялся сказать, что у нас осталось еще золотого запаса на 35 миллиардов инвалютных рублей и что нам, мол, просто необходимо

под этот запас взять кредиты и накормить людей. Ах какой благодетель! Проедем за год-два свой золотой запас, а дальше что? Мы и так на протяжении многих лет «проедаем» свое стратегическое сырье — нефть, газ, лес... Проедем все, вот уж тогда точно на коленах придется ползти к капиталистам в рабство, потому что тогда капиталисты будут диктовать нам свои условия.

Что же предлагают публицисты нашего журнала?

Да, говорим мы, страна переживает тяжелые времена. Где искать выход? В «Нашем современнике» (1989, № 9, 10) опубликована статья Михаила Антонова, которая так и называется «Выход есть». Не стану пересказывать ее содержания — желающие могут прочитать сами, упомяну лишь об одном: в 1941 году мы пережили более трудное время. Пережили потому, что партия в грозный час испытания не постеснялась с самой высокой трибуны сказать народу жестокую правду и призвала к борьбе. И сегодня нужно сказать такие слова: давайте, если надо, затянем пояса. Горькие слова, понимаю. Давайте законсервируем временно, так сказать, до лучших времен, дорогостоящие программы, сократим международную помощь, содержание огромной армии зарубежных работников. Давайте, наконец, установим точную картину, кто же у нас работает, а кто ест, но не работает. Уверен в одном — резервов у нас для оздоровления экономики, повышения жизненного уровня народа непочатый край. Надо только на деле превращать в жизнь перестройку, а не забалтывать ее, выдвигая неосуществимые программы и проекты.

■ **Майор А. СИМОНОВ:** Валентин Михайлович, у вас нет такого ощущения, что в стране действуют мощные антиперестроечные силы, способные на корню загубить любую идею!

■ **В. СВИНИННИКОВ:** Согласен. Рекомендую всем прочитать киноповесть Вадима Цецкова «В схватке», напечатанную в «Молодой гвардии» (1989, № 9). Она написана задолго до наших дней, но написана про то, что происходит сегодня. На ваш вопрос, однако, давайте попросим ответить Александра Ивановича Казинцева.

■ **А. КАЗИНЦЕВ:** В предисловии к книге, о которой говорит Валентин Михайлович, старший следователь Мосoblпрокуратуры В. Осипов пишет о том, что автор затрагивает самый нерв нынешней идеологической борьбы, которую иные из публицистов, кичащиеся собственной агрессивностью, открыто называют своей «маленькой гражданской войной». Автор показывает нам силы, противодействующие перестройке. Проходимцы, дельцы от науки и искусства, уголовные элементы, мафиози, люди, скупаемые често-

любием, жадной тщеславия, обогащения и наживы, легко находят друг друга и так же легко оказываются послушным орудием в руках тех, кто цепко, последовательно, с отменной профессиональной выучкой плетет паутину антисоветизма. Подкармливаем-ие из-за кордона, эти силы готовятся в наступление по всему фронту. Уже сейчас они на волне гласности и демократизации активно проникают в коридоры и кабинеты власти, захватывают средства массовой информации, пытаются дестабилизировать экономику и политическое состояние общества.

Недооценка опасности, которую представляют эти силы, благодушествование при виде двойной морали «застрельщиков» перестройки, с необыкновенной легкостью манипулирующих коммунистическими лозунгами, принципами ради своих целей, чреватые тяжелыми последствиями. Разоблачение международных подрывных сил, их пособников внутри страны хотя и показывает накал нелегкой борьбы, но еще не обеспечивает ее исход. Автоматический исход схватки не предрешен, мы ощущаем это постоянно. И лишь от участия в этой борьбе каждого гражданина теперь зависит, потеряем ли мы свою самостоятельность и станем сырьевым придатком международных монополий или сумеем дать им отпор, а тем самым сохраним свою свободу и независимость. Да, вот так сейчас стоит вопрос: быть или не быть?

■ **Лейтенант В. КОРНЕЕВ:** Александр Иванович, можно ли считать, что накал страстей на международной основе, которые вдруг вспыхнули во многих регионах, кем-то дирижируется, что кто-то просто спекулирует на нарушенных проблемах?

■ **А. КАЗИНЦЕВ:** Давайте порассуждаем, что самое страшное для перестройки? Дестабилизация обстановки в стране. Вам непосредственно приходится не по своей воле то тут, то там гасить конфликты. Можете ли вы с уверенностью сказать, что они возникают спонтанно и независимо друг от друга? Я, например, такое утверждать не стану. Более того, мне кажется, что все эти конфликты надо гасить не только на местах, но и, пожалуй, в Москве.

В «Литературной газете» еще в 1985 году — в самом начале перестройки — философ Кэнтон неосторожно привел «формулу нестабильности». Он заявил, что «стабильность — это самое страшное для перестройки». Как говорится, «кому война, а кому мать родна». И вот мы стали свидетелями, как услужливые сторонники «формулы нестабильности» бросились подрывать стабильность: Прибалтику объехал В. Коротич, М. Шатров — Прибалтику и Молдавию, в Тбилиси «поработал» Марк Захаров. Пародист Александр Иванов — этому из Москвы не надо уезжать никуда — заявил корреспонденту «Советской

Эстонии»: «Я у вас не был, но все мои симпатии на вашей стороне, я интуитивно чувствую, что прав, отдавая свои симпатии Народному фронту Эстонии, а не Интердвижению».

Вот кто разжигает страсти, вот кто реализует «формулу нестабильности» в стране. Сейчас идет массированная атака на Белоруссию. Весной прошлого года мы были в Минске и можем засвидетельствовать, что на сегодняшний день это самая стабильная республика — поэтому, видимо, решили и здесь «посеять смуту», чтобы и здесь воцарилась нестабильность.

■ **А. ГОРЛОВ:** Да, так и было: «Огонек» публикует информацию, что в Минске внутренние войска разогнали демонстрацию, что при этом избивали даже девушек. А наших войск там и в помине не было...

■ **А. КАЗИНЦЕВ:** Бьют по Минску, а одновременно бьют по МВД, по внутренним войскам и по армии, потому что МВД и армия — это последние гаранты стабильности. На примере Польши мы знаем, что, когда кризис там достиг предела и казалось, страна вот-вот будет ввергнута в хаос, этого все же не произошло, так как армия и МВД обеспечили стабильность. Но в Польше не было таких массированных атак на армию, авторитет ее в народе высок, потому она и смогла успешно решить трудную задачу. У нас, кажется, это учли, потому и делается все, чтобы подорвать авторитет армии у населения, чтобы, если вдруг появятся бронетранспортеры с солдатами, так их встречали, как ненавистных оккупантов, а то и убийц, которые, если вы не забыли, гоняются за старушками и убивают их саперными лопатками.

■ **РЕПЛИКА С МЕСТА:** По многолюдной улице в центре Тбилиси целый километр бежал солдат с саперной лопаткой за старушкой — и никто его не остановил! Да и старушка, она что — чемпион мира по бегу!..

■ **А. КАЗИНЦЕВ:** Этих людей отсутствие логики не волнует — лишь бы ошеломить, поразить... У нас на вечере недавно побывали депутаты Верховного Совета и рассказали, что им показали фильмы о тех апрельских событиях в Тбилиси: один снят сотрудниками КГБ, другой — грузинскими кинематографистами. И ни в том, ни в другом сцен насилия, в которых обвиняют армию, не было. Дело все в том, что грузинские кинематографисты хорошо владеют приемом наложения дикторского текста на зрительный ряд: например, показывают беснующиеся толпы, а текст настойчиво внушает, что это все творят солдаты. И так во всем. Пока однобокая гласность получается. Ведь, если дать возможность выступить перед народом всем силам — и тем, кто выступает за стабильность, и тем, кто несет хаос и разрушение, народ поймет, что есть кто.

94

■ **В. УСКОВ:** Александр Иванович, мы в этом смогли убедиться здесь же, в этом зале, во время встречи с воинами—участниками тбилисских событий А. Сахарова со товарищи. Они попытались устроить настоящий суд над солдатами, привезли с собой тележурналистов из «Взгляда». Но по телевидению ничего не показали, так —отделались минутной передачей...

■ **А. КАЗИНЦЕВ:** Я помню ту передачу, помню, что вам тогда по существу рот заткнули дикторским текстом. Это, как я уже говорил, их обычный прием. Они не хотят пропагандировать честно свои взгляды, а настойчиво навязывают их огромной массе людей, всей стране. Примеров тому несть числа.

Вы помните, наверное, «Литературная газета» вела «Диалоги недели»—в каждом номере печатался диалог критиков противоположных взглядов и направлений. В июле такого диалога в газете не появилось. Могу сказать почему. На той встрече я выступил против «московской группы» — Адамовича, Полова, Юрия Афанасьева. Редакция пошла на то, чтобы сорвать свою традиционную рубрику, только бы не дать возможности высказать критику в адрес этой «московской группы». Вот он—реальный плюрализм—в действии. Так что не от избытка гласности, как тут кто-то говорил, мы страдаем, а от односторонней гласности. От того, что печать отдана тем, повторю, кто сеет нестабильность, стремится расчленив страну. А эти планы вполне реальны. И речь уже идет не только об отделении союзных республик, а о раздроблении РСФСР. Планы эти не новы, о них говорил эмигрант из Советского Союза Била-Белоцерковский, который сейчас работает на радиостанции «Свобода». В 70-е годы он обратился с «Письмом к будущим вождям СССР», где призывал все народы к «самоопределению», а по существу—к разрушению нашего государства. Сейчас к этому открыто призывает вся леворадикальная пресса. В той же «Литературной газете» некто Алексеев пишет, что у нас такая огромная страна, что ею стало трудно управлять, и предлагает, по существу, воссоздать Дальневосточную Республику, Сибирь, столицу Российской Республики перенести в Ленинград. Вы, конечно, поняли, что все остальные республики при этом уже стали самостоятельными государствами.

Авторы «Огонька» ратуют за отделение от РСФСР любой народности, проживающей на ее территории, какой бы малочисленной она ни была. Его не волнует, что будут делать с этой самостоятельностью малые народности, смогут ли они сохранить свою независимость или хотя бы просто выжить. Но ведь все это уже было после революции, когда отпали все республики, огромные части собственно российской территории—та же, на

пример, Сибирь, Дальневосточная Республика. Однако все они потом вновь соединились. Нет, не Красная Армия их воссоединила—для этого у нее просто не хватило бы сил. Воссоединились потому, что это было естественно, что одна судьба, одна история объединяют нашу страну. Именно благодаря такому союзу мы смогли отстоять свою независимость в последней—самой страшной войне.

Давайте хоть на минутку представим: планы расчленения осуществились, что дальше?

Уже сейчас та же Латвия предъявляет претензии на Пыталовский район Псковской области, Литва заявила свои права на часть Калининградской области России, Армения из-за территориальных претензий на грани войны с Азербайджаном. Наверное, кое-кому очень хочется вернуть историю России на несколько веков назад, когда, разделенная на отдельные княжества, она вела смертельную братоубийственную войну, что привело к установлению почти на триста лет татаро-монгольского ига.

■ **ВОПРОС ИЗ ЗАЛА:** Вы допускаете возможность у нас новой гражданской войны?

■ **А. КАЗИНЦЕВ:** Мы еще только начали говорить об этом, а в Америке все уже просчитали на компьютере. И вышло у них, что обострение межнациональных отношений может привести к конфликтам, в которых погибнет от пяти до семи процентов населения, а это 15—20 миллионов человек.

Вот так: там, за океаном, просчитывают на компьютере, а здесь пытаются осуществить все на деле. Мы не должны позволить втянуть себя в планетарные игры! Слишком многое поставлено сейчас на карту — сохранение не только наших с вами жизнью, сохранение наших народов. Но что для них жизнь и судьба народов. Помните, еще Лев Троцкий с потрясающим цинизмом заявил, что русский народ, например, это всего лишь вязанка дров, которую можно бросить в костер истории.

■ **В. УСКОВ:** Не кажется ли вам, Александр Иванович, странным, что в последнее время именно на русский народ пытаются свалить ответственность за все наши беды! В каких только грехах — мыслимых и немыслимых — не пытаются обвинить его. Но ведь русский народ вынес не менее, а скорее, более всех тягот и невзгод. И репрессии, и голод. И обдирали его как липку. Да и сейчас положение РСФСР в стране, пожалуй, самое тяжелое. Ведь только в России планомерно уничтожено свыше 500 тысяч неперспективных деревень. Разве это не трагедия!

■ **А. КАЗИНЦЕВ:** Кто из вас прочитал повесть Гроссмана «Все течет», опубликованную в журнале «Октябрь», тот не мог не почувствовать ненависти, именно ненависти, я не преувеличиваю, к русскому

народу. Обо всех качествах русского народа поведал нам русскоязычный автор — русской широте и русском скупердяйстве, русской святости и русском бандитизме, о русском подвижничестве и русском мошенничестве... И каждый раз писатель не забывал прибавлять определение «рабская душа». Рабская душа русского народа сказала в его широте, в святости и даже в его талантливости, потому что в представлении Гроссмана он не может быть никаким другим, кроме как рабским. И тысячелетняя наша история — постоянная кровопролитная борьба за свою независимость — лишь подтверждение, по его мнению, рабской сущности русского народа.

Редакция «Октябрь», опубликовав эту повесть, оскорбила чувство национального достоинства огромного народа. Если бы Гроссман сказал такое об армянском, якутском, еврейском, какая бы буря негодования поднялась не только в нашей стране, но и во всем мире!

■ **В. УСКОВ.** Хотелось бы упомянуть еще об одной публикации «Октябрь» — эссе Синявского (Абрама Терца) «Прогулки с Пушкиным». Все здесь направлено на то, чтобы осквернить поэзию гениального русского поэта. Творческий дух гения объявляется «пустотой мертвого дома, ходячего трупа». Воистину ничего святого нет для Абрама Терца, а следовательно, и для «Октября», опубликовавшего подобный пасквиль.

■ **А. ГОРЛОВ:** Известно, что «Наш современник» выступил с критикой «Октября» за эти публикации...

■ **А. КАЗИНЦЕВ:** Мы не могли поступить иначе. Вы посмотрите, какая парадоксальная ситуация — журнал российской писательской организации обливает грязью русские святыни! Примеров таких, к сожалению, можно привести немало.

Когда прибалтийские парламены принимали дискриминационные законы, которые отводят русским в этих республиках роль «черной рабочей силы», да при этом народный депутат с высокой трибуны делает оговорку, что «надо еще посмотреть, чтобы русские заслужили право быть рабочей силой Эстонии в силу их низкого умственного развития», в это время представитель ленинградской интеллигенции Денисов заявляет: русские должны уступить. В это же время представитель московской интеллигенции, некто Когальский, предупреждает русских в Прибалтике, чтобы они не забывали поговорку: «В чужой монастырь со своим уставом не ходят».

Вот эта часть русской интеллектуальной элиты, к сожалению, оказалась совершенно чуждой своему народу. Она прекрасно понимает тех, кто дискредитирует наш народ, навязывает ему почти рабские условия, но никак не желает услышать его боль и тревоги.

Когда вы встречались с группой народных депутатов — я читал стенографический

отчет об этой встрече в журнале «На боевом посту», — увидел то же самое «взаимопонимание» с теми, кто сбросил в вас камни, с теми, от чьих рук погибли в Абхазии сотрудники МВД — с ними, но не с вами. Вы говорили им о своих проблемах, о своей боли, страданиях, а они вас просто не желали слушать и понимать. Как это так — у этого народа, этих людей может быть своя боль? У любого другого, который против русского, у того она может быть.

Вот против чего выступал и будет выступать «Наш современник». Естественно, такая позиция не может их устраивать. Поэтому они и обрушили на наш журнал огонь из «всех видов оружия», когда мы посмели покритиковать «Октябрь».

■ **А. ГОРЛОВ:** Еженедельник «Книжное обозрение» опубликовал тогда в знак протеста письмо, подписанное многими академиками, докторами наук, писателями; в том числе, конечно, академиком Сахаровым и писателем Васильевым, в котором была дана журналу «Октябрь» недвусмысленная рекомендация выйти из-под контроля Союза писателей РСФСР. Что вы скажете по этому поводу!

■ **А. КАЗИНЦЕВ:** Известно, что Россия не имеет ни своей Академии наук, ни своей партии — одним словом, не имеет даже иллюзорной самостоятельности. Поэтому, естественно, им бы очень хотелось, чтобы она не имела и ни одного органа печати, чтобы безраздельно властвовать через средства массовой информации над людьми, навязывать им свои идеи, свою «правду», свое государственное устройство. И когда находятся все-таки люди, кто открывает глаза на происходящее, — они все делают для того, чтобы дискредитировать их или даже уничтожить политически.

Однако истинная правда — это правда всего трудового народа. Она одна. И меня радует, что все больше людей начинают понимать, куда нас ведут Коротичи и Поповы. Перечитывая дневники легендарного красного казачьего командарма Ф. Миронова, ставшего, как и многие сотни тысяч других казаков, жертвой проводимого Л. Троцким и его приспешниками политики геноцида в отношении славянских народов, наткнулся на запись. Она меня поразила своей простотой: «Правда, являясь двигателем лучших, возвышенных сторон человеческой души... в своем голом виде тяжела, и кто поведет с нею дружбу, завидует такому человеку не рекомендуются... Но жить без нее невозможно. И всю жизнь я тянусь к этому идеалу...»

Я лично тоже верю в торжество правды, каким бы тернистым ни был к ней путь. Наш народ немало пережил тяжелейших невзгод и от внутренних, и от внешних врагов. Были в истории такие моменты, когда казалось: все — гибель народа неизбежна, но он всегда находил в себе мужество собраться в последний момент и

одержать победу. Уверен, и сегодня, какие бы силы ни противостояли, народ наш выдержит. Найдутся у нас и герои, способные организовать, поднять всех на защиту своего дома.

■ **РЕПЛИКА ИЗ ЗАЛА:** Скажите, Борис Ельцин — герой или не герой? Что вы о нем думаете!

■ **А. КАЗИНЦЕВ:** Бориса Николаевича давно знает Валентин Михайлович. Ему, как говорится, и карты в руки.

■ **В. СВИНИННИКОВ:** Вопрос, что называется, в лоб, но ответить на него столь же прямо, боюсь, не смогу.

С Борисом Николаевичем Ельциным я встречался еще в Свердловске. Поражала открытость Ельцина — он был тогда первым секретарем обкома партии. Запомнилось совещание молодых литераторов, на котором он выступал. Ребята говорили: что же он делает? Так расплеснулся перед нами, все боли, тайны партийной работы раскрыл! Уральцы его уважали, да и в Москве за короткое время такой авторитет завоевал. А потом начало что-то происходить, чего я никак не могу понять: оказался в «межрегиональной группе»... «Скандалная» поездка в Америку. История с покушением, которого не было. И, наконец, его последнее заявление, опубликованное в Эстонии, если не ошибаюсь. Такое впечатление, что кто-то искусственно создает ему популярность народного вождя, раздувает авторитет — и все это делается какими-то «гангстерскими» приемами. Будто Михаил Сергеевич Горбачев, другие члены Политбюро всячески пытаются его осадить, порой — даже опорочить. Перепечатка в «Правде» из итальянской газеты о нем — это, мол, темная и некресивая история. Жест с одноразовыми шприцами — тоже из дешевенького репертуара. Ну а восторги перед американским образом жизни, я бы сказал даже неприличные, ставят его в один ряд с нашими оппонентами — Г. Поповым, Н. Шмелевым и другими, кто пытается, как мы уже говорили, толкнуть нашу страну по западному, т. е. капиталистическому, пути. С выводами, однако, спешить не будем. Время — лучший судья — покажет, кто есть кто.

■ **А. ГОРЛОВ:** Наша встреча подходит к концу. Валентин Михайлович, чем «Наш современник» порадует читателей в нынешнем году? Расскажите о редакционных планах.

■ **В. СВИНИННИКОВ:** Мы уже сообщали, что начинаем печатать роман А. Солженицына «Октябрь шестнадцатого», право на публикацию которого автор передал нашему журналу. В редакционном портфеле романы В. Пикуля «Сталинград», Ю. Бондарева «Желание», вторая часть романа молодого талантливого писателя Сергея Алексеева «Крамолла».

У нас в стране у верующих пока нет своего популярного журнала, поэтому мы решили ввести новую рубрику «Свобода

совести», где будем печатать материалы об истории: русской православной церкви, о судьбах ее подвижников, ее сегодняшнем дне.

Именно вас, воинов внутренних войск, должна, на мой взгляд, заинтересовать еще одна новая рубрика — «Отечественный архив». Подготовлены к печати исторические очерки писателя первой эмиграции Р. Гуля о крупнейших деятелях ЧК — ОГПУ...

■ **Г. КАСМЫНИН:** Как всегда, на страницах журнала широко будет представлена и поэзия. Свои новые стихи опубликует у нас Юрий Кузнецов, Владимир Солоухин, Николай Тряпкин, Василий Казанцев... Из архивных публикаций — стихи Николая Клюева, Марины Цветаевой, Ярослава Смелякова...

Затем по просьбе присутствующих Геннадий Касмынин почитал свои стихи, рассказал о своей службе во внутренних войсках. Он сказал: «Вы сейчас находитесь на переднем крае борьбы. Не забывайте об этом. И пусть не смущают ваши души ни злобные крики, ни хулиганские действия экстремистов. Вы защищаете правое дело. Защищаете, как это было в Фергане, Грузии, Нагорном Карабахе, жизнь простого трудового народа. И помните, что мы с вами...»

■ **А. КАЗИНЦЕВ:** Вот еще о чем хотелось бы сказать: нас называют «черносотенцами», а мы публиковали и будем публиковать материалы, посвященные драматическим страницам истории украинского, белорусского и других народов, поднимать остросоциальные проблемы сегодняшнего дня. Но при всем том Россия остается нашей главной болью — любовью и болью. Горько сознавать, что наша нынешняя раздробленность делает нас слабыми. Малые нации чувствуют острую необходимость «выжить», поэтому они сплачиваются. А мы считаем, что нас много и думаем, что нам ничто не угрожает. Ошибочное мнение. Пора понять, что, как и малым народам, нам угрожают определенные, вполне уже проявившие себя силы. Нам надо сплачиваться. Гениальный Достоевский перед смертью записал в дневнике: «Самоуважение нам нужно, а не самооплевание». Вот на этой позиции и будет стоять «Наш современник».

■ **А. ГОРЛОВ:** В заключение хотелось бы подчеркнуть, что внутренние войска в силу объективных обстоятельств оказались в центре внимания средств массовой информации. И нам не безразлично, что пишут о нас, какими мы предстаем с экрана телевизора. А чтобы деятельность войск оценивалась объективно, важно чаще встречаться с теми, кто формирует общественное мнение, обмениваться точками зрения, искать и находить пути к истине. Именно эту цель мы ставили перед собой сегодня и, думаю, достигли ее.

Беседу записали
полковник П. СТУДЕНИКИН,
подполковник В. ГОНДУСОВ

скульптор своего тела

Мастер спорта СССР Валерий БОГДАНОВИЧ делится с читателями секретами своих тренировок

В прошлом номере мы рассказали об истории атлетизма и известном атлете Валерии Богдановиче, который показал лучший среди советских спортсменов результат на 46-м чемпионате мира в австралийском городе Брисбене. Сегодня ему слово.

Часто поклонников атлетизма называют скульпторами своего тела. Мне такое сравнение импонирует. В нем точно схвачена суть тренировки — творческое, направленное воздействие на различные мышечные группы.

Начнем с самого травмоопасного движения — приседания со штангой на плечах. Гриф должен лежать не на шее, а на напряженных трапецевидных мышцах. Для этого разверните плечи, подайте грудь вперед и слегка прогните спину. Присели. Самый ответственный момент — подъем. Первыми движение вверх должны начинать плечи. Ни в коем случае не отводите таз назад-вверх. Это двойная ошибка — штанга начинает гнуть ваш позвоночник, и работают не мышцы бедра, а ягодичные. Центр тяжести должен падать на пятки. Если вы почувствовали нагрузку на носки, значит, движение выполнено неправильно.

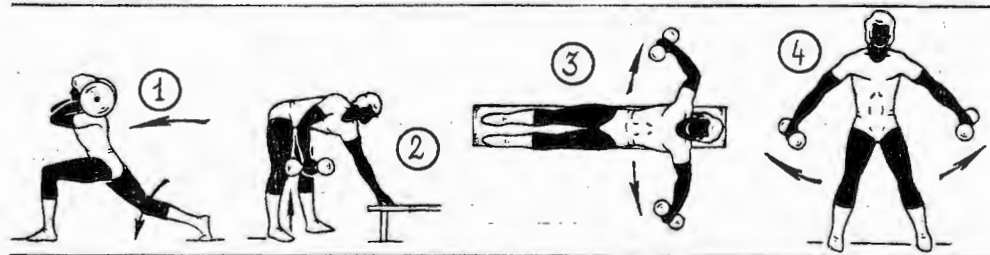
Перейдем к различным тягам стоя. Спи-

ну держать так же, как и при приседаниях, — слегка прогнутой. Ноги на ширине плеч и согнуты в коленях. В конечном положении, когда вес поднят, лопатки должны быть соединены вместе. Типичная ошибка: в момент движения отягощения вверх новички подворачивают кисти.

Жимы. Основное правило — локти следует держать развернутыми в стороны, иначе в работу включаются не только мышцы груди, но и трицепсы. Нет нужды стремиться полностью выпрямлять руки — меньше вероятности получить травму связок. Это же правило действует при разводках гантелей в стороны — руки, согнутые в локтях, отведены в стороны. К примеру, разводка стоя в наклоне. Представьте, что у вас в руках вместо гантелей стаканы с водой. Разводите руки так, чтобы вода полностью вылилась из стаканов. Для этого во время движения мизинец все время должен быть выше большого пальца.

Подъемы на бицепсы. Упражнение с виду нехитрое, но и здесь есть маленький нюанс — отягощение должно двигаться по дуге. Чтобы этого добиться, нужно выполнить два условия. Во-первых, зафиксировать локти посередине корпуса. Во-вторых, в нижнем положении отягощение нельзя упирать в бедра.

Для трицепсов есть несколько упражнений. Скажем, «французский жим». Чтобы правильно его выполнить, достаточно держать локти неподвижными. Более сложное — отжимание на брусьях узким хватом. В

этом случае трицепс работает лишь в начале движения из верхней позиции вниз, потом включаются грудные мышцы. Поэтому для тренировки трицепса достаточны короткие, без максимальной амплитуды, отжимания.

Подобные короткие движения применяются и для проработки мышц брюшного пресса. Лишь в начальных комплексах, когда пресс еще слабый, можно выполнять полное движение, опытные же атлеты делают короткие движения. Скажем, подъемы туловища из положения лежа на наклонной скамейке. Чтобы достичь лучшего эффекта, корпус должен находиться в согнутом, похожем на знак вопроса положении. Для этого руки положите за голову, локти сведите, подбородок прижмите к груди.

Несколько слов о дыхании. Есть простое правило — на максимальном усилии старайтесь сделать выдох. Если вес отягощения будет близок к максимальному, то у вас получится естественная задержка дыхания — натуживание. Но в атлетизме мы редко работаем с предельными весами.

Теперь, когда вы познакомились с техникой выполнения упражнений, перейдем к тренировке. Первый комплекс рассчитан на 6, 9 или 12 недель, в зависимости от степени вашей физической подготовленности. Людям со слабой подготовкой совету, прежде чем приступить к занятиям с отягощениями, укрепить сердечно-сосудистую систему — один-три месяца посвятить бегу трусцой.

Итак, комплекс. После активной разминки предпочтительны упражнения на растяжку. Переходим к основным упражнениям.

1. Стоя, штанга на плечах. Выпады вперед, попеременно правой и левой ногой, стараясь коснуться коленом пола (2—3 подхода по 10—12 повторений).

2. Стоя в наклоне, одной рукой опереться на скамью, в другой гантель. Тяга отягощения к тазобедренному суставу. Не отдыхая, переменить руки (2—3 x 10—12).

3. Лежа на горизонтальной скамейке, разводка гантелей в стороны (2—3 x 10—12).

4. Стоя, гантели в опущенных руках, подъемы рук через стороны вверх (2—3 x 10—12).

5. Стоя, штанга в опущенных руках, хват узкий сверху. Тяга к подбородку (2—3 x 10—12).

6. Стоя, штанга в опущенных руках, сгибание рук в локтевом суставе — подъемы на бицепс (2—3 x 10—12).

АТЛЕТИЗМ — ЭТО КРЕПКОЕ ЗДОРОВЬЕ.

96

АТЛЕТИЗМ — ЭТО СТИЛЬ ЖИЗНИ.

АТЛЕТИЗМ — ЭТО ГАРМОНИЯ ТЕЛА И ДУХА.

7. Упор лежа, руки вместе. Отжимания от пола (2—3 x 10—12).

8. Сидя на скамье, ноги согнуты в коленях. Подъемы ног до касания колен грудью (2—3 подхода с максимальным количеством повторений).

Как я уже сказал, заниматься по этому комплексу следует 1,5—3 месяца. Причем нагрузка должна постепенно возрастать. Дозировать ее можно несколькими способами. Во-первых, количеством тренировок в неделю. В первый месяц занятий я тренировался два раза в неделю, делая между тренировками двухдневный отдых. Через месяц перешел на три тренировки: понедельник, среда, пятница. Суббота и воскресенье — отдых. Советую тем, кто начнет занятия по первому комплексу, поступить так же. Это поможет избежать переутомления и разочарований в системе.

Во-вторых, нагрузку можно регулировать, постепенно сокращая время отдыха между подходами. На первых тренировках отдых должен длиться 2,5—3 минуты, к концу занятий по первому комплексу — 1,5 минуты.

И, наконец, третий, наиболее применимый в атлетизме способ — нагрузка дозируется путем изменения веса тренировочных отягощений. Вес снарядов подобран правильно, если с максимальным усилием вы можете в 2—3 подходах выполнить лишь по 10 повторений. Однако в последнем подходе вы должны пытаться сделать хотя бы на одно повторение больше. Когда ваша сила возрастет настолько, что вы сумеете в каждом подходе выполнить по 12 повторений, увеличьте вес отягощений, чтобы вашим пределом вновь стали 10 повторений.

Настоятельно советую вести дневник тренировок. Через несколько месяцев вы сравните цифры и, уверен, будете приятно удивлены тем, насколько возросла ваша сила.

Записал С. МАЗУРЕНКО.

Отчаяние

Юлиан СЕМЕНОВ

РОМАН

его ввели, он увидел Сашеньку, сидевшую на табурете.

Это была не Сашенька, а седая женщина с морщинистым серым лицом и высохшими руками; только глаза были ее — огромные, серые, мудрые, скорбные, любящие...

— Садитесь на вторую табуретку, — сказал Сергей Сергеевич. — Друг к другу не подходить, если ослушаетесь, прервем свидание. Я оставляю вас наедине, но глазок камеры открыт постоянно, за нарушение будет отвечать Гаврилина — три дня карцера.

И, по-солдатски развернувшись на каблуках, Сергей Сергеевич вышел из камеры...

— Любовь моя, — сказал Исаев и понял, что он ничего не сказал, — пропал голос.

— Любовь моя, — повторила Сашенька. — Максимушка, Максим Максимович, нежность вы моя единственная...

Зачем я не умею плакать, горестно подумал Исаев, как счастливы те, кто может дать волю слезам; от инфаркта чаще всего умирают улыбочивые люди.

— Двадцать лет назад... Я видел в Шанхае сон... Будто я вернулся к тебе, в Москву... И мы едем на пролетке, — прошептал он, откашлявшись.

У Сашеньки задрожал подбородок...

Я оставил ее, повинуюсь приказу, пришедшему во Владивосток из этого дома, подумал Исаев. Ей было двадцать тогда... А сейчас? Измученная старенькая женщина... И я не имею права сразу же спрашивать о сыне, я должен что-то сказать ей...

— Ты похудела, любовь, но тебе это очень... Даже не знаю, как сказать... К лицу...

— Максимушка... Я же знаю про себя все... Женщины все про себя знают... Даже если отобрали зеркальце... Я старуха. Максимушка... Глубокая старуха... Вы меня не успокаивайте, вы ж всегда подтрунивали надо мною, вот и сейчас будьте таким... Я вас тоже видела во сне... Это были какие-то кинофильмы, а не сны...

— Ты сказала «отобрали зеркальце», — Исаев осмотрел камеру; сразу же обратил внимание на большую отдушину, понял, что их не только записывают, но и снимают. — Тебя давно арестовали? В чем обвиняют? Говори быстро, потому что могут прервать свидание...

Сашенька покачала головой:

— Мне сказали, что не прервут, дали четное слово... И разрешили отвечать на все ваши вопросы... Можно я спрошу, Максимушка?

— Конечно, любовь...

— Вы были верны мне все эти годы?

Ее заставили задать этот вопрос, понял Исаев, до конца ощутив их трагическую, непереступаемую отгороженность друг от друга: дело здесь не в том, что она говорит мне «вы», она и во Владивостоке так говорила, дело в другом, совсем в другом, нам обоим неподвластном.

— Я люблю тебя, — ответил он, неотрывно глядя в ее лицо, словно бы стараясь снять морщины, пепельность, отеки, чтобы увидеть прежнюю Сашеньку. — Я всегда любил тебя...

— Но ведь вы живой человек... У вас были женщины?

— Да.

— И они ничего не значили в вашей судьбе?

Зачем она говорит это, подумал Исаев,

Продолжение. Начало в № 1.

Нельзя так говорить, это совсем даже и не Сашенька, это не моя Сашенька... Я же никогда не посмею спросить, был ли у нее мужчина. Конечно, был, но ведь любовь, такая, как наша, отмечена иной печатью, другим смыслом...

— Они оставили рубец в душе, потому что их из-за меня убили, — ответил он и ощутил, что сердце наконец перестало колотиться, как заячья лапка.

— Вы совсем не изменились... — прошептала Сашенька. — Такой же красивый... Нет, даже еще красивей... Вам так идет седина... Спасибо, что вы сказали правду... Вы всегда были таким чистым человеком... Только чистые люди честны... Помните, на занйке у Тимохи я говорила, что твои... что... ваши читатели режут фамилию «Исаев» под статьями, когда заклеивают газетами окна на зиму.. Я ж поняла тогда, кого вы называли «читателями».

— Я это чувствовал, любовь... Я был так благодарен тебе за это... Мужчина очень гордится, когда любимая все про него понимает... Ведь понять — это значит простить, нет?

— Понять — это значит любить, Максимушка... Вы не спрашиваете про Санечку... Почему? Не хотите сделать больно?

— Да... Не знаю... За эти годы я привык ждать, когда сам чело... Фу, как ужасно я говорю... Я растерян, Сашенька... Да, я привык, что люди сами говорят то, что посчитают нужным сказать... Но ведь ты не человек... Ты — Сашенька...

— Наш Санечка пропал без вести, — из ее глаз покатались слезы; лицо было прежним, страдальческим, но губы все же таили в себе какое-то умиротворение, появившееся в первое мгновение их встречи. — Санечка пропал в Праге, в последний день войны... Когда выступили власовцы...

— Ты запрашивала командование? Где он был до исчезновения? С кем встречался? Адреса?

— Я писала всем... Я обратилась даже к товарищу Сталину...

— Отвечали?

— Да... «Никакой информацией не располагаем»... Я писала и товарищу Берии... Три раза... Меня пригласили на Кузнецкий мост...

— Куда? — Исаев не понял. — Что это?

— Это приемная Министерства государственной безопасности...

— Ну? — спросил он нетерпеливо и по-нял, как бестактен он с этим своим требовательным «ну?».

— Мне сказали, — Сашенька замолчала надолго, потом снова заплакала. — Мне сказали, что Санечка ушел с власовцами...

— Это ложь, — отрезал Исаев.

— Я сказала то же самое.

— Мне обещали с ним встречу, любовь... Или мне врал, или он тоже сидит... Ты давно тут?

— Нет... Меня только что привезли из Бутырок.

— Я спрашиваю, давно ли тебя арестовали?

— Три месяца назад.

Когда я вернулся, сразу же понял Исаев; чуть ли не в тот же день...

— В чем тебя обвиняют?

Из ее глаз еще горше покатались слезы, которые как-то странно молодили морщинистое лицо; безустойчивость свойственна детству или юности, люди средних лет и старики готовы к потерям, в них нет такого отчаяния, как в малыше или девушке; те еще слишком остро ощущают несправедливость, свою незащищенность и малость, страшное противостояние огромного мира; потом это проходит; утраты меняют людей.

— Сначала пришла похоронка на вас... Потом про нашего Санечку написали... что он пропал без вести... Это очень позорно, вы ведь знаете, как это у нас позорно... А я кинохронику смотрела, боя за Будапешт, бежал иаш солдатик, а потом вдруг исчез, прямое попадание мины, облачко, ямка, и ни следа от человека... А матеря его: «пропал без вести»... Ни пенсии, ни помощи...

— Саня жив. И он не предатель, — повторил Исаев. — Пожалуйста, верь мне, любовь...

— Вы не называете меня по имени... Почему?

— Потому что у тебя два имени... Одно — Сашенька, а второе — Любовь... В Латинской Америке к женщине обращаются — «Любовь», «Амор»...

— А теперь я вам расскажу правду, ладно?

— Конечно. Тебе разрешили? Тебя не предупреждали, что мне можно говорить, а что нельзя?

Сашенька покачала головой:

— Нет, меня ни о чем не предупреждали...

— Я боюсь, если ты откроешь в с ю правду, свидание прервут...

— Мне сказали, что в вашей власти помочь мне...

— Если я сделаю то, что от меня требуют, тебя выпустят? Тебе это сказали?

— Не выпустят... Нет, в общем-то выпустят... Просто не в лагерь отправят, а сошлют — с правом работы по специальности...

— Ты же поэт, — Исаев наконец смог улыбнуться. — Это не специальность, любовь...

— Я учитель русского языка в начальных классах женской школы, Максимушка...

— Ввели раздельное обучение?

— И формочки... Как у гимназистов...

Не понимая толком зачем, он сказал:

— Очень давно я провел ночь в Харби-

не с Сашей Вертинским... Он пел пронзительную песню: «И две ласточки, как гимнастки, провожают меня на концерт»...

— Я слышала эту песню... Он часто выступает...

— Где?! В Москве?!

— Конечно, — Сашенька вытерла глаза ладошками. — Он же вернулся... Ему все простили...

— Ты увидишь Саню, — повторил Исаев. — Только будь молодцом, ладно?

— Максимушка, вам ничего про меня не говорили?

— Нет.

Сашенька глубоко, прерывисто вздохнула; Максим Максимович чувствовал, как тяжело ей переступить в себе что-то; беденькая, она хочет мне признаться в том, чего не могло не случиться за четверть века разлуки; он понял, что обязан помочь ей:

— Любовь, что бы ни было с тобою, с кем бы тебя ни сводила жизнь, я буду любить тебя так же, как любил.

И случилось чудо: ее старческое лицо вдруг озарилось таким счастьем, такой пасхальной надеждой, что он наконец смог увидеть прежнюю Сашеньку, ту, которая жила в его памяти все эти годы.

— Вот сейчас ты стала неотразимо красивой, — сказал Исаев. — Такой, какой жила во мне все время нашей разлуки...

— Максимушка, — голос ее прервался, дрогнул; она резко откинулась, распрямилась плечи, ему сразу же передалась ее струнная напряженность. — Любовь, — она улыбнулась через силу, — вы верите мне?

— Как себе...

— Вы верите, что я любила, люблю и буду вас любить, и умру с вашим именем в сердце?

— Эта фраза — бумеранг, — Исаев тоже улыбнулся через силу.

— Мы никогда не будем жить вместе, Максимушка... Я сделалась старухой... Вы же сохранили силу и молодость... Вы еще очень молодой, а я больше всего ненавижу принудительность — в чем бы то ни было... Если господь поможет, мы всегда будем друзьями... Я буду благодарно и счастливо любить вас... Это будет грязно, если я по-

смею разрешить вам быть подле меня... Вы проклянете жизнь, Максимушка... Она делается невыносимой для вас... Равенство обязано быть первоосновой отношений... А еще я ненавижу, когда меня жалеют... Так вот, когда мне сказали что вы погибли, а Санечка пропал без вести, я рухнула... Я запила, Максимушка... Я сделалась алкоголичкой... Да, да, настоящей алкоголичкой... И меня положили в клинику... И меня спас доктор Гелиович... А когда меня выписали, он переехал ко мне, на Фрунзенскую... Он был прописан у своей тетушки, а забрали его у меня на квартире... Через неделю ко мне пришли с обыском — при аресте обыска не делали, он же не прописан, и ордера не было... Меня попросили отдать все его записи и книги. Я ответила, что вещи его у тетушки, мне отдавать нечего... Меня попросили расписаться на каких-то бумагах, я расписалась, начался обыск, и в матрасе, в Санечкиной комнате, нашли записные книжки, доллары, брошюры Троцкого, книгу Джона Рида, «Азбуку коммунизма» Бухарина... И меня арестовали... Как пособницу врага народа... Изменника родины... А вчера следователь сказал, что, если я попрошу вас выполнить то, чего от вас ждет командование, меня вышлют... И я смогу спокойно работать... А несчастного, очень доброго, но совершенно нелюбимого мною Гелиовича не расстреляют, а отправят в лагерь...

— Беденькая ты моя, — прошептал Исаев, — любовь, Сашенька, нежность...

— И все твои ордена при обыске забрали... Мне же вручили их — орден Ленина и два Красных Знамени...

— Ты что-нибудь подписала на допросах, Сашенька?

Дверь камеры резко отворилась, вбежали два надзирателя, подхватили Сашеньку легко, как пушинку, и вынесли из камеры.

— Ничего не подписывай! — крикнул Исаев. — Слышишь?! Будет хуже! Терпи! Я помогу тебе! Держись!

Сергей Сергеевич, стоявший возле двери, заметил:

— Она в обмороке... Не кричите зазря, все равно не услышит... Ну что, пошли? А то без пшенки останетесь, время баланды...

В ОЗЛЕ камеры, однако, стоял тот вальяжный, внутренне неподвижный мужчина, что сидел за столом-бюро в приемной Аркадия Аркадьевича.

— Добрый день, Всеволод Владимиро-

вич... Генерал приглашает вас пообедать. — Следователю, вытянувшемуся по стойке «смирно», сухо бросил: — Вы свободны.

Когда поднимались в лифте, мужчина заинтересовался:

— Как себя вел следователь сегодня? Никаких бестактностей? Был корректен?

— Вполне. Пережить такое горе.

— Какое горе? — мужчина нахмурился.

— У него отец перенес тяжелый инфаркт. Сейчас стало лучше, вот он и перестал быть таким раздражительно-забывчивым.

— Да, да, — рассеянно согласился мужчина. — Как хорошо, что вы отнеслись к нему снисходительно, отец есть отец...

А у немцев такого прокола не могло произойти, подумал Исаев, видимо, этот хлыщ не посвящен в подробности игры, иначе он бы посочувствовал Сергею Сергеевичу — смерть отца, горе... Интересно, напишет он рапорт о нашем разговоре или нет? Если напишет, его уволят, это точно... Любопытно, как он себя поведет, если я скажу ему о проколе? Ты думаешь использовать его, спросил себя Исаев. Напрасно, не выйдет. Он убежден, что служит Идеям и что я действительно враг. Сергей Сергеевич во время первого допроса заметил, что сейчас времена другие, зря никого не сажаяют, ежовщина выкорчевана товарищем Берией по указанию Вожда; без улики и бесспорных доказательств прокуратура ныне не даст санкции на арест... Какие на меня могут быть улики или доказательства? Да и посадили меня, как выясняется, только для того, чтобы включить в комбинацию по Валленбергу... В теплоход сунули по растерянности, я ж постоянно твердил: «Скорей берите Мюллера, бога ради, товарищи!» В «Лондоне» мотали на излом, на даче начали настоящую игру... И ни слова о Мюллере... Почему? Если бы меня сразу отвезли домой, я бы пошел на любое задание; мы умнее в камерах, на воле живем иллюзиями... Отвезли домой, зло повторил он; квартира опечатана, Сашеньку мучают в Бутырках, принуждая учить то, что она должна мне сказать... Беденькая моя, нежность... А если бы ты приехал раньше? И тебя бы не бросили в камеру? И ты бы узнал ее адрес и пришел к ней? И увидел в ее квартире этого самого доктора Гелиовича?

Мой Саня здесь, Исаев оборвал себя; сейчас надо сделать все, чтобы мне его показали. Я должен увидеть его... И потребовать его дело... Иначе я пойду под пулю, но не шевельну пальцем, чтобы помочь им выйти из «сложного положения» со Шведией...

...Иванов на этот раз поднялся из-за стола, вышел ему навстречу, молча пожал руку, кивнул на длинный стол совещаний, где был накрыт скромный обед (бульон с яйцом, котлета с долькой соленого огурца и пюре), снял свой потертый пиджак и сказал:

— Как вы понимаете, я слушал весь ваш разговор с Гаврилиной... Вы же настаивали на свидании, не я...

— Надеюсь, вы позволите нам увидеться еще раз?

— Позже.

— Это зависит от тех условий, которые вы намерены мне поставить?

— Нет. Давайте кушайте, а то остынет...

Ел Аркадий Аркадьевич сосредоточенно, очень быстро, зато кофе пил, смакуя, маленькими глоточками, чуть отставив мизинец; закончив, нажал кнопку над столом; вошел вальяжный мужчина, унес поднос,

как-то артистически прижав дверь локтем левой руки так, что она не хлопнула, а мягко притворилась.

Аркадий Аркадьевич поднялся из-за стола, походил по кабинету, потом остановился напротив Исаева и сурово спросил:

— Теперь, видимо, вы захотите узнать все о сыне?

— Да.

— Вы не верите, что он пропал без вести?

— Не верю.

— Правильно делаете. СМЕРШ схватил его в Пльзене, когда там еще стояли американцы. Он утверждал, что бросился искать вас... Ему якобы сказал полковник военной разведки Берг, что вас арестовали в середине апреля, а потом, как и всех заключенных, транспортировали в район «Альпийского редута»... Откуда Берг из военной разведки мог узнать про ваш арест? Вы верите в это?

— Верю. Берг был не прямо, но косвенно связан с участниками заговора против Фюрера... Я ж сообщал... Его могли сломать на этом, завербовав в гестапо. А Мюллер активно работал со мной до двадцать восьмого апреля. Он мог вычислить Саню, мальчик был ему выгоден, они умеют... умели ломать отцов и матерей, приставляя пистолет к виску ребенка.

— Вы бы согласились работать на Мюллера, случись такое?

— Не знаю, — ответил Исаев, подумав, что он плохо ответил, снова открылся, прокол. — Скорее всего — нет. Я бы просто сошел с ума. Думаю, если у вас есть дети, с вами случилось бы подобное же...

— Я покажу вам дело сына.

— Этого мало. Я хочу получить с ним свидание.

— Я же сказал: получите. После окончания работы...

— Я начну работать только после того, как вы освободите мою же... Александру Гаврилинну и сына.

— Вы с Лозовским встречались?

— Кто это? Знакомая фамилия...

— Лозовский, председатель Профинтерна.

— В семнадцатом встречался. И в двадцать первом тоже, на конгрессе.

— Как думаете, генсек Профинтерна Лозовский — он сейчас депутат Верховного Совета, заместитель товарища Вячеслава Михайловича Молотова — помнит вас?

— Вряд ли...

— А вашего отца?

— Наверняка должен помнить.

Аркадий Аркадьевич снова принялся ходить по своему огромному кабинету, потом взял со стола стопку бумаги, самописку (очень дорогая, сразу же отметил Исаев, «Монблан») с золотым пером и тремя золотыми ободками, миллионерский уровень и положил перед Исаевым.

— Пишите, — сказал он. — Депутату Верховного Совета СССР Лозовскому С. А.

— Я не умею писать под диктовку... Какое смысл письма?

— Вы обращаетесь к представителю высшего органа власти страны с просьбой о помиловании Гаврилиной и вашего сына.

— В качестве кого я обращаюсь к Лозовскому?

— Подписывается Штирлицем. Этот псевдоним, думаю, был известен высшему руководству наркомата, тыфу, министерства иностранных дел...

— «Заклученный Штирлиц»? — спросил Исаев. — Или «штандартенфюрер»?

Иванов рассмеялся:

— Я сам поеду с этим заявлением к Солomonу Абрамовичу. И покажу вам его вкз — какой бы она ни была. Второе письмо напишите товарищу Кузнецову Алексею Александровичу, секретарю ЦК ВКП(б), он теперь курирует органы, попросите его о переводе вас на дачу в связи с началом операции по шведу...

— Второе письмо я напишу после того, как вы покажете мне резолюцию Лозовского.

— Хорошо, не пишите про шведа, — досадливо поморщился Аркадий Аркадьевич. — Посетуйте на несправедливость в отношении вас и попросите, указав на работу против Карла Вольфа в Швейцарии, перевести на дачу... напишите, что идет завершающий этап проверки, вы убеждены в предстоящей реабилитации, сдают нервы, одиночка — не курорт... С этим письмом поедет заместитель товарища Абакумова. Возможно, все дальнейшие встречи с Александрой Гавриловой и свидание с сыном мы проведем на даче... Я ничего не обещаю, я говорю предположительно, не обольщайтесь.

Эти его слова и позволили Исаеву взять перо и лист бумаги...

...Спрятав заявления, Аркадий Аркадьевич отошел к своему столу, снял трубку телефона и коротко бросил:

— Введите.

Привели штурмбаннфюрера Риббе. Глаза его были по-прежнему совершенно пусты, лицо пепельное, прозрачное, с очень большими ушами; Исаеву даже показалось, что отечные мочки трясутся при каждом шаге.

Рат, сопровождавший Риббе, улыбнулся Исаеву как доброму знакомому.

— Спросите его, — сказал Рату Аркадий Аркадьевич, — что он может показать о деятельности Валленберга в Будапеште.

— В конце ноября сорок четвертого года, — начал рапортовать Риббе, — Эйхман поручил мне провести встречу с Валленбергом на конспиративной квартире и обговорить формы связи в Стокгольме, если произойдет трагедия и рейх рухнет. Сначала я возражал Эйхману, говорил, что нельзя произносить такие слова, однако Эйхман заверил меня, что фраза согласована с группенфюрером Мюллером, некая форма проверки агентов... Нам надо, пояснил Эйхман, проверить реакцию Валленберга, и это я поручаю вам... Во время конспиративной встречи Валленберг сказал, что он гарантирует безопасность нашим людям... Переправит их в Латинскую Америку, если мы выполним его просьбу и освободим тех евреев, список которых он передал ранее «его другу» Эйхману... Вот в общих чертах та единственная встреча, которую я имел с Валленбергом...

— Вы видели его вербовочное обязательство работать на РСХА? — спросил Аркадий Аркадьевич.

Рат перевел, Исаев отметил, что он допустил ошибку, ерундовую, конечно, но тем не менее двоякотолкуемую: вместо «обязательство» сказал «обещание»; в разведке не «обещают», а «работают».

— Нет, — ответил Риббе, — все эти документы Эйхман хранил в своем сейфе...

— Каким образом Эйхман исчез? — спросил Аркадий Аркадьевич.

— Говорили, что он пробрался во Фленсбург, а оттуда — в Данию...

— Вы хотите сказать, что он стремился попасть в Швецию?

— Бесспорно. Все остальные партийные товарищи... коллеги, — быстро, с испугом поправился Риббе, — стремились на юг, к швейцарской границе, чтобы уходить по линии ОДЕССЫ* в Италию, а оттуда — в Испанию...

Аркадий Аркадьевич неожиданно обернулся к Исаеву и быстро спросил на ужасном немецком:

— Штирлиц, это правда?

— Да, — ответил Максим Максимович и сразу же пожалел об этом, надо было просто кивнуть; его уже, хоть в самой малости, в едином слове «да», втянули в комбинацию...

— Вас вывозили через Италию, Штирлиц? — продолжая коверкать немецкий, уточнил Аркадий Аркадьевич.

Исаев колебался одно лишь мгновение, потом ответил по-русски:

— Да, товарищ генерал...

Риббе никак не прореагировал на то, что он заговорил по-русски, отсутствовал; Иванов и Рат многозначительно переглянулись, и, хотя это было лишь одно мгновение, Исаев точно засек выражение их острых, напряженных глаз.

— Спасибо, Риббе, — мягко сказал Аркадий Аркадьевич. — Можете сегодня отдыхать, завтра вам увеличат прогулку до часа.

Рат чуть тронул Риббе, тот, словно автомат, повернулся и зашагал к двери, вытянув руки по швам, словно шел на параде.

— Ну как? — спросил Иванов. — Вы ему поверили? Или врете?

— Видимо, вы даете ему какие-то препараты, Аркадий Аркадьевич... Он производит впечатление большого человека. Он малоубедителен. Как Ван дер Люббе...

— Кто? — не понял тот.

— Ван дер Люббе, свидетель гитлеровского обвинения в процессе против Георгия Димитрова.

— Я отдам сотрудника под суд, — тихо, с яростью сказал Аркадий Аркадьевич, — если узнаю, что он применяет недозволенные методы ведения следствия.

Сейчас лучше промолчать, сказал себе Исаев; он должен отдать под суд Сергея Сергеевича, который держал меня на стуле по тридцать часов без движения, да еще лампа выжигала глаза...

Дверь внезапно открылась; вошел невысокорога человек; Аркадий Аркадьевич

* ОДЕССА — секретная организация нацистов по переправке ответственных сотрудников партии и СС в Испанию и Латинскую Америку после краха рейха.

замер, подобрался, лицо его резко изменилось, сделалось подобострастным, внимающим...

— Здравия желаю, товарищ Мальков! — отработал он. — Разрешите продолжать работу? Или прикажете отправить заключенного в камеру?

— Нет, нет, продолжайте, — ответил Мальков. — Если не будете возражать, я посижу, послушаю. Не обращайтесь на меня внимания... Мальков устроился на стуле с подлокотниками в углу кабинета, возле окна, так, чтобы лица не было видно заключенному; — солнце обтекло его толстое, женственное тело, лицо с коротенькими усами и бородкой-эспаньолкой, в то время как слепящие лучи делали землистое лицо Исаева со впавшими щеками, выпершими скулами и морщинистым лбом четким, как фотография.

— Итак, Всеволод Владимирович, — Иванов заговорил иначе, сдержаннее, даже голос изменился, чуть сел, — по указанию руководства я выполнил две ваши просьбы, что дает вам основание верить, что и последняя, третья, будет выполнена, тем более вы обратились к товарищу Кузнецову и товарищу Лозовскому, другу вашего псковского отца... Могли ли я в присутствии товарища Малькова задать вопрос: вы готовы помочь нам распутать шведский узел?

— Я уже ответил: до тех пор, пока я не увижу сына, все разговоры бессмысленны.

— Газумно ли ставить ультиматум?

Аркадий Аркадьевич отошел к сейфу, стоящему в углу кабинета, с видимым трудом открыл тяжелую бронированную дверь, достал папку с грифом «совершенно секретно, хранить вечно», предложил:

— Полистайте.

Исаев машинально похлопал себя по карману:

— Очки-то вы у меня изъяли...

— Вернем, — пообещал Аркадий Аркадьевич и протянул Исаеву свои — маленькие, круглые, в коричневой целлулоидной оправе.

Он дал мне дело Сани, понял Исаев; это — пик нашего противостояния, я должен подготовиться к схватке, я не имею права ее проиграть, грош тебе цена, если ты проиграешь: ты выиграешь ее, потому что ты устал жить, тебе стало это неинтересно после теплого «Куйбышев», «Лондона» и одиночки; тебе пусто жить после встречи с изломанной Сашенькой, которая невольно выполняет их задания, откуда ей, бедняшкой тростиночке, знать наши хитрости... Ты виноват в том, что погубил ее жизнь, ты виноват в том, что твой мальчик сидит в камере; если виноват — искупай вину, принимай бой; смерть — избавление, я мечтаю о ней, но они, эти двое, — люди иной структуры, и то, что они не понимают моей жажды искупления вины, дает мне простор для маневра... Нет, сказал он себе, не торопись открывать папку, ты виноват не только в том, что погубил самых близких, единственных, ты еще виноват в том, что предал друзей — тех, с кем начинал... Ты предал память Дзержинского, согласившись с тем, что все его помощники — «шпионы»; Революцию, разре-

шив себе смириться с тем, что друзья Ленина оказались «врагами и диверсантами» ты кругом виноват, и то, что ты выкрад Миллера, закончив этим свою личную борьбу с нацизмом, не снимает с тебя вины... Ладно, сказал он себе, это — прошлое, сейчас ты готов к бою, открывай страницу...

Сначала он увидел изможденное лицо Сани, бритого наголо, в профиль и анфас, отпечатки его пальцев, понял, что папку готовили, потому что не было дат, перевернул следующую страницу, собственно-ручные показания сына: «Винновным себя в предъявленных обвинениях не признаю, прошу разрешения обратиться к великому вождю советского народа генералиссимусу Сталину». Затем увидел протокол вербовки сына пражским гестапо — 19 апреля 1945 года; затем шли пять его донесений по работе чешского подполья с адресами, явками, паролями вплоть до 26 апреля, затем была подшита справка гестапо: «По информации агента Шмель арестован руководитель Пражского городского комитета коммунистов Ян, он же Йозеф Смирковский...»

Стоп! Смирковский был арестован перед моей поездкой в Линц! О такого рода победах нам в РСХА сообщали, значит, мне суют лиду...

— Дело в том, что указание завербоваться к нацистам дал сыну я. — Исаев поднял глаза на Малькова, словно бы Аркадия Аркадьевича не было рядом с ним. — Он был денщиком полковника военной разведки Берга, связь с РСХА была ему необходима как прикрытие...

— Значит, вы дали ему право предавать гитлеровцам товарища Смирковского, члена ЦК братской партии? — спросил Аркадий Аркадьевич. — Я не могу в это поверить.

Исаев папку захлопнул, брезгливо ее отодвинул от себя:

— Вы не учитываете меру моей информированности. Я знал, когда взяли Смирковского и кто руководил операцией по его захвату. Вы забыли, что я был не кем-то, а штандартенфюрером СС... Если вы намерены так же работать процесс против Валленберга, вас ждет мировой скандал.

Аркадий Аркадьевич взял папку, запер ее в сейф, сел за стол, на свое рабочее место, потер ладонями лицо и бесстрастно поинтересовался:

— Вас надо понимать так, что вы отказываетесь помочь нам?

— Повторяю: до тех пор, пока я не получу встречи с сыном, пока он и Александра Гаврилина не будут освобождены, я палец о палец не ударю.

И тут заговорил Мальков:

— Я хочу отметить ряд ваших ошибок, Аркадий Аркадьевич. Во-первых, вы просили Исаева помочь нам. Это неверно. Речь идет о помощи Родине, большевистской партии, советским людям, которые до сих пор живут в Белоруссии и на Смоленщине в землянках, а денег, чтобы построить им дома, можно просить лишь у шведов... Во-вторых, вы употребили слово «ультиматум» вместо того, чтобы назвать вещи своими именами: «наглость»... В-третьих, мы не вернем очки Исаеву, как вы пообещали, до тех пор, пока он не начнет работать...

Если же он не начнет работу по Валленбергу и не заявит об этом сейчас, немедленно, в моем присутствии, я попрошу дать мне те материалы на него, которые у вас есть. Они подобраны? Или вы все это время играли с ним в вашу обычную христову доброту?

— Мы не подбирали документы, — откашлявшись, ответил Аркадий Аркадьевич. — Я был убежден в партийной дисциплине Исаева, как-никак старый чекист.

— Если он старый чекист и вы убеждены в его партийной дисциплине, какое вы имеете право держать человека в камере?! — Мальков даже пристукнул пухлой ладонью по ручке кресла. — Вы обязаны извиниться перед ним, уплатить ему компенсацию и выдать квартиру... Почему вы не сделали этого?! Отчего нарушаете Конституцию?! Кто дал вам право на произвол?!

— Товарищ Мальков, разрешите до... — начал было Аркадий Аркадьевич сдавленным, тихим голосом...

— А что вы мне можете доложить? — так же бесстрастно, но прессово-давяще продолжал Мальков. — Что?!

Аркадий Аркадьевич снова открыл сейф, делал он это теперь кряхтяще, с натугой, достал несколько маленьких папочек и, мягко ступая, чуть ли не на цыпочках, подошел к Малькову:

— Это исоформленные эпизоды...

Не скрывая раздражения, Мальков начал листать папки, одну уронил; Аркадий Аркадьевич стремительно поднял ее; первым порывом — Исаев заметил это — было положить ее на колени Малькову, но колени были жественные, округлые, папка не удержится, соскользнет, конфуз, руководство но еще больше разгневется, решил держать в руках...

Не поднимая глаз от папок, Мальков спросил:

— В Югославии, в сорок первом, ваш псевдоним был Юстас?

Исаев снял очки, положил их на стол, потер лицо, разглядывая стены кабинета — Маркс, Сталин, Берия; на вопрос, обращенный в пустоту, не ответил.

— Я вас спрашиваю или нет?! — Мальков повысил голос и поднял глаза на Исаева.

— Простите, но я не понял, к кому вы обращались, — ответил Исаев. — У меня еще пока есть имя... Имена, точнее говоря. Да, в Югославии я выполнял задания командования также под псевдонимом Юстас.

Мальков зачитал:

— «Единственно реальной силой в настоящее время является товарищ Тито (Броз), пользующийся непререкаемым авторитетом среди коммунистов и леворадикальной интеллигенции...» Это вы писали?

— Да.

— Наставляете на этом и сейчас?

— Конечно.

Мальков протянул вторую папку Аркадию Аркадьевичу:

— Дайте ему на опознание подпись. Если опознает, пусть подтвердит.

Аркадий Аркадьевич быстро подошел к

Исаеву, положил перед ним папку, в которой была сделана прорезь, вмещающая в себя немецкую подпись — «Штирлиц».

— Ваша? Или фальсификация?

— Моя.

— Удостоверьте русской подписью.

— Сначала я должен посмотреть, какой текст у подписывал.

— При чем здесь текст? Речь идет о подлинности вашей подписи.

— Я ничего не подпишу, не посмотрев текста.

Аркадий Аркадьевич открыл папку: подпись была на чистом листе бумаги.

Исаев перечеркнул подпись, расписался заново и приписал: «подпись верна, полковник Исаев», поставил дату и место — «МГБ СССР».

Как только Аркадий Аркадьевич отошел от Исаева, Мальков поднял над головой третью папку:

— «Обязуюсь по возвращении в СССР работать на английскую разведку с целью освещения деятельности МГБ СССР, полковник Исаев (Юстас)». Это что такое?! Чья подпись?! Чья бумага?! Английская бумага и ваша подпись!

— Вам же прекрасно известно, что это фальсификация Рата, так называемого Макгрегора, — ответил Исаев. — Я не очень понимаю, зачем вам обставляться фальшивками? Никто не знает, что я вернулся, шлепните без фальшивок — и концы в воду...

Мальков ответил с яростью:

— Тогда нам придется шлепать и вашу бабу! Вы же хотели с ней повидаться?! Помните немецкую поговорку: «Что знают двое, то знает и свинья»? А какие у нас есть основания ее расстреливать?! Нет и не было! Тянет на ссылку!.. А сейчас придется выбирать решение на ее расстрел! — он обернулся к Аркадию Аркадьевичу. — Все душещипательные разговоры с ним кончатся! Или в течение недели выйдите из него то, что надо, или готовьте материалы на Особое совещание, я проведу нужный приговор.

И, резко поднявшись с кресла, Мальков пошел к двери; Аркадий Аркадьевич семенил следом, всем своим видом давая понять малость свою, растерянность и вину.

Обежав Малькова, Аркадий Аркадьевич распахнул дверь, и тут Исаев громко сказал:

— Деканозов, стойте!

Реакция Деканозова, называвшего себя Мальковым, была поразительной: он присел, словно заяц, выскочивший на стрелка.

— Выслушайте, что я вам скажу, — требовательно рубил Исаев. — И поручите так называемому Аркадию Аркадьевичу выключить микрофон — для вашей же пользы: работая с Шелленбергом, я прослушивал часть ваших бесед с Герингом и Риббентропом, а также с Зиной...

Деканозов медленно выпрямился и коротко бросил Аркадию Аркадьевичу:

— В подвал, расстрелять немедленно, дело оформите потом, — и снова открыл дверь.

Исаев рассмеялся — искренне, без наигрыша:

— Мой расстрел означает и ваш расст-

ред, Деканозов, потому что моя одиссея, все то, что я знал, хранится в банке и будет опубликовано, если я исчезну окончательно. Съядте напротив меня, я вам кое-что расскажу — про Зиначку тоже...

— Молчать! — Деканозов сорвался на крик; кричать, видно, не умел, привык к тому, чтобы окружающие слышали его шепот, не то что слово. — Выбейте из него, — сказал он заметно побледневшему Аркадию Аркадьевичу, — все, что он знает! Где хранится его одиссея? Принесите ее мне на стол. Срок — две недели, — и он снова распахнул дверь.

— Деканозов, — усмехнулся Максим Максимович, — возможно, вы выбьете из меня все, я не знаю, как пытаются в том здании, где не осталось ни одного сотрудника Дзержинского, но каков толк? Заранее обговорено, что рукопись вернут только мне в руки, в Лос-Анджелесе, один на один. И если мои друзья не получат моего приглашения — они, кстати, стали и нашими друзьями, ибо поверили мне, — и не проведут месяц у меня в гостях, в моем доме, — они опубликуют то, что я им доверил. Ключ от моего сейфа в банке у них, отдадут они его только мне — в присутствии адвоката и нотариуса. Моя подпись на любом письме, если вы заставите меня его написать, будет сигналом к началу их работы. Хотите, чтобы я процитировал отрывок из вашей беседы с Герингом, которому вы передавали устное послание Сталина? Вы не учли, с кем имеете дело, Деканозов. Меня послали на смерть — к нацистам. И я уже умер, работая в их аппарате. Но там я научился так страховаться, как вам и не снилось... Вы ломали честных и наивных людей. А меня национальный социализм Гитлера научил быть змеем, просчитывать все возможности. Я не думал, что мне придется применять этот навык у своих... Отныне я не считаю вас своими. Я вас считаю партнерами. А теперь можете идти, я сказал то, что считал необходимым.

— Подлямите его к Комурову, — растерянно сказал Деканозов, отвернувшись от Аркадия Аркадьевича. — Я буду там.

ЧЛЕН Политбюро Всесоюзной Коммунистической партии большевиков, маршал, Герой

Советского Союза, заместитель Председателя Совета Министров Союза ССР, депутат Верховных Советов СССР и РСФСР,

На лесоповале во время пятиминутного перекура подполковник авиации Розин Иван Онуфриевич, кавалер двух орденов Ленина, Отечественной войны (второй степени) и Красной Звезды, ныне зек 14-846-к, осужденный решением Особого совещания на двадцать пять лет каторги за «казармовскую деятельность» (вернувшись из родной деревни Климовичи, сказал друзьям, что в стране идет истребление крестьянства, наместники из областей обрекают людей на голодную смерть), собрал взносы с членов партии, на первом закрытом партсобрании уговорились платить по рублю из той зарплаты, которую стали давать тем, кто выполнил норму: до пятнадцати рублей в месяц (самые низкооплачиваемые негры и пуэрториканцы получали за час работы на стройке полтора доллара; американские коммунисты боролись против этого бесчеловечного выкачивания пота и крови из рабов капитала).

Собирая взносы, Розин шептал каждому: «Полетел Маленков. Начинается новый этап драки за власть. Передать каждому из руководителей пятерок: быть в состоянии боевой готовности номер один. Как только из Москвы поступят новые сведения, начинаем. Прошу всех большевиков провести репетицию первого этапа восстания: каждый должен точно знать свое место возле конвоиров, когда начнем их разоружать. Передайте Скрипку, чтобы он, когда будет перегонять трактор в Усть-Вимский лагерь, связался с капитаном Темушкиным. Мы пойдем на соединение с его группами...»

И, отойдя к конвою, Розин протянул ему кисет:

— Вчера из дома посылку получил... Самодер... Угощайся, браток... Только газеты нету... Не поделишься на добрую козью ногу?

...Поздним вечером — в концлагерях поднимали в четыре утра, отбой давали в десять тридцать — собрал трехминутное совещание подпольного парткома ВКП(б). Распределили обязанности; в том, что ситуация на Большой земле способствовала скорейшему вооружению выступлений заключенных-ленинцев против кровавой сталинской диктатуры, уверены были все.

многoletний шеф госбезопасности товарищ Берия Лаврентий Павлович испытывал к Сталину все более и более растущую ненависть — особенно после того, как Маленков (под нажимом Жданова) был отправлен в Ташкент и Берия остался один на один с «бандой» — так он называл членов ПБ.

Он ненавидел его так, как ненавидят выживших из ума стариков, которых, тем не менее, по законам мегрельской деревни полагается почитать уважаемыми и, оказывая им прилюдный почет, не прерывать, когда они несут чушь, и постоянно славить, превознося их ум и заслуги.

Берия понимал, что Сталин, поставивший под пули своих выдвиженцев Ягоду и Ежова, рано или поздно расплатится им, носителем его тайн, без колебаний и жалости.

Он понял это давно, еще в тридцать девятым, когда Сталин, назначив его наркомом, не кооптировал при этом в Политбюро.

Он тогда сразу же просчитал возможные последствия: очередной «исполнитель» срочно переориентировал работу НКВД, организовал убийство Троцкого, Кривичко-го, Рейсса, перенес акценты на тайнство закордонной службы, провел ряд показательных процессов над ежовскими садистами, реабилитировал несколько десятков тысяч коммунистов, обеспечив себе ореол «либерала и законника». Несколько успокоился, когда началась война, ибо стал членом ГКО, легендарного Государственного Комитета Оборона, — теперь уже наравне с Молотовым, Ворошиловым, Кагановичем, Ждановым, Вознесенским, Микояном и Косыгиным; почувствовал звездный час, когда стал членом Политбюро. Сдружился с Егором (так звал Маленкова), их альянс — могучая сила. Но после того, как Сталин выступил в феврале сорок шестого перед избирателями и ничего не сказал о торжестве коммунизма, но лишь о величии Державы, Берия понял: грядет кардинальный поворот политики, невозможный без большой крови. Тогда-то и сообразил: спасение и жизнь лишь в том, если он возьмет на себя проект по созданию атомной бомбы (после Потсдама Сталин бредил ею) и аккуратно отойдет от прямого руководства МГБ.

Однако чем дальше, тем больше он ощущал, что его позиции пошатнулись, ибо верх брал прагматик Вознесенский, переведенный Сталиным из кандидатов в члены Политбюро, несмотря на те меры, которые в свое время были предприняты им, Маленковым, Ворошиловым и Суслатовым; взлет Вознесенского прошел не без влияния Жданова, ясное дело. И сейчас секретарь ЦК Кузнецов, взявший отделы Маленкова, стал таким образом курировать Берию. Что ж, операция против Берия начата, его дни сочтены, если дать Жданову и Вознесенскому прибрать к рукам власть. Значит, предстоит борьба. А что в этой жизни дается без борьбы? Или смерть, или победа, третьего не существует.

...Когда Виктор Абакумов сел в его кабинет, Берия на Лубянке более не появлялся, работал в Кремле, однако «шарашки» оставил за собой; часто ездил туда, подолгу беседовал с одним из руководителей «Красной капеллы» Шандором Радо, с Тунолевым; пил вместе с ними кофе, по-товарищески обсуждал не только текущую работу, но и международные дела; «шарашники» принимали все «голоса», заглушки не было — специфика их научной работы

того требовала; с интересом рассматривал Сергея Королева — неумная фантазия; Сталина посвящать в его идеи нельзя, рано. Старец помнил это имя, слишком рьяно хлопотали Гризодубова и Громов, именно они вытащили его из камеры смертников; если бы не преклонение Сталина перед прославленными летчиками — шлепнули б этого нового Циолковского в одночасье...

...Пусть себе Абакумов работает, пусть ощутит себя хозяином в лавке, все равно каждый шаг нового министра подконтролен: глубинные операции готовят его, Берия, люди, ему, Абакумову, докладывают только то, что он, Берия, санкционирует.

...И вот сейчас перед ним сидят растерянные Деканозов и Комуров, хотя всячески эту свою растерянность стараются скрыть, а он, Берия, понимая, что случилось нечто чрезвычайное, из ряда вон выходящее, неторопливо читает документы, хотя и не видит букв, а просчитывает партию предстоящего разговора; он не может не просчитать любой поворот разговора, потому что Деканозов как-никак сидел с Молотовым дверь в дверь; да, через год-два Молотов потеряет свои позиции, план операции разработан, Жемчужина, его жена, станет субъектом еврейской комбинации, выдержка и еще раз выдержка... Деканозов хоть и предан ему, опасен тем еще, что начал свою политическую жизнь как брат одного из лидеров боевиков армянского «Дашнакцутюн»; оружием делился с Литвиновым и через него — с Камо и Кобой. Старец благоволил к нему, до сих пор называет так, как писали о брате в сводках охраны, — «Деканозия»... Проклятье какое-то, никому нельзя верить, никому и ни при каких обстоятельствах...

...Отложив наконец красные и синие папки, Берия снял пенсне, потер веки, улыбнулся визитерам своей неожиданной чарующей улыбкой и спросил:

— Что стряслось?

Деканозов и Комуров переглянулись: видимо, так и не решили, кто будет докладывать.

— Разрешите, начну я, Лаврентий Павлович, — несколько растерянно сказал Деканозов. — Богдан дополнит и поправит, если я в чем не прав.

— Давайте, слушаю...

— Вы, конечно, помните «девятого»? Он же Юстас? Работал в Берлине, у Шелленберга...

Берия ответил не сразу, ибо допускал мысль, что Абакумов мог всадить и к нему в кабинет прослушку — по просьбе Старика, конечно же, ведь он, Берия, ставил «жучки» у Молотова, Кагановича, Жданова, Ворошилова — деспот хотел знать, о чем его гвардия говорит дома, в кабинете, на даче, почему бы сейчас не послушать и его, Берию?

— Нет, — ответил маршал, хотя вроде бы ему что-то рассказывал Меркулов, особенно нажимаю на то, что отец полковника ЦК был членом меньшевистского центрального комитета. Берия тогда поинтересовался его судьбою: когда посажен? Мер-

кулов ответил, что старший Владимиров погиб в двадцать первом от белобандитской пули, активную работу в партии прекратил еще в феврале восемнадцатого, был вполне лоялен, судя по сохранившимся документам.

— А кто эти документы готовил? — задумчиво спросил тогда Берия. — Какие-нибудь Александровичи, Уншлихты или Кедровы с Бокиями? Вы его вызовите сюда, этого Юстаса, пусть на него здесь поглядят, дома человек лучше виден, чем за кордоном...

Именно тогда Исаеву и была отправлена шифровка с просьбой вернуться, но связь с ним оборвалась, восстановилась только во время югославского кризиса, в апреле сорок первого. Вызывать его не стали, ибо Берия уже тогда точно знал, что Гитлер начнет войну именно двадцать второго июня, информация была абсолютной, но повторять это Хозяину было безумием, тот впадал в ярость, мог бросить в камеру, поднять на дыбу, уничтожить...

— Вы помните, Лаврентий Павлович, — тихо сказал Комуров. — Мы по вашему указанию готовили на него вхождение на звание Героя за срыв переговоров в Швейцарии между Даллесом и немцами...

— А почему вы, собственно, явились ко мне, а не пошли с этим вопросом к Абакумову? — Берия сыграл удивление. — Я сейчас позвоню к нему, проведу совещание, а потом, если решите посоветоваться, приезжайте втроем, зачем игнорировать наркома?

Деканозов, видимо, понял те мотивы, которые вынуждали Берия вести себя именно так.

— Поскольку Абакумов, — сказал он, — в ту пору, когда работал Штирлиц, занимался СМЕРШем, мы не хотим ставить наркома в неловкое положение...

Комуров, однако, гнул свое:

— Виктор не ориентируется в этой ситуации, Лаврентий Павлович. А если поймет, то может повернуть дело не туда, куда следует.

Берия резко поднялся из-за стола:

— Ты сви интриг брось! Что это за батумские штучки?! Одно дело делает!

Спрятав папки в сейф, вызвал Саркисова:

— Позвони на дачу, пусть накроют стол на троих, голова разваливается, хоть часок воздухом подышу, — и пошел к двери, бросив Деканозову и Комурову: — Едем, я вам там мозги прочищу, интриганы...

Только в машине, отделившись от шофера и охранника толстым стеклом, Берия сказал:

— Ну, выкладывайте.

— Инцидентом ареста этого самого Исаева был я, Лаврентий Павлович, — сказал Деканозов. — Бсгдан лишь подписал ордер. Дело в том, что он может оказаться ключевой фигурой в деле Валленберга, а вы знаете, как Иосиф Виссарионович относится к этому дурацкому инциденту...

— Это не дурацкий инцидент, — возразил Комуров. — Мы были готовы отдать Валленберга шведам, но Абакумов лично вывез его из Будапешта в Москву и начал мять, выбивая признание, что тот работал

на гестапо... Ну и домаял — мы его с трудом охладили.

— Что у вас есть на Исаева? — спросил Берия.

— Обращение к Кузнецову и Лозовскому, — ответил Деканозов. — То есть связь с врагами... С будущими врагами народа... Это первое. Признание, что он является сторонником Тито, — два. Остальное довольно топорно сработал Владимирский, он теперь, — Деканозов усмехнулся, — «Аркадий Аркадьевич»... Есть признание, что встречался с Троцким, называл его «вождем РККА»... Курит фимиами Тито... Есть обязательство «работать на англичан», подобраны апрельские шифровки из Берлина, чтобы мы переводили деньги на его имя в Парагвай...

Берия досадливо перебил Деканозова:

— Если мне не изменять память, Меркулов считал это игрой...

Комуров вздохнул:

— Кстати, он еще там, в Южной Америке, в нашем посольстве стал просить, чтобы мы немедленно забрали Мюллера, давал координаты... Но ведь сидят-то на местах анкетные дуболомы, что для них Мюллер?! — Кто назначал этих людей? — спросил Берия заинтересованно.

— Мы, Наркоминдел, — ответил Деканозов. — Но виза Абакумова есть.

— Подготовьте мне записку, — сказал Берия.

...На даче и в своем особняке на улице Качалова Берия не опасался подслушки (вернее, не в такой мере, чтобы не переступаем о избегать рискованных разговоров); поскольку приглашал к себе Курчатова, реабилитированного Ландау, Микулича, других ученых, он ввел в личную охрану своего инженера, который контролировал возможность проникновения «вражеских технических спецслужб»; абакумовские «жучки» обнаружили бы неминуемо; в Кремле такого рода профилактика была недопустима — хотя Сталин давно уж не жил здесь, перебравшись на Ближнюю дачу, но работать приезжал сюда — немедленно б наступали...

Сев за стол, Берия, тем не менее, машинально включил приемник и разговор продолжил, потому что в голове его что-то зрело, тяжело, сумрачно ворочаясь, словно жернова гигантской мельницы прилаживались друг к другу...

Валленберг интересовал его в такой же мере, как и Сталин; Швеция до сих пор поднимала вопрос о своем выкраденном дипломате; зимой сорок пятого посол в Стокгольме Александра Коллонтай, да и сам Деканозов заверили шведские власти, что Валленберг находится в Будапеште под охраной советских войск; как только кончатся уличные бои, его отправят домой, нет никаких оснований для беспокойства.

Однако Абакумов вывез Валленберга в Москву; швед действительно ничего не знал, кроме того, что переговоры с нацистами о спасении обреченных узников концлагерей ведут и американцы в Швейцарии.

Абакумов навалился на Валленберга со всей яростью, на какую был способен, несчастный оказался в госпитале, шведы продолжали требовать ответа от Москвы, к

Сталину обратился министр иностранных дел Трюгве Ли, который должен был стать генеральным секретарем Объединенных Наций.

— Что со шведом? — раздраженно спросил Сталин, вызвав Берия. — Почему Коллонтай признала, что он у нас? Он действительно здесь? Если был гестаповским агентом — выведите на процесс, пригласите прессу, найдите свидетелей, не мне вас учить...

Но вскоре разразился очередной кризис в Берлине, не до шведа; потом Берия аккурратно отошел от Лубянки, а сейчас — в связи с делом этого банкира — Исаев обещает опубликовать книгу о беседах Деканозова с Герингом и Риббентропом... Деканозов, его человек, сидел у Молотова в ковачном-то счете как связник; значит, если книга действительно выйдет, будет нанесен удар по нему, Берия, потому что он — прямо или опосредованно — руководил работой аппарата, когда этот чертов Штирлиц был в рейхе, единственный внедренный в РСХА...

— Ну хорошо, — выслушав гостей, задумчиво произнес Берия, — а что, собственно, он мог знать о нас, кроме девок Деканозова и его бесед с Герингом? Что нам Геринг? Отвергнем, и все тут! Фальсификация истории, провокация господ империалистов! На девок и вовсе отвечать не будем, грязные сплетни. Что он мог знать еще?

— Он мог знать все об операции по устранению Лейбы, — сказал Комуров.

Берия нахмурился, не сразу его поняв, потом усмехнулся:

— Троцкого, что ль? Лейба... Во сколько миллионов стал нам этот Лейба... Ну написал Лейба книгу о Хозяине — гнусную, клеветническую, напечатали ее, а каков результат? Пшик! Ноль! Умные люди даже обернули ее в нашу пользу: «Смертельный враг диктатора пишет о нем с уважением»...

— Он может знать и наверняка знает о наших деловых подходах к Гитлеру, начиная с тридцать пятого, — сказал Деканозов.

— Вы имеете в виду Дадлиани?

— Да...

— Что еще?

— Секретные протоколы, подписанные Молотовым и Риббентропом, уничтожение нашей агентурной цепи в Германии, приказ о прекращении работы по национал-социализму... Деканозов вздохнул. — Он знает много, Лаврентий Павлович. Он пересекался с Орловым, который исчез из Испании и которого мы не можем найти. Орлов знал такое, от чего волосы встанут дыбом, открой он это...

— Так заставьте этого Исаева рассказать, что он написал! — Берия не мог скрыть раздражения. — Что, разучились работать?!

— Он не развалится, — убежденно сказал Комуров. — Вариант Постышева.

— А фармакология зачем?! — Берия принялся за жареного поросенка. — Возьмите показания, выкупите его рукопись, неужели трудно составить план и решить его? Денег не пожалеем, деньги решают все.

— Лаврентий Павлович, тут особый случай, — снова возразил Деканозов. — По словам Исаева, рукопись в сейфе, в Лос-Анджелесе. Его друзья и адвокаты имеют право отдать папку только ему и лишь в Америке.

— А если он блефует? — спросил Берия. — Вы такое допускаете?

— А если его книгу все же напечатают? Берия усмехнулся:

— Бойтесь, расскажет о ваших берлинских девах? За такое Хозяин действительно спустит шкуру.

— Но ведь представление на меня, как на посла в рейхе, писал не Молотов, а вы...

Берия неторопливо доел поросенка, отставил тарелку и, тщательно вытерев руки туго накрахмаленной салфеткой, негромко заметил:

— Товарищ заместитель министра иностранных дел, а ведь у порядочных людей это называется шантажом. — И, перейдя на крик, рубанул: — А ну, вон из-за стола, мамагали! Прочь отсюда!

Деканозов медленно поднялся, вышел из-за стола и, согбенный, приниженный, покинул комнату.

— Что ты предлагаешь? — Берия обернулся к Комурову.

— У нас его жена и сын. Вернее, не то чтобы жена — мать его сына, так точней... Но она старуха, с ней перестарались... И с сыном тоже, парень свернул с ума. А этот Владимиров отказывается работать с Валленбергом, если мы не дадим ему свидания с сыном.

— Он русский?

— Да.

— Ну хорошо, а если ты отпустишь его бабу и придурка?

— Во-первых, он не поверит. Во-вторых, судя по его словам, он должен периодически приглашать американцев, чтобы они не спубликовали его вещь...

— Да ну и пусть! — взъярился Берия. — Плевать мы хотели!

Комуров покачал головой:

— Первые недели он сидел у нас на даче и диктовал о своей работе, Лаврентий Павлович. У него такие выходы, которых нет и не было ни у кого из наших. То, как он описал убийство Рэма и Штрассера, — всего в паре абзацев, — целиком проецируется на дело Кирова... И это он писал не в камере, а на даче, ожидая, когда мы «подготовим» семью к встрече... Я взял с собою расшифровку, — Комуров вышел в халл, достал из папки рукопись, отдал Берии. — Он был знаком с Каменевым, Бухарным, Крестинским; Дзержинский действительно подписывал на него приказы, и — самое неприятное — мы нашли представление Дзержинского на Красное Знамя этому Владимирову-Исаеву... И Указ ВЦИКа... Мы нашли это только вчера...

— Поезжай на хозяйство, — сказал Берия. — Рукопись я погляжу. Деканозов скажи, что приму через неделю, но чтобы он не входил ко мне, а вползал на пузе. Исаева посади к Валленбергу...

— Стоит ли?

— А что? Плох швед?

— Да.

— Но голова варит?

— Даже слишком.
— Замечательно. Пиши не то что каждое их слово, а даже вздох. В воскресенье буду готов к разговору, — и Берия показал глазами на папку Максима Максимовича.

...В Кремль Берия не вернулся: не мог оторваться от работы Исаева; закончил в пять утра, долго ходил по своему основному бору, досадливо махнув Саркисову и двум охранникам, чтобы шли прочь, — постоянно маячили за ним затаенными тенями.

«А ведь только один человек, дай ему пистолет в руки, пустит пулю в лоб Стар-

ца, — очень медленно, пугаясь самого себя, Берия произнес эти страшные слова и снова оглянулся, не сорвалось ли с языка. — Вот оно, избавление от безумного деспота! Вот какую комбинацию бы разыграть! Вот бы что сунуть Абакумову!»

Ах, Егор, Егор! Как же не хватает тебя, Маленков! Один я, один...

Тогда-то он и сказал себе: «Исаева к такому делу надо готовить впрок, а вот если я не верну в Москву Маленкова — в самое ближайшее время, — моя карьера кончена, Старец сделался полным психом, настроение меняется пять раз на день, ужас...»

НАЗАВТРА Исаева перевели в другую камеру; не успели надзиратели закрыть дверь (что-то сразу удивило в том, какой была эта камера), как стремительная, словно выстрел, догадка отторгла удивление: перед ним был изможденный, поседевший, лимоннолицый Рауль Валленберг.

Он стоял под оконцем, едва пропускавшим свет, прислонившись к стене так, словно хотел вжаться в нее, исчезнуть, и неотрывно смотрел на двух надзирателей: в глазах у него был ужас, сменившийся тяжелой ненавистью.

Только оторвавшись от лица Валленберга, Максим Максимович понял, что его удивило: стены и даже дверь были обиты войлоком; койки — деревянные, шаткие; видимо, узник пытался разбить голову об стену, понял Исаев, несчастный парень...

— Здравствуйте, — сказал он по-русски.

Валленберг молча кивнул.

— Русский еще не выучили?

Валленберг непонимающе пожал плечами, внимательно глядя в лицо Исаева; потом спросил по-немецки:

— Мы не могли с вами где-то встретиться?

Исаев ответил по-английски:

— Мы встречались... То ли в вашем берлинском посольстве, то ли на Вильгельмштрассе, в министерстве иностранных дел, у Вайцекера... И, пожалуйста, не говорите со мной о вашем деле, я не отвечу ни на один ваш вопрос и не дам ни одного совета: каждое наше слово записывается.

Валленберг усмехнулся:

— Я знаю. Мне подсаживали многих. Только они... Сначала я вообще ничего не понимал, теперь — знаю, что к чему... Вы отказываетесь говорить со мной вообще? Или найдем какую-то нейтральную тему?

— Нейтральную тему найдем. По вашему усмотрению.

— Последние семь месяцев я сижу один. Начал беседовать с самим собою. Первый шаг в шизофрению.

— Отнюдь. Каждый человек постоянно говорит сам с собою... Неважно — про себя или вслух.

— Думаете, я еще не стал пациентом дома умалишенных?

— Я не психиатр, господин Валленберг.

— Вы не представились... Как мне к вам обращаться?

— Называйте меня сокамерник. Так будет лучше — в первую очередь для вас. «Мистер сокамерник» — прекрасное словосочетание.

Заметив книгу, лежавшую на койке Валленберга, удивился:

— А мне отказали в праве пользования библиотекой. Вы — счастливчик.

— Это Библия. Прекрасное издание, странный дар главного следователя, это ведь здесь запрещенная литература.

— Позвольте взглянуть?

— Конечно... Вы шотландец или англичанин?

Исаев сухо ответил:

— Я сокамерник. Мы же уговорились. Ладно? Вам днем лежать разрешают?

— В последнее время — да. Раньше я стоял. Вы давно здесь?

Исаев взял Библию, лег на свою койку, начал листать страницы; сразу же обратил внимание на то, как кто-то отчеркивал на полях ногтем целые фрагменты.

В дверь забарабанили:

— Заключенный номер сорок, вам днем лежать запрещено!

Исаев, словно бы не поняв надзирателя, вопросительно посмотрел на Валленберга, по-прежнему стоявшего под слепым оконцем; тот пожал плечами:

— Мне такое кричали первые полтора года. По-моему, требуют, чтобы вы подъялись.

— Вы же не знаете русского.

— Это не обязательно... Вам объяснят иначе...

— Лежать запрещено! — повторил надзиратель. — Ясно?! За нарушение режима отправим в карцер!

— Вас в карцер сажали? — поинтересовался Исаев.

Валленберг ответил с усмешкой:

— Здесь в карцеры ставят, сокамерник. Это шкаф, повторяющий человеческое тело; на вторые сутки вы теряете сознание. стакан воды и ломоть хлеба в день... Мой дядя так мечтал похудеть... Ограничивал себя в еде, два часа в день скакал на моем Пауле, невероятно сноровистый жеребец, плавал, двухчасовой массаж — ничего не помогало бедняге... Ему бы три дня карцера, прекрасная метода для похудения...

«Дурачок, — сострадающе подумал Исаев, — зачем ты даешь столько подробностей тем, кто тебя слушает? Жеребец Пауль — сладкая подробность, ее могут использовать через пару-тройку месяцев, когда ты

забудешь о том, что сам называл своего жеребца, тебя эти подробности могут ошеломить, — как узнали?! — тут-то тебя и начнут колотить вопросами...»

Исаев притулился к стене; как прекрасно, что обито войлоком, в спину не вползает могильный холод. Нежданный подарок, подумал он, странно, отчего мне не разрешено лежать? В моей камере это не возбранялось; видимо, и игра уже началась — из меня делают жертву, подчеркивая блага, разрешенные Валленбергу. Ну-ну, пусть себе... Они играют, и мы поиграем...

Исаев снова начал листать страницы, обращая внимание на следы ногтя; я так гадл, вспомнил он, нет ничего надежнее, чем гадание на Библии, великая книга, каждая строка таит в себе многозначие...

— Ваши пометки? — спросил Исаев, кивнув на открытую наугад страницу.

— Мои легкие. Я подчеркивал мизинцем, другие, резкие, — генерала Власова, он неплохо понимал немецкий.

— Встречались?

— День в камере и три раза на очной ставке...

ВИКТОР Абакумов, министр го с ударственной безопасности СССР, карьеру сделал говокружительную, как все те, на кого поставили за год до начала Большого Террора аппаратчики Маленкова.

Казалось бы, его восхождение было случайным, вне логики и здравого смысла.

Однако же так могло показаться лишь тем, кто не знал Сталина, а его по-настоящему не знал никто.

Порою и сам Сталин во время тяжелой бессонницы поражался себе и тем словам, которые произносил днем: каждому находил свои, единственно нужные, спроецированные в Историю; иногда он ломал собеседника, порою подстраивался к нему, очаровывая; изредка готовился загодя, писал черновики, особенно когда встречался с писателями, зная, что это уйдет в Память — будущее Евангелие от Иосифа; с людьми академической науки встреч избегал, понимая свою неподготовленность, зато часто приглашал авиаконструкторов — практики, живут реальностью, а не таинством формул.

Он благодарил судьбу за то, что получил теологическое образование слов и мыслей, заложенных в догматах церкви. Действительно, наука после поражения Святой ин-

квизиции теснила религию по всем направлениям, опровергала святые изначалия, доказав вращение Земли вокруг Солнца, навязав человечеству электричество, выдвинув теорию тяготения, а затем — относительности, подняв человека в небо и научившись передавать голос на расстояние в тысячи километров. Надо было обойти все эти новшества, ранее караемые смертью канонической церковью; необходимо было придумать объяснения случившемуся, сложить легенды о чудесном Прошлом; русские люди сказки любят, помянуть бы только Иванушку-дурачка на Ивана-умницу, как можно было разрешать такое самоуничтожение?! Надо уметь породить в пастве сомнения во всем новом, подчинив себе этим простолюдинов, а ведь их — тьма; мыслителей — единицы; примат массы очевиден...

Сталин не смел признаться себе в том, что главной задачей его жизни было умершение ленинской Памяти, подмена значимостей и, наконец, создание Державы, послушной лишь его Мысли и Слову.

Он не смел признаться себе и в том, что относился к русскому народу с отстраненной, сострадательной жалостью, долей зависти и некоторым презрением.

Поддавшись в свое время блеску и напору Бухарина, утверждавшего, что принуждение на производстве и в селе малорезультативно, успеха в деле прогресса дос-

тягают лишь инициативные, сытые и свободные люди, Сталин, изучая статистические таблицы, приготовленные Молотовым и Кагановичем специально для него, видел, что справный «бухаринский» мужик и городской кооператор все более выходят из-под контроля отделов, секторов и управлений, делаясь независимой, производящей силой. Пройдет пара лет, и они, кооператоры, нэпманы и мужики, реально ощутят свою общественную значимость, поскольку именно они подняли страну из голода и разрухи, а это губельно для аппарата диктатуры; столь же губельно и то, что рабочие, трудящиеся на концессионных предприятиях, на фабриках и в мастерских, построенных на принципах ленинской новой экономической политики, зарабатывали значительно больше, чем заводской пролетариат, подчиненный наркоматам; пошли разгворы — «власть не умеет править, оборократились, прав был Троцкий...»

Сталин поручил Мехлису и Товстухе, своему мозговому штабу, перелопатить Ленина, сосредоточившись на одном лишь вопросе — кадровом.

Выдернул одну фразу Старика из его письма Цюрупе: «Главное — подбор кадров», слова «все наши планы — говно» вычеркнул; он, Пророк, не позволит извести Ульянова до уровня простого человека; и так Ленин слишком часто снисходил. Сейчас новое время, русскими следует править иначе, являя себя; это в их традиции; Петра многие до сих пор ненавидят, над Керенским потешаются — болтун, а дурака-Николашку втайне жалеют, ибо тот следовал принятому веками: являл себя; событие, новость, общение Помазанника с народом...

Итак, ленинская ссылка на кадры, на их главенствующую роль — необходима. Он, Сталин, не предлагает ничего нового, он руководствуется заветом великого Ленина.

Лишь однажды он не смог проконтролировать себя и услышал в себе правду: если и дальше в стране останутся люди, которые помнят, его будущее окажется в постоянной опасности, ибо, обратившись к периоду с семнадцатого по двадцать четвертый год к засекреченному Завещанию парализованного Ульянова, всегда может найтись псих, который вылезет на трибуну съезда или конференции: «Товарищи, как можно терпеть диктатора?! Куда мы идем?!»

Да, Молотов, Ворошилов и Каганович подобрали достаточно устойчивое большинство, преданное ему, скромному ученику Ленина, лишенному блистательного фразерства Троцкого, шатаний Каменева и Зиновьева, философского фейерверка Бухарина («не вполне диалектического»), прямолинейности Рыкова, крестьянских «штучек» Калинина (того припугнул еще в двадцать шестом, разрешив напечатать в «Крокодиле» злую карикатуру на Старосту: неравнодушен к прекрасному полу, причем подставляется, об этом говорят, такое в политике не прощают — или будь во всем со мною, или ЦКК вышвырнет из рядов, фактов у Куйбышева и Солнца хватает). Все это так, людей подобрал, но истина такова, что можно управлять лишь сотней преданных, хоть и разнохарактерных, поли-

тиков. А тысячью? Она неподвластна ни ее воле, даже Ленин порою не мог совладать со съездами — отсюда дискуссии, оппозиции, турниры эрудитов, которые могут выстреливать без заранее подготовленного текста, швыряться латынью, приводить немецкие и французские первоисточники: он, Сталин, не может этого, но он в отличие от всех них решился на то, чтобы признаться себе: русским народом можно и нужно, для его же блага, управлять круто, жестко и немногословно, искушая при этом пряником будущего. Чем жестче с этим народом, чем беспощаднее, тем покорнее он и счастливее: наконец-то появилась Рука, пришел Хозяин, наведет Порядок.

Но русский человек пойдет за ним только тогда, когда он назовет врагов, на которых лежит вина за лишения, заклеймит тех, кто сознательно мешал коммунистической, равной для всех, благодати. И этими виновниками должны быть не пешки, а руководители, всем известные люди, признанные вожди.

Изначальный дух традиционного общинного равенства удовлетворится этим, он примет и одобрит крушение тех, кому ранее поклонялись, и будет благодарен именно ему за это очищение от чужих.

Однако масса — массой, а умы — умами, прав Грибоедов — «горе от ума».

Значит, начав сверху, надо уничтожить всех, кто вступил в партию до семнадцатого года; Калинин испугался, теперь во всем со мной. Испугаем еще с десяток ветеранов; таким образом, пуповина, связывающая качественно новую волну молодых руководителей с памятью о Ленине, не будет перерезана: Лепешинские будут славить его, Сталина, истинного продолжателя дела Ленина, так же, как это делал в тридцатом Зиновьев, а в тридцать шестом — Бухарин с Радеком...

Именно поэтому Ежов, поднаторевший в аппаратной работе — просидел восемь лет в замзав орготделом, — должен загодя ириготовить списки: как на тех, кого надо уничтожить, так и на ту молодежь (прав был Троцкий, «молодежь решает все»), которая займет места памятливых.

...В тридцать шестом году Виктор Абакумов был младшим оперативным уполномоченным Воронежского НКВД; его любили за веселый нрав, отзывчивость и умение работать за других, если кто из товарищей зашивался, он всегда был готов прийти на помощь, просиживал на работе воскресенья, спал по-наполеоновски — пять часов.

Когда на второй день после расстрела Каменева и Зиновьева из Москвы пришел список и первыми в нем значились начальник областного управления, два его заместителя, секретарь обкома и председатель облисполкома, его, Абакумова, заранее обсмотренного уже людьми Ежова и Маленкова со всех сторон в течение полугода, вызвали к аппарату прямого провода.

Звонил не нарком Ягода, внезапно занедуживший, но лично секретарь ЦК Ежов:

— Даю вам неделю срока на то, чтобы

вы добились признания от воронежских троцкистов... Фашисты пытаются наших товарищей по классу, Троцкий — агент Гитлера, почему мы должны работать в белых перчатках? Око за око, зуб за зуб! Я надеюсь на вас, товарищ Абакумов. Если возникнут какие вопросы — звоните к Миронову, Берману или Слуцкому, люди с опытом, дадут совет...

Лишь в конце недели (арестованные продолжали запирались, несмотря на то, что Абакумову передали из Москвы папки с изобличающими их показаниями, данными на следствии Валентином Ольбергом и бывшим зинovieвским помощником Рихардом Пикелем, ныне членом Союза писателей) он зашел в буфет, купил коньяка и коробку шоколадных конфет, поднялся в свой закуток, выпил из горла бутылку «Варцихе», напоенного запахом винограда, вылез из камеры бывшего начальника управления НКВД — того, кто учил его навыкам работы («у чекиста должны быть чистые руки, холодная голова и горячее сердце»), и, заперев дверь, начал молча и яростно бить его со всей своей богатырской силой; потом, окровавленного, полубессознательно, взяв под мышки, подтащил к столу и заставил подписать чистый бланк протокола допроса.

Заполнив его, вытащил из камеры секретаря обкома, ознакомил с «чистосердечными показаниями» начальника НКВД и предложил: «Либо десять лет по Особому соведанию, если напишете то, что я вам продиктую, либо расстреляем сейчас же — партия нужна свидетелю против врагов народа, вам, большевику, это известно не хуже, чем мне... Даю честное слово чекиста — если поможете разгрому троцкизма, через год станете партбратом строительства на Дальнем Востоке».

Сломал всех, дела отправил в Москву, оттуда пришло указание: «расстрелять признавшихся, арестовать тех, кого они упомянули в показаниях, готовить новое дело, более охватное...».

Организовал и это: расстрелял еще четыре тысячи ветеранов партии, получил орден Красной Звезды.

После этого Ежов хотел сразу же забрать его в центральный аппарат; Маленков, отвечавший перед Сталиным за создание нового партийно-государственного механизма, Абакумова придержал, поставив его исполняющим обязанности руководителя Воронежского НКВД: лишь когда Берия был назначен первым заместителем Ежова, а того стали готовить к переводу на работу в Наркомвод России, чтобы расстрелять без шума, Абакумова вызвали в Москву.

Вот его-то Берия и двинул после войны на пост министра, оставив в резерве свою старую бакинскую гвардию (собрал их в ГУСИМЗ): Меркулова, братьев Кобуловых, Деканозова.

И когда его, Абакумова, неожиданно для него самого назначили главою государственной безопасности, после первых недель счастья и сладостной, пьянящей эйфории, постепенно, по прошествии месяцев, он начал отдавать себе отчет в том, что он окружен людьми Лаврентия Павловича и

каждый шаг его контролируется; практически — под надзором; любая инициатива докладывалась Берии в тот же час, как только он выдвигал ее...

И Абакумов стал перед выбором: либо начать работу — тайно, аккуратно, исподволь — против высокого покровителя, выдвинувшего его на этот ключевой пост, либо смириться со своим положением: послушная кукла, которой управляет невидимая рука могущественного сатрапа; можно постараться войти в блок с секретарем ЦК Кузнецовым, который после Маленкова все активнее входил в дела аппарата, обращаясь к делам тридцатых годов, постоянно требуя борьбы с рецидивами «ежовщины» — «законность прежде всего».

Абакумов взял из архива свои воронежские дела, увидел следы крови на бланках допросов (начальник НКВД уронил голову на протокол, испачкал бумагу, сволочь); сжег, но понял, что таких дел — тысячи, особенно когда он отвечал за допросы и депортацию на Колыму бывших пленных и узников гитлеровских лагерей; все не спрячешь, сказал он себе, и следил, дурак!

Нет, блок с Кузнецовым не получится — просидел всю ленинградскую блокаду, от дополнительных пайков отказывался, лез в окопы, чистюля...

Тем не менее исподволь, постепенно он начал выстраивать свою линию: попросился на прием к Вознесенскому, внес предложение о более активном использовании заключенных на стройках коммунизма, попросив при этом увеличить пайки отличившимся зекам. Тот посоветовал перевести на вольное поселение как можно больше узников, если, конечно, эти люди не были фашистскими наймитами на оккупированных территориях, обещал помочь с увеличением паяк, ничего из предложенного не отверг.

После этого Абакумов позвонил Кагановичу. Министр путей сообщения был более аккуратен в разговоре, обещал подумать, но в принципе идею одобрил, заметив:

— Генерал Куропаткин, командовавший русской армией в пятом году, верно говорил: «Дайте мне вторую ветку во Владивосток, и мы опрокинем японцев...» В тридцать третьем мы пытались было начать этот проект, но силенок не хватило, спасибо за предложение, вижу разумное зерно...

Абакумов тогда лишний раз подвинулся напористости и уверенности в себе этого еврея. Одного брата расстреляли, другой покончил с собой накануне ареста как изобличенный бухаринец, кулацкий прихвостень, а этот сохранил позиции; более того, люди ездят в метрополитене имени Кагановича, а не Сталина, поди ж ты!

...Абакумов ждал, как прореагирует на его визиты благодетель — Лаврентий Павлович; тот, однако, не сказал ни слова, хотя наверняка знал обо всем. Но кожей, каждой клеточкой своего существа, каким-то особым чувством, непонятным ему самому, министр ощутил, что Берия изменился к нему, хотя внешне стал еще более прищипливым и радушным.

Вот тогда Абакумов и решил разыграть козырную карту: когда Берия уехал в от-

пуск, министр вызвал двух своих — тех, кого ему удалось притащить с собой из Воронежа, и показал им письмо, подписанное неразборчиво (сам продиктовал шоферу, верил ему как себе, тот работал с ним девять лет). В анонимке сообщалось, что трое молодых контриков, живущих на Можайском шоссе, по которому товарищ Сталин каждый день ездит на Близнюю дачу, готовят теракт против великого вождя.

— Это что же такое, а?! — Абакумов играл ярость. — У вас под носом орудут террористы, а мне об этом докладывают простые советские люди, а не вы — с генеральскими погонами, лечебным питанием, двусменками и кремлевкой! Чтоб через три дня у меня на столе лежало оформленное дело, ясно?!

Арестовали троих «террористов», семнадцати, девятнадцати и двадцати одного года. Сломали их за двое суток, выбили у них показания еще на пятерых юношей, и тогда-то Абакумов, замирая от ужаса, позвонил Сталину, сказав, что он не посмел бы тревожить, если бы не чрезвычайное обстоятельство...

Сталин питал слабость к высоким и статным военным; Абакумов помнил эти слова, оброненные как-то Берией во время застолья. Поэтому, отправляясь на прием к генераллссимусу, он надел генеральский мундир, галифе и сапоги-бутылочки.

Ознакомившись с делом, Сталин пыхнул трубкой и, задумчиво посмотрев в окно, выходящее на кремлевскую площадь, усмехнулся:

— Не унимаются? Скажи на милость. Что ж, если остались волчата, надо искать волка. Сами они на такое дело б не пошли. Как считаете?

И тогда, похолодев, Абакумов спросил:

— Разрешите докладывать ход следствия, товарищ Сталин? К сожалению, Лаврентий Павлович в отпуске, мне бы не хотелось тревожить его...

Сталин поднял глаза на Абакумова, изучающе, как-то по-новому осмотрел его и, пожав плечами, ответил:

— Что это за манера перекладывать ответственность на других? Мне не нравится такая манера, товарищ Абакумов. Это не что иное, как перестраховка. Трусость и перестраховка, извините за прямолинейность. Вам ЦК поручил руководить госбезопасностью, вот и извольте выполнять свои обязанности. Нужен совет — звоните. Я, как и всякий член ЦК, готов обсудить с вами любой вопрос. За это меня, кстати, до сих пор и держат в этом кабинете.

Сталин снова пролистал дело, задержался на показании самого молодого «террориста» о том, что он был намерен поступить в школу-студию Еврейского государственного театра, поставил галочку на полях и заметил:

— Вы, кстати, знаете, кто режиссер театра Михозлс — брат моего лечащего врача Вовси? Не надо травмировать Вовси. Прекрасный доктор. Но если Михозлс... — Сталин оборвал себя, нахмурился. — Вы читали информацию о том, что в сорок четвертом, когда Михозлс был в Штатах, от имени Еврейского комитета собирая для нас деньги, он довольно часто отрывался от

703
104
остальных членов делегации? То; видите ли, к Альберту Эйнштейну ездил, то еще куда-то... Странно это — обычно наши люди держатся друг за друга, этим и сильны:

...Когда Абакумов взялся за ручку двери, Сталин окликнул его:

— И вот еще что. У меня вчера была жена товарища Жданова. («Визит продолжался семь минут, — автоматически отметил Абакумов, — с семи тридцати до семи тридцати семи, генераллссимус торопился, хотел посмотреть новый фильм; Жданова одолевала его звонками девять дней»). Говорит, плохо ему, — продолжил Сталин, — постоянно жмет сердце, нужен отдых... Я успокоил ее: нервы, пройдет... А потом пожалел: всяко может быть — а что, если у любимца партии, героя Ленинграда, действительно плохо с сердцем? Я ему позвоню, пожалуй, скажу, чтоб завтра отдохнул, полежа на даче, а вы организуйте консилиум... Женщины, особенно жены, хорошие жены, — многозначительно добавил Сталин: не отрывая глаз от лица Абакумова (тот ощутил, как после этих слов генераллссимуса по ребрам начали струиться крупные капли пота, у него самого с женой неладит), — порою слишком уж паникуют по поводу здоровья мужей...

— Ясно, товарищ Сталин. Разрешите доложить заключение консилиума?

Сталин поморщился:

— Что вы из Сталина бога делаете? Или какого-то царского унтера Пришибеева? В первых, не стойте во фрунт, мы с вами члены одной партии, единомышленники, товарищи... А вы весь напряженный, словно аршин проглотили. Позвоните, конечно. Если найдется окно — приму, а нет, так общитесь товарищам Молотову, Ворошилову... Товарищу Вознесенскому непременно доложите, Кузнецову.

...За неделю до разговора с этим симпатичным ему русским красавцем Сталин просмотрел свой любимый фильм «Цирк» (эту картину и «Волгу-Волгу» он смотрел ежемесячно), сделал замечания Поскребышеву, чтобы наркомкино Большаков вырезал эпизод, где Михозлс поет песню по-еврейски, передавая маленького негритосика грузину, и в добром расположении духа вернулся к себе. Берия, получив немедленную информацию от своего человека из охраны, позвонил Старцу и попросил уделить ему десять минут.

— А спать Сталину можно? — усмехнулся Старец. — Друзья бранят Сталина, товарищ Берия, за нарушение режима... Хотите, чтобы я поскорее уступил вам всем свое место? — Помолчал, слышишь мо раскуривая трубку, пыхнул и заключил: — Приезжай, батоно, жду.

Последние слова произнес тепло, мягко, как говорил с ним накануне расстрела Ежова, рассказывая со слезами на глазах, каких замечательных людей погубил этот «душегуб и алкоголик». Глядя тогда на него, Берия испытывал ужас, ибо он-то уже знал одну из причин предстоящего устранения Ежова: Сталин был увлечен его женой — рыжеволосой, сероглазой Судамифью, но с вполне русским именем Жени. Она отвергла притязания Сталина бес-

гашно и с достоинством, хотя Ежова не любила, домой приезжала поздно ночью, проводя все дни в редакции журнала, созданного еще Горьким; он ее к себе и пригласил.

Сталин повел себя с ней круче — в отместку Женя стала ежедневно встречаться с Валерием Чкаловым; он, словно магнит, притягивал окружающих; дружили они открыто, на людях появлялись вместе. Через неделю после того, как это дошло до Сталина, знаменитый летчик разбился при загадочных обстоятельствах.

Женя не дрогнула: проводила все время вместе с Исааком Бабелем; он тоже работал в редакции; арестовали Бабеля.

Сталин позвонил к ней и произнес лишь одно слово: «Ну?»

Женя бросила трубку. Вскоре был арестован Михаил Кольцов, наставник, затем слепнули Ежова — тот был и так обречен, «носитель тайн»...

...Сталин встретил Берия мягкой улыбкой, спросил по-грузински, как дела, что нового, как дома; Берия мгновение думал, на каком языке отвечать, Старец все более и более верил в то, что он русский, выразитель народного духа, вполне может быть, что идет очередная проверка, поэтому фразу построил хитро:

— Матлоби*, товарищ Сталин, все хорошо...

— Ну, что стряслось?

— Вот, — Берия протянул папку, — здесь всего две странички, товарищ Сталин.

Тот отодвинул папку в сторону:

— Корреспонденцию можно было и с фельдъегерем прислать. Расскажи в чем дело, а это, — он положил руку на папку, — я потом посмотрю.

— Хорошо, я готов, хотя мне очень больно рассказывать об этом.

— Тебе больно? — Сталин удивился. — Такой молодой, а больно. Это мне больно всех вас слушать. Наши споры — при Ленине — ничто в сравнении с вашей скорпионьей банкой. Откуда в вас такое макьявеллиевское интриганство? Я же постоянно прошу: критикуйте, возражайте, деритесь за свое мнение... А вы? Кроме Вознесенского — тянете руки, как школьники... Ну, давай, что стряслось?

— В журнале «Вопросы философии» появилась статья, товарищ Сталин... Очень резкая... Не называя никого по имени, там, однако, мазали грязью тех атомщиков, без которых мы не получим штуки. А затем потребовали собрать совещание моих атомщиков, чтобы они покаяться и заклеили космополитов... А у меня, к сожалению, их много, начиная с главы школы Иоффе и кончая Ландау... Словом, приехали товарищи из Агитпропа, объявили заседание открытым и предложили высказываться; помоему, они подготовили двух младших научных сотрудников, но кому они нужны в нашем проекте, эти сопляки? Первым руку поднял Иоффе: «Прошу слова...» Поди не дай. Старик вышел и сказал буквально следующее: «Наша задача заключается в том,

чтобы работать над проектом с утра и до ночи, без отдыха и сна, речь идет об обороне Родины. Либо моя сотрудница будут заниматься своим делом, либо транжирить его на этих бессмысленных собраниях... Но тогда я попрошу наших уважаемых гостей-идеологов из Агитпропа ЦК отправиться сейчас же в лаборатории и приступить к работам по проекту...»

Сталин на мгновение замер, лицо собралось морщинами — больное лицо, — потом усмехнулся:

— Идиоты... Что, не на ком свои перья пробовать? Мало им физиологии и генетики?! Шмальгаузена им мало?! Кто давал задание опубликовать эту статью?

— Не знаю, товарищ Сталин... Но физики по сию пору бурлят...

Сталин снял трубку «вертушки», не посмотрев даже на часы: половина третьего ночи; гудки были долгими; Старец терпеливо ждал; дождался.

— Товарищ Жданов, — сухо сказал он, — поздоровавшись даже, — кто распорядился напечатать статью в «Вопросах философии» о космополитах в атомной физике? Я готов встретиться с вами часа в четыре, вас устроит это время?

И, не дождавшись ответа, положил трубку.

Берия вышел от Сталина так, словно летел по воздуху: вот оно, свершилось! Статью-то написал его человек, принес помощнику Жданова, тот читал, делал пометки; спокойной ночи, Андрей Александрович!

...А через три дня, сердечно попросившись с «дорогим Андреем Александровичем», Берия отправился в Сухуми — на отдых...

...Вернувшись от Сталина в министерство, Абакумов выпил стакан мадеры (прислали из Крыма, специальной очистки, почти совсем без сахара), дождался, пока внутри ссело, снял френч, поменял совершенно мокрую от пота рубашку, переоделся в штатское и только после этого погрузился в тяжелое раздумье.

...Еще в первые месяцы работы в Москве, выполняя поручение Берия, он налаживал наблюдение и подслуш всех разговоров бывшего народного комиссара здравоохранения Семашко, одного из тех, кто начинал революционную борьбу вместе с Лениным.

Данные прослушки оказались любопытными: однажды Семашко сказал за чаем, что «гибель Холина, исчезнувшего в конце двадцатых, когда Ягода стал заправлять в ОГПУ, — серьезный удар по науке; гениальный врач, черт его дернул брякнуть о гибели Мишеньки, на каждую сотню честных приходится один платный мерзавец».

Поначалу Абакумова заинтересовали слова о «платных мерзавцах», но когда он затребовал дело на исчезнувшего доктора Холина, то оказалось, что тот ассистировал при операции Фрунзе.

Значит, Мишенька — это Фрунзе, понял тогда Абакумов, вот в чем дело!

* Спасибо (груз.).

(Продолжение следует)

К фильмам ужасов?..

ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ КИНОКАРТИНЫ «КАРАУЛ»

Странно: я, всегда с некоторой иронией относившийся к людям, «изливающим душ» в письмах в редакции, сел за стол, чтобы поделиться наболевшим. Несомненно, гласность позволяет верить в то, что и тебя выслушают, и к тебе прислушаются...

А сказать есть что. Я — человек «ведомственный», как и миллионы моих сограждан. Всю свою сознательную жизнь отдал службе в Вооруженных Силах — сначала в Советской Армии, позже — во внутренних войсках. Скоро увольняться в запас.

Горечь одолевает от того, что в буре происходящих революционных перемен мы все стали кричать и потому плохо слышим друг друга. Многие из нас стремятся погромче заявить о своей приверженности перестройке, понимая ее настолько по-своему, что подгоняют под себя, забывая, что лишь общие интересы, общая боль и общая радость приведут к успеху.

Скажите, проблемы Вооруженных Сил — это проблемы лишь военных? «Нет, — ответите вы, — всего общества». Тогда почему же армию обвиняют во всех смертных грехах?..

Я уже вижу, как морщатся некоторые читатели: «Ну вот, еще один радатель о ведомственных интересах...» Но позвольте, с каких это пор авторитет нашей армии, наших защитников Родины стал ведомственным, а не государственным, не общественным интересом?

Пишу под впечатлением художественной киноленты «Каравул», которая меня просто поразила.

На протяжении всей картины изощренные издевательства «стариков» над молодыми солдатами, жестокость, отборная брань, насилие, пошлость...

«Это — правда, такое в армии, во внутренних войсках есть», — слышу голос оппонента. «Да, бывает», — отвечаю. И спрошу: «Во имя чего, зачем в картине собраны воедино все пороки, которые могут встать в человеке? Ведь жизнь, служба солдатская, та же проблема «дедовщины» значительно глубже, шире, многообразнее. Отчего же здесь — лишь черные краски?»

Искусство — сила, требующая от художника особой ответственности. На

что направлена сила в данном случае? Указать на «болезнь»? Вызвать у зрителей шок? Возмущение?..

Я знаю, армию надо лечить. Как и все общество. Но вы, уважаемые создатели «Каравула», искусственно вызывающие отвращение юношей к службе солдатской, вы — не врачи. Ибо врачи не могут не сострадать. Я не вижу вашего сопереживания, вашей боли, а лишь злость, голую компиляцию из мерзостей. Таких сцен, например, как та, где «старик», издеваясь над молодым сослуживцем, требуют от него высказывать грязные пошлости в адрес своей жены, вряд ли сыщешь и в самой страшной лагерной глубинке, не то что в воинском подразделении.

Вы, уважаемый автор сценария, убежденно заявили в одной из телепередач, что главной причиной «дедовщины» является заинтересованность в ней офицеров. Но человек, хоть мало-мальски знакомый с предметом, знает, что нормальный офицер боится «дедовщины», потому что видит в ней мину замедленного действия: рано или поздно она взорвется дисциплинарным проступком или ЧП. Офицер часто оказывается бессилен перед «дедовщиной» — вот в чем беда, потому что традиции унижения слабого сильным, характеры людей уже сформированы и приобретают в ночной жизни казармы лишь видоизмененные формы.

Смею заверить вас, «специалист» по проблемам армии, что причин у «дедовщины» огромный клубок, ею поражено все наше общество. И одолеть болезнь мы сможем, лишь объединившись, лишь искренне болея за исход, а не зарабатывая очки на подборе и выставлении «жареного».

Я — отец и думаю о том, как наши дети будут относиться к воинской службе, всегда справедливо считавшейся в нашей стране делом почетным и благородным.

От фильмов об армии прежде сахарных мы теперь переходим к фильмам ужасов о ней?..

Старший прапорщик
М. ПОСТОЛОВ, заслуженный
работник культуры РСФСР.

Многие из читателей журнала так или иначе связаны с автомобильной техникой: одним доверена перевозка людей и грузов, другие организуют эксплуатацию и обслуживание транспорта, третьи с гордостью ездят на службу на собственной машине... Они очень разные, но дорога уравнивает всех — от каждого зависит безопасность движения.

Мы постараемся помочь автолюбителям и профессионалам: начиная с этого номера журнала, будем публиковать информацию о новинках автомобильной техники. Опытные водители и ремонтники поделятся секретами безопасного вождения в различных дорожных условиях, хитростями, которые помогут сэкономить горючее, увеличить межремонтный пробег, найти выход в безвыходной, казалось бы, ситуации...

ДВА ПРИЕМА, И КОЛЕСА ПЕРЕСТАВЛЕННЫ

Для равномерности износа шин колеса меняют местами каждые 5000 километров. Вот наиболее эффективный метод проведения этой операции (существуют несколько других, но они требуют больше сил или соответствующих приспособлений).

Вынуть запасное колесо. Слегка приподнять правую сторону автомобиля; колеса чуть-чуть касаются земли, но гайки шпилек можно отвернуть.

Установить запасное колесо справа сзади. Правое заднее колесо переставить на место правого переднего. Затянуть гайки шпилек.

Поднять левую сторону автомобиля: Правое переднее колесо установить вместо левого заднего. Левое заднее колесо — на место левого переднего. Бывшее левое переднее станет запасным колесом.

Этот метод позволяет, только два раза поднимая автомобиль, переставить все колеса. Другие способы перестановки требуют большего количества операций.

УМЕЙ ВЫБИРАТЬ ДИСТАНЦИЮ

Много попутных столкновений происходит из-за того, что водитель выбирает слишком малую дистанцию до лидирующего автомобиля и не наблюдает за изменением обстановки впереди него. Дистанция до движущегося впереди транспортного средства должна быть не менее 2 секунд, ее можно определить следующим образом. Когда задний бампер автомобиля, движущегося впереди, поравняется с каким-либо заметным ориентиром (дорожным знаком, светофором, разметкой, деревом и т. д.), начинайте считать, сколько секунд потребуется вашему транспортному средству, чтобы достичь того же места. Считайте так: «Одна секунда — раз, две секунды — два». Если вы проедете ориентир до того, как произнесете эти слова, значит, дистанция недостаточно велика.

Дистанция, равная 2 с, приемлема при спокойном движении и на хорошей дороге. В сложных и опасных условиях дистанция должна быть увеличена до 4—5 с. К таким условиям можно отнести следующие.

Скользкая дорога. Если автомобиль, движущийся впереди, внезапно затормозит, вам понадобится значительно больше расстояния для остановки, чем при движении на сухом покрытии.

Впереди движется мотоциклист. Если мотоциклист опрокинется, вам понадобится дополнительное расстояние, чтобы его объехать. Вероятность падения мотоциклиста увеличивается на мокром дорожном покрытии, на металлических поверхностях (каркасы мостов, трамвайные пути), а также на гравии.

Водитель следующего за вами автомобиля собирается совершить обгон. Здесь следует снизить скорость, чтобы увеличить свободное пространство впереди вашего автомобиля и тем самым облегчить обгоняющему завершение маневра.

Ваш автомобиль сильно нагружен или имеет прицеп. Необходимость увеличения дистанции в этом случае связана с тем, что дополнительный груз вызывает увеличение тормозного пути.

Впереди движется крупногабаритное транспортное средство, закрывающее обзор. Увеличение дистанции помогает улучшить обзор сбоку и впереди автомобиля.

ЕСЛИ «СЕЛ» АККУМУЛЯТОР...

При пуске двигателя с помощью рукоятки, особенно если аккумуляторная батарея разряжена, нужно экономить оставшуюся энергию и употреблять ее исключительно на обеспечение достаточной искры. Можно, например, отключить контрольные приборы. На «Жигулях» для этого достаточно вынуть предохранитель № 9.

На «Волге», «Москвиче» и «Запорожце» можно подходящим проводом соединить клеммы ВК и ВКБ катушки зажигания. При этом отключится дополнительный резистор, увеличится напряжение на обмотках и мощность искры. Только не забудьте сразу после пуска удалить эту перемычку, иначе катушка зажигания будет перегреваться и может выйти из строя.

В ТЛУХОЗИМЬЕ

Зима — пора жгучей морозной сини. Тяжелые времена наступили для рыбьего населения. Особенно в водоемах мелких, замкнутых, с обилием растительности, которая, отмирая, нередко забирает последние крохи кислорода, обрекая рыб на гибель. Но и там, где условия вполне сносны, не просто наудить рыбешек на уху, не говоря уже о полновесной плотве или окунях-горбачах. Рыбы вялые, приманку берут неохотно, и это удильщик должен учитывать. Если в начале ледостава на крючок щедро цеплял кисточку пунцовых мотылей, то те-

перь ограничивается одним, а то и вовсе мелким — кормовым. Более плавные движения придаются и мормышке. Достаточно, чтобы она там, у дна, слегка колебалась, медленно поднималась и опускалась.

Щуки, судаки, крупные окуни таятся на дне глубоких впадин, ям, омутов. Ловят их на малька, живца, отвесным блеснением. Успехи проблематичны, но, случается, у речных хищников просыпается «волчий» аппетит, и тогда счастливый рыболов долго вспоминает тупые толчки матерого хищника, схватившего приманку.

Да, трудна рыбалка в глухозимье, но тем и приятельна! Выуженный из темных глубин живой слизачек серебра, пусть даже уместающийся поперек ладони, желанен вдвойне.

А какое удовольствие после напряженной трудовой недели вдосталь испытать колодежного, кристально чистого воздуха, насладиться сторожкой морозной тишиной, полюбоваться сказочными картинками заснеженного леса, опоясанного речной излучиной! Уже одно это с лихвой перекрывает все тяготы, выпадающие на долю рыболова-зимника.

Н. ФЕТИНОВ.

А ВОТ БЫЛ СЛУЧАЙ

ГДЕ РАКИ ЗИМУЮТ

Заметно светает. Из низко нависших туч сыплет мелкий сухой снежок. Давно просверлены во льду лунки, настроены удочки, но клева все нет и нет: за два часа удалось выудить лишь небольшую красноперку да пару окунишек-недомеров.

Раздосадованный вконец сыплю в воду свежую прикормку. В старице течения почти нет, и мелкие крошки мутным облачком медленно опускаются в глубину. И сразу же на крайней удочке чуткий сторожок еле заметно дрогнул и замер. Похоже на осторожную поклевку. Делаю контрольную подсечку, но... пусто, рыбы на крючке нет. Нет и мотыля. Значит, и в самом деле что-то брало...

Цепляю нового червяка. Мормышка-невеличка скользнула в темную глубину. Только она коснулась дна, как кивок сработал. Плавно подсекаю и сразу же ощущаю в руке приятную тяжесть. Правда, на красноперку или окуня как будто не похоже. Не чувствуется рычков и толчков рыбы. Вываживаю добычу в лунку и вижу... огромного рака. Он с трудом проходит в пятнадцатисантиметровую лунку. Настоящий «королевский» экземпляр! Оказавшись на льду, рак воинственно топорщит клешни и норовит ухватить за палец, пока я высвобождаю крючок мормышки.

Товарищ хохочет: «Вот уж поистине ловил рыбу — поймал рака!»

Но смеялся он напрасно. Вскоре такой

же улов был и у него. Потом мне попался еще один рак.

И я, и мой напарник были уверены, что в зимнее время раки спят в своих норах. Но оказалось, что они и подо льдом охотятся. Притом довольно активно. Летом не каждый раз удается на крючок подсечь сразу трех клешненогих.

Г. СОТНИКОВ.

ПОЛОСАТЫЙ ЩЕТОЛЬ

Окунь — рыба дневная, стайная, лишь крупные экземпляры держатся в одиночку. Населяет мало-мальски глубокие пруды, озера, реки. Быстрого течения избегает, предпочитая тиховодье. Ведет хищный образ жизни. Питается мелкими рыбешками и прежде всего — верховкой, личинками насекомых (мотыль, ручейник, опарыш, «бабка» и др.), мормышом, пиявками, головастиками, червячками, не пропустит мясо ракушки, линяющего рака. Окунь-травяник, житель прибрежья, невелик. Глубинный — быстрорастущ, достигает длины полуметра и веса 3 кг.

Для своих стоянок окунь облюбовывает чистые песчаные скаты, подводные возвышенности, плесы с зарослями трав, бровки и откосы старых русел в водохранилищах, ямы ниже перекатов, тиховодье за островами, закоряженные участки, россыпи камней, протоки между островками, подмоины у берегов. Держится в придонном слое. Охотясь за мальком, поднимается в верхние слои воды. В студеное время, обычно ближе к весне, может стоять выше и даже у нижней плоскости льда. Подниматься окуня заставляет недостаток кислорода.

Клюет окунь на перечисленные животные насадки. Зимой это мотыль, репейник, червь. Хорошие результаты дают комбинации — мотыль с репейником; кусочек червя с репейником или мотылем. Ловится окунь и на искусственные приманки: различные сочетания цветных кембриков на цевье крючка и даже голую мормышку, но в этом случае мормышке необходимо придать до 200 и более колебаний в минуту. Причем на голую мормышку чаще всего попадают более крупные экземпляры.

Ф. НИКОЛАЕВ.

НАСАДКА ВПРЮК

В свое время много хлопот мне доставляли поиски мотыля. Насадка эта универсальная, да вот беда — быстро портится. Сейчас я приспособился заготавливать ее впрок и хранить в течение многих месяцев.

Как обычно поступаю? Купленное в зоомагазине рубиновое рыбе лакомство очищаю от мусора и погибших личинок и тщательно промываю в дуршлаге, опущенном в кастрюлю с водой. Живой мотыль при этом оказывается на дне посуды, а мусор и погибшие червячки останутся в дуршлаге.

Очищенный таким образом мотыль хорошо подсушиваю, разложив на газете, затем пересыпаю крахмалом, разделяю на небольшие порции (на одну рыбалку) и раскладываю в спичечные коробки. Их укладываю в целлофановый пакет и убираю в холодильник, а зимой — на балкон.

На рыбалку беру одну-две порции. Перед тем, как нацепить мотыля на крючок, отогреваю его пальцами, а летом он сам на воздухе оттаивает.

Поверьте моему опыту: насадка из мотыля, хранящегося в замороженном виде, ничуть не хуже, чем из свежего. Рыба во всяком случае не обижается — клюет.

В. КРИВЕЦ, полковник в отставке.

НЕ ПЛ, НЕ ВОР ВОРОБЕЙ

Часто судим мы о воробьях только как о воришках, крадущих с полей зерно. Водится за ними такой грех. Но мы совершенно не учитываем, какой вклад эти труженики вносят в выращивание того же зерна.

Один садовод-любитель рассказывал мне: «Раньше я от воробьев пугала ставил, гонял их с участка как мог. Теперь же и зимой подкармливаю, и домики типа скворешни вешиваю. Никакие химические препараты в борьбе с вредителями сада не могут соперничать с воробьями».

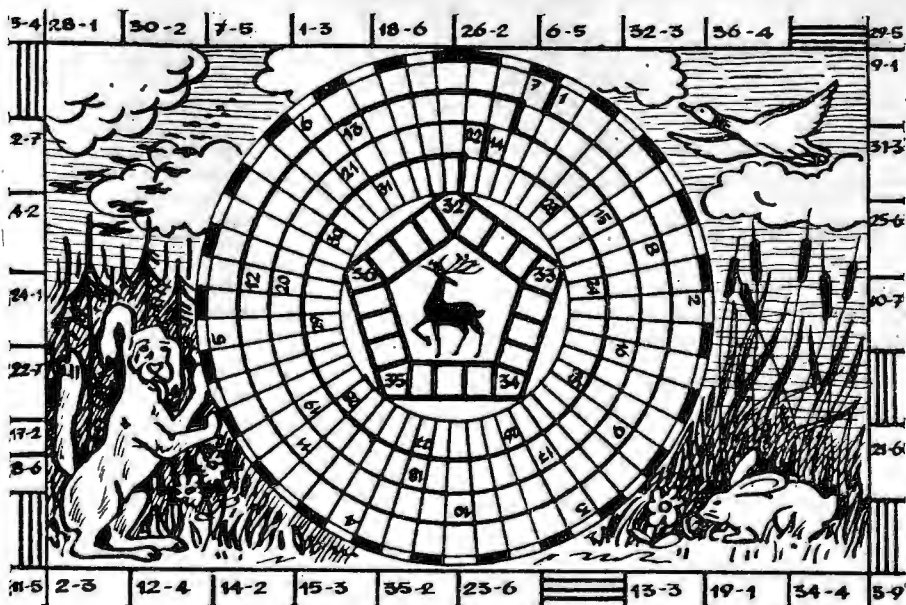
А зайдите-ка в период массового вылета воробьиного потомства в подмосковные дубняки. Сколько эти неутомимые труженики уничтожают гусениц! Если учесть, что воробьи выводят потомство два, а то и три раза за лето, то можно себе представить, сколько уничтожают они вредных насекомых.

В каждой семье за столом остаются хлебные крошки. Не жалейте высыпать зимой их в какую-нибудь коробочку за окно. Пернатые друзья, в том числе и воробьи, воздадут вам сторицей. А наблюдая за ними, можно увидеть и узнать много интересного.

Ф. САВИНСКИЙ.

ЧАЙНВОРД-ШИФРОГРАММА «ОХОТНИК»

765
107

Правильно разгадав чайнворд, прочтете текст шифрограммы по периметру рисунка. Первое число означает порядковый номер слова из разгаданного чайнворда, второе — порядковый номер буквы в этом слове.

1. Охотник на волков. 2. Ранее общепринятое наименование русской гончей. 3. Земля, не покрытая снегом. 4. Особи, совместно живущие на каком-то пространстве. 5. Охотничья собака, выведенная в Германии на основе жесткошерстных пинчера и фокстерьера. 6. Самец косули или оленя со штыкообразными, малоразветвленными рогами, которыми в период гона он калечит много соперников. 7. Заяц летнего помета, родившийся в дни колошения хлебов. 8. Щиток, сплетенный из прутьев ивы и укрепленный на камне, имеющий в центре отверстие с настороженной петлей. 9. Животное, обитающее в данной местности, истари в ней живущее. 10. Несовпадение следа передних и задних лап животного. 11. Молодой, переогодовалый волк. 12. Пучок длинных волос на кончиках ушей рыси, белки и некоторых других млекопитающих. 13. Особь с белокрашенными шерстью или оперением. 14. Белые пояски или участки на волосе лисицы, бобра и некоторых других пушных зверей, придающие меху серебристость и повышающие его стоимость. 15. Калибровка. 16. Старинное метательное оружие, сочетавшее лук и лох.у с прикладом. 17. Токующий тетерев или глухарь, обычно матерый петух, первым прилетающий на токовище и открывающий ток. 18. Укороченная винтовка с крутыми, но неглубокими нарезами. 19. Утиная дневка, большей частью на укрытом лесном озере, куда утки сваливаются на рассвете с окрестных водоемов для отдыха. 20. Белая бляха на лбу лисухи. 21. Мраморный окрас собаки. 22. Количество выстрелов, сделанных из ружья за время его эксплуатации. 23. Переогодовалый медведь. 24. Ясно выраженная часть песни птицы. 25. Держащийся в одиночку старый бык-лось, зубр, олень, кабан. 26. Наименование заячьего хвоста. 27. Диаметр канала ствола огнестрельного оружия. 28. Характер дробовой осыпи, при которой дробины располагаются по мишени равномерно. 29. Участок леса, закрепленный за егерем. 30. Самая мелкая охотничья дробь, применяемая для добычи мелких птиц. 31. Выведенная в Киргизии порода сильной и резвой короткошерстной борзой. 32. Стрелок или место в стрелковой цепи, доставшееся ему по жребию или указанию распорядителя на облавно-загонной охоте или при неподвижной охоте с гончими. 33. Резкий, слишком энергичный нажим на спуск ружья. 34. Часть леса, окруженная замкнутым кольцом кричан или молчунов. 35. Сиденье с упором для ног и спины, устраиваемое из жердей на дереве. 36. Плавающий на воде зыбкий растительный ковер, трясина, сплавина.

Составил
капитан М. Гринюк.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧИТАЙТЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

■ 23 ФЕВРАЛЯ — ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ АРМИИ

И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

КОЖЕДУБ И. Все мы — в строю 1

■ СРОЧНО В НОМЕР

АРТЮХОВ Е. Межа 4

■ ВЫБОРЫ В СОВЕТЫ: ДЕНЬ НЫНЕШНИЙ

КЛИМОВ Г. Что сердце тревожит 7

■ ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

. 9

■ ТВОЯ ПОЗИЦИЯ В ПЕРЕСТРОЙКЕ

АЛЕКСЕЕВ Ю. В «кадрах» решают... не все 14

УСКОВ В. Слушается персональное дело 20

■ КАКИМ БЫТЬ КОМСОМОЛУ?

ГОРШКОВ О. Если претендуем на роль вожakov 19

■ К 45-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

КУПЦОВ В. На подступах к истине 37

■ ОЧЕРК. ПУБЛИЦИСТИКА

ГЕОРГИЕВ А. Розы на черном граните 24

БЕЛИКОВ И. Ночи на Лубянке 33

АФАНАСЬЕВ В. Из караула не вернулись... или

Почему гремят выстрелы в спецвагонах 42

СТУДЕНИКИН П., ГОНДУСОВ В. С болью и верой... 64

■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

ВОЙНАКОВ А. И был вечер... По старой лежневке
(рассказы) 48

ЧЕРНЫХ И. Неистовая «Фортуна» (повесть, начало) 53

СЕМЕНОВ Ю. Отчаяние (роман, продолжение) 74

КОЧЕТКОВ В., НИКОЛАЕВ А. Стихи 40

■ САМ СЕБЕ ТРЕНЕР

МАЗУРЕНКО С. Скульптор своего тела 72

... Не с бухты-барухты возникло решение послать телеграмму в адрес Съезда народных депутатов. Этому предшествовали длительные по времени попытки обратиться на себя внимание администрации лечебно-трудового профилактория и командования части.
«ПРАПОРЩИКИ-КОНТРОЛЕРЫ: НАБОЛЕЛО!»

— Если бы вы признались, что вас пытали, — устало сказал Исаев, подойдя к окну, — честное слово, мне было бы легче помочь вам... И вдруг Гелиович рассмеялся:
— Да? Это как же? Предали б суду моих палачей?

ЮЛИАН СЕМЕНОВ.
«ОТЧАЯНИЕ»
(ПРОДОЛЖЕНИЕ
РОМАНА),

... Главное, научиться комплектовать свой костюм. Ведь человеку удобнее иметь отдельные предметы, которые, сочетаясь друг с другом, дают массу вариантов.

М. КРАЙНЯЯ.
«ПУТЕШЕСТВИЕ
В ПЛАТЯНОЙ
ШКАФ».

Художественное оформление **Н. Ф. Рожкова, Е. К. Селиковой.**

Технический редактор **И. В. Володина.**

Корректоры **Е. Ю. Гаврилова, И. Ю. Семибратова.**

Адрес редакции: 111250, Москва, Е-250.
Телефоны: секретариата — 361-82-57. Отделов: войсковой жизни — 361-85-23, партийной жизни и военно-патриотического воспитания молодежи — 361-81-54, пропаганды — 361-82-87, военного очерка и публицистики — 361-86-27, литературы — 361-85-28, культуры и массовой работы — 361-89-29, художественного оформления — 361-85-21, издательства (вопросы подписки) — 361-80-97, бухгалтерии — 361-85-80.

Сдано в набор 5.12.89 г.
Формат бумаги 70×108¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 13.

Подписано к печати 18.1.90 г.

Усл. печ. л. 8,4 + 2 вкл. ¹/₄ п. л.

Г-42301

Цена 55 коп.

Зак. № 158

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда», Хоршневское шоссе, 38.

Для каждого охотника, начинающий он или уже бывалый, велико наслаждение побродить по полям и лесам с ружьем. Но во сто крат выше оно, когда рядом умный, преданный друг — собака.

Испокон веков охота с собаками славилась на Руси. Славится она и поныне. Правда, в наше слишком занятое время хлопотно многим держать борзую или гончую. И все же тяга к охотничьему собаководству не убывает. Подтверждением тому — выставки охотничьих собак, собирающие многочисленные посетители.

Среди владельцев собак немало и военных охотников. В охотничьих хозяйствах тоже держат четвероногих помощников, преимущественно лаек, гончих. При всем том спортивная охота с собаками ждет своих энтузиастов. Особенно благотворна она в среде военных охотников, в частности, в отдаленных гарнизонах.

Новая рубрика призвана рассказать об основных породах охотничьих собак — легавых, лайках, гончих, норных, спаниелях, борзых — и побудить заинтересованного читателя выбрать на свой вкус верного и надежного помощника в охотничьих скитаниях. В этом номере — о лайках.

ЛАЙКА

Эта собака по праву считается универсальной. Для охотника, любящего и понимающего всякую охоту и имеющего возможность держать только одну собаку, лайка почти незаменима. С ней добывают мелкого и крупного пушного зверя, копытных, боровую пернатую дичь, водоплавающих. Она к тому же неплохой сторож, необыкновенно красива, чистоплотна, воздержанна и неприхотлива в пище. Ее можно держать и в городской квартире. Словом, это мечта каждого охотника, если он ищет четвероногого спутника. Различают три основные разновидности породы: западно-сибирская, русско-европейская, карело-финская лайки.

К. ОГЛОБЛИН,
полковник в отставке.

На снимке В. КАДЫШЕВА: западно-сибирская лайка.

На выставке. Фото Ю. КАММЕРЕРА.

новая рубрика: ОХОТНИЧЬИ СОБАКИ

«ТЕХНИКА»

ПРЕДЛАГАЕТ НАРУЖНЫЕ СИСТЕМЫ СИГНАЛИЗАЦИИ
ПРОНИКНОВЕНИЯ ДЛЯ ПЕРИМЕТРОВОЙ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ

ГИДРАВЛИЧЕСКИЙ
СИГНАЛИЗАТОР
ПРОНИКНОВЕНИЯ

Сигнализатор состоит из рукавов, заполненных морозостойкой жидкостью, чувствительного элемента и контрольного наконечника.

Напряжение питания: 20+30 В ДЦ
Потребляемый ток, не более: 45 мА
Длина охраняемого участка, не более: 150 м
Давление жидкости в рукавах: 0,05 МПа
Температура окружающей среды: -30+ +50 °С
Защищенность: ИП 68
Глубина расположения рукавов: 0,4 м

СВЧ СИГНАЛИЗАТОР
ПРОНИКНОВЕНИЯ

Система реагирует на изменения электромагнитного поля, образующегося между передающими и приемными блоками.

Напряжение питания: 20+30 В ДЦ
Потребляемый ток, не более: 55 мА (для одного участка)
Длина охраняемого участка: 20+ 150 м
Температура окружающей среды: -30+ +50 °С
Защищенность: ИП 65

УКВ СИГНАЛИЗАТОР ПРОНИКНОВЕНИЯ

Система сигнализации состоит из блоков передатчика, прямо-передатчика, приемника, дистанционного регулятора усиления и сигнального кабеля, уложенного в землю, реагирует на изменения электромагнитного поля, образующегося между сигнальными кабелями.

Напряжение питания: 20+30 В ДЦ
Потребляемый ток, не более: 350 мА (для одного участка)
Защищаемый участок: 20+ 150 м
Ширина зоны чувствительности: 2+3 м
Рабочая частота: 60+0,006 МГц
Температура окружающей среды: -30+ +50 °С (для блоков, уложенных в землю)
Защищенность: ИП 68

МИКРОПРОЦЕССОРНЫЙ ПУЛЬТ УПРАВЛЕНИЯ

Пульт управления – это центральный блок технической охранно-защитной системы сигнализации. Пульт может принимать и обрабатывать сигналы любой внутренней или наружной системы сигнализации.

Напряжение питания: 20+30 В ДЦ
Потребляемый ток, не более: 2 А
Характеристика каналов: параллельно-аналоговые
Способ обработки сигналов: последовательно-дигитальный
Число каналов: макс. 128
Температура окружающей среды: 0+ +50 °С
Защищенность: ИП 40

УКАЗАННЫЕ СРЕДСТВА ПРОИЗВОДИТ
ELEKTROTÉCHNIKAI JAVÍTÓÜZEM

ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ РЕМОНТНЫЙ ЗАВОД

ОБРАЩЕНИЕ ЗА ПОЛУЧЕНИЕМ ПОДРОБНОЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ
ИНФОРМАЦИИ И ВАШИ ЗАКАЗЫ МОЖЕТЕ ПОСЫЛАТЬ
НА АДРЕС ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ФИРМЫ:

ВНЕШНЕТОРГОВОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ «ТЕХНИКА»

Г. МОСКВА, 123376

УЛ. КРАСНАЯ ПРЕСНЯ, 1—7

ТЕЛЕФАКС: 255-18-32 ТЕЛЕТАЙП: 414-340 ТЕЛЕФОН: 250-71-61